

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Н.А. ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

 ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА
«Льнёт к губам раскалённое слово...»4

Якуб ПАТИЕВ
«Говорите больше о хорошем...»18

Инна МУХИНА
«О, муза, ты – судьба и свет...»56

Гурген БАРЕНЦ
«Не всё распознаётся сразу...»73

Тамара ПОТЁМКИНА
«Просто взмоет душа, будто и не болела...» .87

Айна КЕКИЛОВА
«По кругу нас планета вертит...»98

Инна ЯСКЕВИЧ
«Но всё больше кругом – чужие...»107

Алина СЕРЁГИНА
«Крепость моя, я тебя храню...»113

Виктор КАШКИН
«С послеперестроечной "весны"...»118

Сергей ЛЕОНТЬЕВ
«Я служу литературе...»124

Татьяна СКОРИКОВА
«Слово – это исток...»132

Анатолий УВАРОВ
«Лишь одного у Бога просим...»
(размышления к моему 90-летию
со дня рождения).....141

Айна АЗИЕВА
Монограммы судьбы.....165

 ПРОЗА

Владимир КРУПИН
Застойные времена9

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(27) 2018

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 10.04.18.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ Е-1709

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании

KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Михаил ЛАПШИН
О деликатности.....111

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Горький вкус мечты.....121

Александр ГАНИН
Мальвина.....135

Василий ПОЛЯКОВ
Проливной дождь. Повесть151

ДРАМА

Василь ТКАЧЁВ
Мать Мария. Мелодрама в двух
действиях25

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей КАРА-МУРЗА
Красная армия: нужны новые
подходы к её истории47

Александр ГУБАНОВ
Национальная оборона101

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ
Философия почвенничества
в поэзии Владимира Бояринова
(некоторые аспекты творчества)61

ПАМЯТЬ

Хасан ТУРКАЕВ
«Учитель, перед именем твоим...»
Слово о Викторе Борисовиче Корзуне
(1913-1967 гг.).....81

Евгения ДОРОГОВА
«Детство закончилось в тринадцать лет...» .90

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Евгений СЕМЁНОВ
Русь и иезуиты. Царь Иоанн IV
Васильевич Грозный и иезуит
Антонио Поссевино169

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Судя по многому происходящему вокруг, мир окончательно вступил в новую эпоху. Эпоха эта ещё в самом начале, но главные её черты проступили уже весьма определённо. Законы её будут жёсткими, гарантий не будет ни для кого, в самом широком смысле этих слов. Для России новая эпоха будет иметь особое значение. Либеральные иллюзии, от которых долго и мучительно, со многими потерями освобождался наш народ, уже давно показали свой антигуманистический, выморочный характер. Тем не менее, наша так называемая «элита», и доньше не теряющая безумно-наивной надежды встроиться в элиту мировую, упорно продолжает исповедовать самые замшелые либеральные догмы. В то же время, длинный ряд казусов уже убедительно показал отдельным представителям олигархии, что принимать их в качестве равноправных партнёров никто никогда не собирался. Есть и явные признаки того, что в некоторых государствах готовится серьёзное «раскулачивание» отдельных подозрительно богатых иностранных «предпринимателей». В нашей стране также по ряду признаков можно судить о том, что власть приступила к наведению порядка. Насколько это серьёзно – судить преждевременно, но воздержаться от сдержанного воодушевления трудно. Одно ясно всем: время пустословия подошло к концу...

В литературе по-прежнему царит инерционное сосуществование «официальных», выставочно-фестивальных групп, приближенных к власти и к крупным издательским проектам, и подлинного литературного процесса, протекающего по своим естественным законам, в русле великой русской литературной традиции. В этом неравном сосуществовании есть большая несправедливость уходящей эпохи, но, в то же время, есть и некая глубинная правда, терпеливо ожидающая своего раскрытия.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает публиковать произведения, служащие укреплению современной российской литературы в её национальном многообразии, укреплению духовного единства России и её национальных интересов во всей их полноте.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2018

© Авторы, 2018

ПОЭЗИЯ

Людмила ЩИПАХИНА

**Редакция журнала ВЕЛИКОРОССЪ
поздравляет русского поэта
Людмилу Васильевну ЩИПАХИНУ
с Юбилеем!**

Людмила Васильевна Щипахина – поэт, член Московской городской организации СП России. Родилась на Урале, в Екатеринбурге. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор более тридцати книг стихов и полтора десятка книг переводов с языков народов СССР. Секретарь Правления Международной Ассоциации писателей баталистов и маринистов. Член Исполкома Международного Сообщества писательских Союзов, Лауреат литературной премии им. Константина Симонова. Награждена орденами – «Дружба народов» и «Знак почёта», медалями. На стихи Людмилы Щипахиной написаны песни в содружестве с композиторами – Людмилой Лядовой, Вадимом Орловецким, Эдуардом Колмановским.

Живет в Москве.

«Льнёт к губам раскалённое слово...»

Теле-шоу...

И каждый вечер снова,
Уже который год,
Лихие теле-шоу
Зомбируют народ.

Смешные экспертизы
С анализом родства...
Ну, право-слово, – шизы
На пике торжества!

Чудес шальное поле,
Обильный каравай.
Смотри – и будешь в доле!
Поженимся, давай!

Разгул лихой свободы
Заканчивает день.
И своды, и разводы...
Такая хренотень!

Но смотрит население.
И рейтингов – не счастье!
Есть в этом – упоенье...
...И обалденье – есть!

Обманутые дольщики...

Угля и газа, нефти – вволю,
В святой России не избыть...
А где же в этом наша доля?
Мы вправе у страны спросить!

Мы будем нищими доколе?
Ведь, ограбленья – длится срок...
А наша доля – ветер в поле
Да ваучер – пустой листок.

Ведь, обещали!.. И просили...
Мол, выхода другого нет.
Две «Волги» за судьбу России –
Бумажка в ближний туалет.

Статисты проданной эпохи
С мечтой братства и родства,
Мы все обмануты, как лохи,
В тумане лжи и воровства.

И нам одна осталась доля,
Одна спасительная нить:
Чтобы посмела наша воля
Вернуть своё!.. И – поделить ...

Послехоккейное...

Мы все патриоты – за каждую шайбу болеем.
Мы дружно кричим на трибунах – «Россия – вперёд!»
Но что же при этом родную страну не жалеем,
Где ждёт нашу помощь простой, не спортивный народ?

Болели бы так же со страстью той самозабвенной,
Трудом отмечая природы избыточный жар, –
Болели бы сердцем за каждый завод убиенный,
За каждую шахту, за каждый заросший гектар...

Вот так бы восторженно светлые души сплотили
Во имя того, что понять и исправить пора!
Тогда бы победно кричали: – «Россия! Россия!»
...А шайба – она не приносит ни сил, ни добра.

Наше молчание

Когда душа полна отчаянья
И сердце рвётся на куски,
Мы знаем – в омуте молчания
Избыток боли и тоски...

А время пополам расколото
На эти и на те года...
Молчание... Оно не золото,
А преступленье иногда.

Невидимые, незаметные,
Не предающие страну,
Мы знаем, что друзья заветные
Умеют слышать тишину...

В ней сила единенья множится
И в ней уверенность крепка,
Что будет всё у нас по-Божески!
Поэтому – молчим пока...

Ах, март!..

Не постыдно ли, годы забыв,
Упражняясь на лире условной,
Повторять отдалённый мотив
Нескончаемой песни любовной?

Но скажите тогда, почему,
Возрождённое снова и снова,
Вопреки ледяному уму,
Льнёт к губам раскалённое слово?

И зачем этот мартовский гул
Так превысил свои децибелы,
Что души безотчётный загул
Посягнул на чужие пределы?

И от света весенней волны
Наливаются полные кубки,
В честь того, что мы снова вольны
Совершать роковые поступки.

Заломив облака набекрень,
Ясный полдень и дразнит, и манит...
Обольстительно пахнет сирень.
Упоительно верба дурманит.

Был и так наш заглашник не пуст...
Но опять, выбивая из ритма,
Все оттенки возвышенных чувств
Отточила незримая бритва...

И они, созревая едва,
Вырываются к светлому миру.
Вот откуда берутся слова
И тревожат заветную лиру.

Сегодняшнее...

Проекты, речи и витийства...
Смертельных планов торжество.
Гудит индустрия убийства,
Кто качественней, кто – кого?

Такая ненависть воскресла
Со всех сторон и рубежей,
Что содрогнулся б даже Тесла,
И Ломоносов, и Энштейн.

Но в неоглядности обширной,
За святость мира и добра,
Стоят – работники всемирной
Великой армии Пера...

Заградотряд...

Когда года темны и мглисты
И мир разрухою объят,
Нас выручают оптимисты, –
Невидимый заградотряд.

Он заграждает выход к аду.
Зовёт идти за ним вослед.
И здесь иронии не надо!
И аналогий тоже нет.

В пустых химерах не блуждая,
Не путая цвета знамён,
О грозном мире больше зная,
Он широко осведомлён!

Порою платит высшей мерой,
Геройской смертью – смерть поправ.
Он сходен с православной Верой
На страже истины и прав...

Для слабых – он приют и пристань.
Оплот мятущейся души.
... Мы с вами – тоже оптимисты.
А, если плачем, – то в тиши...

Застойные времена

В тот давний морозный декабрь в Вятке, куда я примчался из слякоти и туманов Москвы, я был здоров, счастлив и молод. Первые мои рассказы, напечатанные в столичных журналах, дошли до родины, один даже с фотографией, что восхищало. Вот, не вру, увидел в троллейбусе девушку, читающую мой рассказ. «Это – судьба», – забилося сердце. Я с ходу подсел, она покосилась, отодвинулась, а я сообщил: «Это я написал». Она ответила: «Иди, дядя, проспи». С тех пор не ищу контактов с читателями. С московскими. А Вятка? Вятка – это Вятка. Конечно, нет пророка в своём Отечестве, тем более в недоверчивой Вятке, но ведь родина. Родина. Родила и вырастила, как не мечтать чем-то отблагодарить. Вот и считал свои рассказы малым вкладом в «малую» родину. Малой родиной называли место рождения писателя. Для кого малая, а для меня – всесветная. Таковой же она, уверен, была и для вятского русского поэта Анатолия Гребнева, живущего в Перми. Именно с ним мы встретились в эти морозы. Навестили писательскую и журналистскую организации, сходили во главе большого коллектива пишущих в баню, естественно, в номера. Естественно, с допингом для увеличения радости жизни. Вымылись и выслушали новости светской жизни областного центра.

– Нет, Толя, – сказал я, когда мы остались одни, – это счастье, что мы живём не в Вятке. Счастье. Приехали и уехали, а живи тут постоянно? Ведь это надо было бы участвовать в «борьбе». Ну чего вот он (я назвал фамилию) с бабами связался?

– А этот, – Толя назвал другую фамилию, – уже рехнулся от сознания своей гениальности. Ты слышал, он говорит: я – вятский Гоголь.

Я передал Толе приветы и поклоны от Анатолия Кончица, прекрасного писателя, тоже, естественно, вятского, живущего в Москве. Он сын посланного в Вятку белоруса и подосиновской женщины. Не женщина из-под осины, а район такой, Подосиновский. И пересказал Толе до сих пор не

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живет в Москве.

напечатанную повесть Кончица. О ней чуть дальше. ...Пока же закончу рассуждение о климате провинциальной культурной жизни в сравнении с московской. В провинции враждуют всерьёз и подолгу. В писательской организации из десяти членов всегда восемь партий. Вражда идёт до гробовой доски, закручивает события, втягивает и ближних, и дальних. В Москве враждовать некогда. Во-первых, в Москве никому ни до кого нет дела, во-вторых, в Москве много писателей, и все гении, в-третьих, событий, то есть сплетен, такое количество, что их не переварить. Утром узнаёшь, что такой-то уехал в Израиль, к обеду – что такой-то оттуда вернулся, а такая-то ушла от такого-то к такому-то (так ему и надо), вечером в ЦДЛ подрались (вчера тоже дрались, но как-то не так, сегодня ярче, милиция была), такой-то выдвинут на премию, а такой-то задвинут (конечно, надо наоборот, да разве ж эти там, в секретариате, чего-нибудь понимают), того-то избрали, а того-то прокатили (надо было обоим прокатить), а эта сучка только приехала из Франции и уже включена в делегацию в Италию («а ты что ж, не знал, она же стукачка»), то есть такое количество событий, стычек, лагерей, заседаний, что когда уж тут подолгу враждовать. Одно было и продолжается противостояние: евреи и русские. Но как-то же уживались, сидели на одних совещаниях, пьянствовали вместе, делить, конечно, было что (издания, звания, поездки...), но как-то и это решалось. Я потом долгие годы был в Приёмной комиссии, сейчас некогда, а надо бы рассказать, как принимали в Союз. Если мы, русские члены Приёмной комиссии, не принимали в Союз еврея, причём совершенно по объективным причинам (бездарен, тупомолен, мало написал, подождём), то члены комиссии евреи тут же автоматически топили русского, будь он хоть расталантлив. Но как-то всё же договаривались, Союз писателей рос.

Именно в ЦДЛ я познакомился и мгновенно сдружился с Анатолием Кончицем, земляки же. Он часто звонил и забавлял, например, тем, что вот сейчас перечитал «Господина из Сан-Франциско» и понял, что в России только три прозаика: «Ты, я и Бунин». – «Тут у меня ещё Женя сидит», – говорил я. «Да, и ещё Женя». Но это он так шутил, а сам был скромнейший, совершенно не пробивной человек. Он написал повесть, где главный герой – унылый маленький человек советского времени. Комната в коммуналке, зарплата ниже уровня моря, кто такого полюбит? Но однажды в его комнате вдруг отъехала в сторону стена, за ней открылся сад, беседки, выскочил швейцар и пригласил: «А пожалте, барин, для аппетита погулять». Вот такой сюжет. Швейцар, имя его Филимон, любил барина. У берега тихой речки, конечно с лебедями, пели девушки в сарафанах, доносилась свирель пастуха. И барин, совершенно разнеженный, говорил Филимону: «Дай-ка ты мне, братец, в руки пистолет да поставь-ка ты себе на голову яблоко». – «А не портили бы вы яблоко, барин», – отвечал Филимон, нисколько не сомневаясь, что барин попадёт не в лоб, а в цель.

Толя, посмеявшись, сказал вдруг:

– А что, барин, не мало ли мы погрелись?

Мы стояли среди морозного тумана. Окутанные седым снежным куржаком, извергая мгновенно замерзающие облака выхлопа, проносились автобусы. Скрипели валенки торопливых закутанных прохожих. Непонятное время как бы умершего от холода дня подстрекало к сопротивлению. Тем более после бани боялись простыть.

– Да, Филимон, – отвечал я. – Не будем портить радость от встречи разговорами о роли интеллигенции в её личной жизни.

Но в тот же вечер мы снова нарвались на такие разговоры. Нас заарканела областная гросс-дама (прошу только не думать ни на кого из знакомых вятских женщин), её давно нет в Кирове, тогда же она держала своеобразный салон. У неё, помню, были какие-то прыгающие по стенам и потолку пресноводные лягушки. Это добавляло ощущений. Театральная и околотеатральная публика, телевизионщики, ещё кто-то пели и пили и говорили услышанное по «Голосу Америки». Наша интеллигенция, что для неё, увы, естественно, верила разным «голосам» сильнее, чем голосу Москвы. Виновата и Москва (очень дубовые тексты звучали над страной), но и сама интеллигенция, которой со времён предателя Курбского, а его демократы числят в основателях русской интеллигенции, кажется, что всё заграничное лучше всего. Мне слышать то, что слышал-переслышал в ЦДЛ, было уже и не в состоянии. Господи Боже мой, я на родине, в богоспасаемой Вятке, и снова должен слушать бесконечное: Сталин, евреи, свобода творчества, пример Запада, отношение к интеллигенции, оплата творчества по таланту (все же таланты!), сколько можно?

– Я ухожу, – сказал я Толе. – А ты, барин, как изволишь. Игра в барина и Филимона уже привязалась к нам, только мы так и не поняли, кто из нас кто – кто барин, а кто слуга.

– И на кого ж ты меня покинешь? – отвечал Толя. Мы выбрались из-за стола вроде покурить, оделись в прихожей и самым примитивным образом эмигрировали. Так сказать, безвизно. Мороз ещё подбавил. Троллейбусы уже не ходили. Стали ловить машину. Толя остался на остановке, поставив на скамью портфель и выскакивая голосовать проезжающим, я перешёл на другую сторону.

Машину-то мы поймали, а вот портфель у нас свистнули.

– Да, – сказал я, – очарование родиной продолжается. – Мы недолго бы переживали, если б портфель пропал без содержимого, но он пропал именно заряженным. Мы стали искать то, чем можно было б залить горечь интеллигентских дискуссий. Конечно, с высоты лет легко нас осудить: шли бы спать, и всё, но поставьте себя на наше место. Приехали на родину, давно не виделись.

Выручил писатель Владимир Ситников, спасибо. Он совершил нерядовой поступок, когда в глухую полночь вышел на наш звонок на площадку квартиры, сразу всё понял и помог.

На улице у меня лопнула подошва зимнего австрийского ботинка. На такие морозы она явно была не рассчитана. А ведь знали же немцы, что в России есть генерал Мороз. Быстро забыли. Нога моя заколела в минуту. Вприпрыжку мы побежали ночевать к моему брату.

Утром брат залил пространство щели на ботинке каким-то особым клеем.

– Погоду слушал, – сказал он. – У тебя, Толя, в Перми, гораздо теплее.

И вот эта случайная фраза брата о погоде решила нашу судьбу. Сидели на кухне и всё прокручивали вчерашнее сидение с вятским бомондом. Разговоры его ничуть не отличались от разговоров и в Москве, и в Перми, рассуждали мы. У интеллигенции всегда все виноваты, но не она. Любимая тема – говорить о привилегиях начальства. Это же показывает зависть говорящего. Вторая любимая тема – обсасывать уже прошедшие события истории, которые уже не изменишь. Но зато сколько возможностей показать ум. Третья тема – осуждение пишущих (рисующих, играющих) собратьев. Конечно, все бездары. И так далее.

– У нас в Перми, – сказал Толя, – есть два поэта.

– Два? А ты? А?..

– Два враждующих. Зовут Штепсель и Тарапунька. Один – два метра, другой – метр с кепкой. Метр с кепкой написал: «Мировоззрение окраин центростремительней ума». Завихрение, конечно, но имеет же право. А высокий, Тарапунька, стал высмеивать: у этого шплинта и мировоззрение. Что ты! Обида, вражда. Если один пришёл в Союз писателей, другой не придёт.

– И у каждого читателя, так ведь?

– Естественно. А поехали-ка, Филимон, на вокзал, – сказал Толя. – Выпьем там. Не для пьянства, а чтоб не отвыкнуть для.

Поехали. Моментально схватили такси. Вообще, в дореформенной России с такси не было проблем, в Кирове особенно. Такси можно было вызвать из уличного телефона-автомата. Звонишь – через три минуты выезжает из-за угла. Ещё через пять минут водитель становится хорошим знакомым, а к концу поездки – преданным товарищем. Для начала Толя всегда читал стихи Передреева: «И вот стою и погибаю среди райцентровской грязи. Вот снова руку поднимаю, вот умоляю: подвези! Шофёр берёт меня, сажает, а я ему не сват, не зять. Шофёр глаза свои сужает, соображает, сколько взять...» Вятские таксисты, в отличие от московских, глаза не сужали, брали по счётчику (что, кстати, было очень недорого), а один раз возивший нас таксист заявил: «Парни, это я вам должен платить, а не вы. Я с вами, парни, как в кино сходил». То есть умели мы поговорить с народом. Правда, народ был не нынешний. А таксисты, думаю, уже и забыли, когда возили простых людей.

Опять у меня перекидка в нынешние времена. Но, когда вспоминаешь, невольно сравниваешь. Поминая дни древние, поучаешься в них, говорит Псалтырь. Так и мы. Всё познаётся в сравнении. Чем плохо жили? Да ничем. Главное, не боялись завтрашнего дня. Стали недовольны жизнью – получай. Недовольство жизнью всегда ведет к её ухудшению.

Толсто замёрзшие стёкла вокзального ресторана не пропускали ни свету, ни изображения того, что происходило на перроне. Слышен был шум уходящих и приходящих электричек, гудки электровозов.

– С этими разговорами, – сказал я, – будто из Москвы не уезжал.

– А я из Перми. У нас же тоже и «Немецкую волну», и «Свободу», и «Голос Америки» слушают. Глушат, конечно, да что толку. Антенны насобачились делать, приёмники делают помощней. За высокую техническую грамотность! – поднял Толя бокал.

– И за низкую национальную сознательность! – поднял я свой навстречу. – То есть за то, чтоб она возросла.

– Как всегда будет поздно, – хладнокровно отвечал Толя. Он закурил, рассматривал ногти на пальцах, поднял взгляд и весело предложил: – А поедем, Филимон, в Пермь. Сказал же брат – там теплее.

– Тогда уж в Москву. Там вообще оттепель. Мы почти посередине. Жребий?

– Жребий? – Толя уже достал спички и одну из них обезглавил. – Но! Вытянем Москву, а вдруг вначале пойдёт на восток. Давай поедем туда, куда пойдёт скорее.

– Давай.

Мы поднялись в кассовый зал, к расписанию. Вышло в Пермь. Билеты, правда, были в общий вагон, но что с того.

– Зима, мороз, и все куда-то едут. Ну мы-то хотя бы освежить взгляд зрелищем заснеженной России, а все-то куда? – спрашивал Толя, проверяя запасы огня и дыма, сигарет и спичек.

Поезд, на диво, пришёл и отошёл вовремя. В вагоне было так натоплено, что по нему бродили в майках. Плакали дети, орали динамики. Вагон был чуть ли не двадцатый, хвостовой. Выехали за привокзальные стрелки – и всё равно мотало. Толя уже узнал, что в поезде ресторана нет, есть буфет, но что и это не то.

– Почему?

– Как говорят психологи, выслушай информацию со знаком минус: в буфете только аква минерале. – Толя сделал паузу. – А теперь выслушай информацию со знаком плюс: в первом вагоне у проводника, официальная кличка Игорь, есть. Правда, надбавка за подпольную продажу, ну-к что ж. Идём? Водка от гонений крепнет.

Тогда, опять же кстати, качество спиртного было данным, то есть надёжным. Демократического пойла, убивающего людей, вроде «королевского» спирта «ройяль», вроде чудовищной ацетоновой бормотухи не было и в страшном сне.

Мы оставили полушубки и пошагали налегке. Представьте эти два десятка вагонов, в которых жар и духота, и эти снежные тоннели тамбуров, эти тяжёлые обросшие ледяным свинцом двери. Вечность мы шли до этого Игоря. Он оказался на месте, выслушал пароль от нашего проводника, назвал сумму. Мы к тому времени уже умели не удивляться. Купили расположение этого Игоря ещё и тем, что сообщили: одну распечатываем с ним, одну берём с собой. Платим за обе.

– Вот такой пошёл клиент у тебя.

Добру добро откликается – в служебном купе появились и горячая картошечка, и рыба, также огурчики-помидорчики, вызвавшие в памяти частушку: «Огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике». Хоть и не убивал, а в частушку для закрепления в народной памяти попали оба. Посидели душевно, пошли. И снова эти контрасты жары и полярного холода, снова эти перемерзшие окна, за которыми что-то проносилось.

– Как в метро едем, – сказал я на середине пути.

– Слушай, барин, беря в рассуждение то, что от этих сквозняков и мороза ни в одном глазу, а также трудность добывания горючего, а также то, что всё равно снова идти, то...

– Не из горла же.

В том же вагоне, в котором пришло разумное решение, мы обратились к проводнице как близкие друзья Игоря. Да и без Игоря мы были в своём народе. Огурчиков не было, но чистые стаканы, но хлеб, но шоколадка предстали в ту же минуту. Посидеть с нами проводница отказалась. Оставила нас из деликатности одних, пошла подметать.

– Надо бы ей стих сочинить, – предложил я. – Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро.

Толя подхватил:

– Нам так понравилось сидеть, что захотелось к вам опеть.

Мы всё прибрали, вышли в тамбур. Толя курил, я мёрз. Пытался продышать глазок в стекле. Вроде протаивало, но как только отклонялся, чтоб набрать воздуха, глазок затуманивался, как засыпающий.

– Удмуртию, наверное, проезжаем.

– Не Удмуртию, а Глазовский уезд Вятской губернии, – поправил Толя. – Мы вятские, чужого нам не надо, но наше отдай. Нас вообще кругом обтяпали. Чайковский был наш, стал удмуртским, это что? Заболоцкий отошёл к

марийцам, Шаляпин к татарам, Шишкин к ним же. Что ж осталось? Васнецовы только. Ну что, барин, к Игорю?

Игорь уже был не проводник, а полупроводник, как мы его потом назвали. Но, выпивая, он не хамел, цены не прибавлял, только всё обещал начистить морду электрику состава.

– Он же всю дорогу дрыхнет. Вот и отоварил Райку. Нет, начищу! Будет блестять, будет!

– С мордой не связывайся, – посоветовал Толя. – Пристрели и выкинь. Проще. Вместе с Райкой.

И опять этот поход из головы в хвост. По пути благодарили проводницу, обещали написать ей стих. В этот раз всё-таки решили пойти до своего вагона, а то как бы наши полушубки не скоммуниздили. В вагоне полушубки были на месте.

– Филимон, пока не будем открывать, давай сочиним, обещали же.

Соседи по купе засобирались выходить. Верещагино.

– Уже Верещагино! – ахнул Толя. – Да, барин, вот как, оказывается, надо преодолевать пространство. Преодолевать его в движении. Лёжа мы бы так быстро не ехали.

Мы улучшили жилищные условия, то есть перебрались с боковых мест на перпендикулярные им. Стали сочинять. Я письменно, Толя устно.

В жаре, на полке боковой, / Над колесом, у туалета, / Я ехал к крестнику домой, / Он был поэтом. / Крик жён, храпенье их мужей, / Хрипенье радио-эфира, / Казалось мне, что нет уже / Другого мира. / И обезкровленный листок / В окне метался. / Изнемогая, на восток / Я продвигался...

Окончание я забыл, да это и неважно. Толя, как профессионал, сочинил гораздо лучше: «Надоело болтать и стограммить под хмельную чечётку колёс. Я сумею состав застопкранить, я успею уйти под откос. Вы меня ни за что не найдёте, мне на вас глубоко наплевать. Ах, какие на поле ометы, я в ометы уйду ночевать... – Дальше, помню, было: – С головою зареюсь в лучи и усну в золотистой соломе, как у мамы на русской печи. – В конце стояло: – Не забыт он, не предан, не запит родниковой отчизны исток. Мне на Вятку, на запад, на запад, а колёса стучат на восток».

Толя щедро похвалил мои способности к рифме, но поправил:

– То, что я твой крестник, ты верно отобразил, но почему про этого крестника: он был поэтом? Был? Если так, то я сумею состав застопкранить. Все будут как обезкровленные листки метаться.

– А на кого это тебе глубоко наплевать?

– Они поймут.

В Перми вряд ли было теплее. Доказательством мороза было то, что прямо на вокзале у меня лопнула вторая подошва, и первая, та, которую лечил брат, тоже треснула, но не по склеенному, брат сделал на совесть, а рядом.

– У тебя дома клей есть?

– У меня, как в Греции, всё есть, – отвечал Толя. – Но ты что, думаешь сдаваться? У меня и жена есть, даже и вятская, то есть даже больше, чем хорошая, да ведь жена-а. Но! Барин, сейчас хоть и темно, а ведь ещё и шести нет. Помнишь шутку: до семи пьют семиты, а после семи антисемиты. Поехали в Союз, там точно кто-нибудь есть.

О, эти бесконечные пермские улицы, проспекты, гигантские площади. Ну зачем, скажите мне, иметь в городе улицу, конечно, имени Ленина, длиной в семьдесят километров? Одно утешало, что в Перми есть своя Царь-пушка

размерами больше Царь-пушки, стоящей в Кремле. Причём важное отличие: кремлёвская пушка так и не выстрелила, а пермская и стреляла, и ещё вполне может стрелять. Сведение, ценное для нынешних времён.

Приехали в Союз писателей. Там было народисто. Рядом с Союзом писателей был клуб МВД, конечно, имени Дзержинского. В нём мы быстро достали всё необходимое для радости встречи. Вот, кстати, тоже глагол: достать. Этот глагол гораздо энергичнее, нежели глагол «купить». Купить любой может, а ты достань. Достать – дело творческое. Загрелась казённая посуда, с меня требовали московских новостей. Но я всегда замечал, что в провинции больше знают о Москве, нежели в самой Москве. Высокий поэт, назовём Александром, завладел вниманием.

– Этот шплинт, – сказал он, – этот шибздик имеет мировоззрение.

– Хватит тебе! – закричали присутствующие.

– О! – вдруг встрепенулся Толя, сидящий рядом. – Ведь Славка рядом живёт. – Толя вышел. Потом я понял, что он звонил поэту маленького роста, просил прийти в Союз.

Тут началось и блистательно произошло событие, положившее конец поэтической вражде. Событие задумал и провёл Толя. Он примерно рассчитал время прибытия Славы и наполнил бокалы.

– За Пушкина! – возгласил он.

Возражений не было. Только встали (за Россию, за Пушкина, за женщин – стоя), как в дверях появился Слава. Александр поперхнулся, Слава попятился, но Толя подскочил к дверям, загородил Славе выход и закричал:

– Тих-ха! Саш, скажи только одно: хуже или лучше Пушкина ты пишешь? Мы знаем, что ты прекрасный поэт, ты заработал бессмертие, но вот кто лучше: ты или Пушкин?

Александр помялся, переступил (все ждали ответа) и угрюмо проворчал:

– Ну, Пушкин.

– А ты, Слав? – тут же обратился Толя к маленькому ростом. – Ты лучше Пушкина пишешь, а?

– Что глупость говорить? – ответил Слава. – Пушкин же.

– Итак! – поднял руку Толя. – Вы оба пишете хуже Пушкина, так чего вам делить? Чего? Ну-ка, брудершафт!

Мы загудели одобрительно, стали подталкивать противников друг ко другу. И – свершилось: Толя с помощью Пушкина и с нашей помощью покончил с враждой, вырвал её корни. Славу и Александра посадили вместе. Александр отечески подливал соседу и гудел:

– Плюнь ты на эти мировоззрения, пиши прощаль. Как у Пушкина: мороз и солнце, понимаешь, прибежали в избу дети... так и молоти.

Сидение закончилось. Тогдашний секретарь пермского отделения Союза писателей Николай Николаевич Вагнер позвал нас к себе. Много лет назад он похоронил жену, больше не женился, жил одиноко, но очень чисто в трёхкомнатной квартире. Сразу отказался от нашего предложения посидеть на кухне, стал накрывать в большой гостиной. Любо-дорого было смотреть, как он постилает чистейшую скатерть, достаёт из серванта и перетирает хрусталь, фарфор, раскладывает мельхиоровые приборы, извлекает из морозилки запотевшие ёмкости, нарезает дефицитные продукты. Опять отвлекусь: это была чисто русская советская загадка тех времён: при пустых магазинах изобилие продуктов в домах. На Западе в магазинах всё ломилось, а придёшь к

ним домой – пусто, экономно, ужимисто. У нас всегда полная чаша. Сейчас более начинаем походить на Запад.

Николаю хотелось поговорить с московским гостем.

– Вот этот, – он назвал модную фамилию, – ведь еврей?

– Ну?

– Я сразу понял. Не успел напечатать роман, как уже шквал аплодисментов. А ведь в зубы нечего взять, просто гигантский очерк, а не роман. А вот этот (фамилия) русский, прекраснейшая повесть, и никто ни звука.

– Ни слова о евреях! – закричали мы.

– При Сталине... – начал Николай.

– Ни слова о Сталине, – закричали мы.

– Значит, молчать?

– Есть же третья тема, – о женщинах.

Потом мы воспели этот вечер в стихах: «Коля жил как отшельник игумен, лишь с печатной машинкой дружил, и в горячке писательских буден без излишеств, без пьянства он жил. Только надо ж такому случиться – был покой монастырский сметён, вдруг явился к нему из столицы барин в туфлях, а с ним Филимон...» Про барина и Филимона мы, конечно, Николаю рассказали.

– С женщинами я вам не помощник, – ответил Николай. – Но пригласить могу.

– Приглашай, – распорядился Толя. – Желательно постарше. Для общения, для интеллекта. Вдохновения хватает.

Я вызвался чистить картошку и жарить мясо, они пошли звонить. Слышно было, как Толя энергично уговаривает:

– В такой мороз надо держаться ближе друг к другу. На полчаса? Отлично. В нашей жизни и пять минут могут стать вечностью.

Одну уговорили. Стали звонить второй. Вторая, объяснил Николай, была очень важной женщиной, со склада запчастей. Познакомился, когда ездил доставать что-то для своих «Жигулей». «Писателей, говорит, уважаю. Телефон дала домашний».

И вторую уговорили. И мясо у меня подошло и томилось под чугунной крышкой. Обе приехали чуть ли не враз. Первой та, которую Толя уговаривал особенно жарко. Зрелище было страшным. Потом мы его описали так: «Филимон возле дамы хлопочет, возле дамы ужасной своей, у которой ни сердца, ни почек, ни волос, ни бровей, ни груди». Вторая была раза в два моложе, но тоже сильно в годах.

Я сидел напротив Толи и видел, что он и страшится, и мужается поглядеть на соседку. Другая, со склада, была проще и веселее. Чем-то ей понравился именно я. Она предложила спеть интеллигентскую песню: «Миленский ты мой, возьми меня с собой». Спели и стали анализировать: кто в центре песни? Эмигрант? Скорее, ещё не уехавший, но отправивший в «край далёкий» и жену, и сестру. Ведь в краю далёком есть у него и жена, и сестра. Заставили Толю читать стихи. Всё было душевно.

Полночь, однако, приближалась. Женщина со склада вполне освоилась в квартире, сообщила мне, что нам надо занять одну из комнат, что уже люди устали, надо дать им отдохнуть, и нам пора. Николай, наклоняясь ко мне, вдалбливал, чтоб я непременно к утру достал крестовину для его «Жигулей». Вот женщина, прихватив в одну руку рюмки, в другую графин (Николай же не мог опуститься до того, чтоб наливать гостям из бутылок), лягнула меня

в плечо бедром и пошла. Николай стал меня толкать вслед за ней, повторяя: «Крестовина, крестовина!» Так он меня и затолкал в камеру пыток.

– Миленский, – хлопнула в ладоши женщина, – контрольный звоночек, и...

Этот контрольный звоночек меня спас. Оказывается, муж женщины уехал в тот день проверять отопление на даче и собирался там ночевать, а приехал туда – всё отопление полопалось, трубы перемёрзли, и он возвращается. Хорошо ещё, заехал к знакомым гаишникам и позвонил с поста. Эти сведения женщина получила от матери, взвизгнула и мгновенно собралась. Я фальшиво и радостно кричал:

– Как? Так сразу?

Вызвали такси. Оно, как и в Вятке, подрулило моментально. Женщина исчезла. Вскоре отправили и вторую. Можно себе представить радостное мужское застолье, которое вслед за этим продолжалось ещё дня три-четыре.

Но в этих днях были: и баня, и покупка мне зимних ботинок, не австрийских – отечественных, тёплых, надёжных, были и встречи с трудящимися и учащимися. Продолжалась игра и в барина, и в Филимона, причём я до сих пор не понял, кто из нас кто. Ослабев здоровьем, я уже не мог ехать поездом. Тем более если б я поехал поездом, то как бы я проехал Вятку? А на неё уже не оставалось сил. И я улетел самолётом. Всё было настолько доступно и настолько мы всё это не ценили, что... что теперь!

В Москве измученный Уралом организм схватил простуду уже на трапе самолёта при выходе, и вечером того же дня я отправился лечиться. Куда? Конечно, в ЦДЛ. И там, конечно, сидел Анатолий Кончиц, которому я и рассказал о воплощении его литературных персонажей, что его повесть, так сказать, каким-то боком вышла всё же в люди.

И какова же, как говорил знакомый писатель кавказских кровей, какова же «марал»? Он не видел смысла в рассказе, если в нём не было лобовой морали.

Да, какова «марал»? А никакой. Чего теперь, когда всё в России – и власть, и финансы, и особенно средства массовой информации, театр, кино, – всё захвачено, я не скажу – нерусскими, но скажу – антирусскими людьми. Именно так. И мы сами помогли этому. Одно утешает – всё это захвачено, а захватчики трясутся от страха. Они же понимают, что Россия осталась с русскими.

Но как же помогли? Очень просто: тем, что подвигивали кухонным борцам, желающим публично говорить правду, желающим жить в другой стране или переделать эту страну. Мало было, что говорили везде и говорили, кто что хотел. Но ведь так хотелось кайфа – тиражировать то, что говоришь на кухне, обнажаться хотелось публично. Ну, обнажились, ну, переделали страну, что ж вам невесело, господа хорошие?

В кратком послесловии сообщаю, что та женщина со склада сама привезла Николаю несколько крестовин, полюбила литературу, выпрашивала мой адрес. Николай выстоял, семья моя сохранилась.

Вот такие воспоминания из времён, когда картошка стоила десять копеек, а в школе детишек учили любить Родину.

ПОЭЗИЯ

Якуб ПАТИЕВ

Якуб Султанович Патиев – родился 11 февраля 1953 года в Кокчетавской области Казахстана. Ингуш. Окончил филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. С 1994 г. – в органах государственной власти Республики Ингушетия. Главный редактор Общественной газеты Республики Ингушетия «Сердало» («Свет») Действительный государственный советник Республики Ингушетия I класса. Награждён Почётными грамотами Президента (Главы) Республики Ингушетия и Правительства РИ. Кавалер ордена РИ «За заслуги». Издал около 30 книг. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России.

Живёт в Магасе.

«Говорите больше о хорошем...»

«Вся жизнь – театр, и люди в нём актёры».

В. Шекспир

Вся жизнь борьба, и люди в ней бойцы,
Воюют все и всюду постоянно.
Что женщины, что старцы, что юнцы,
Друг другу нанося вслепую раны.

За тряпки бьются, за еду и кров,
За место, чтоб под солнцем им досталось,
За блеск слепящих званий и чинов,
Превозмогая боль или усталость.

Воюют даже в мирной стороне,
Как будто отражают вражьи орды,
Друг с другом бьются, не скупясь в цене,
За кубки и спортивные рекорды.

А как за деньги бьются и посты,
Легко переступив через святое,
За низменные планы и мечты,
Забыв обычай предков и устои!

Воюют все, друг с другом и с собой,
И нет, чтоб жить и радоваться жизни.
И равнодушных втягивают в бой,
Под взглядом ненасытной укоризны.

О, сколько душ погублено людских,
В войне без бомб, гранат и автоматов.
И, несомненно, будет больше их,
Чем павших на полях войны солдат.

Всегда воюя, всё вокруг крушим,
И, хоть нас давит жизни колесница,
Мы с гордостью, как прежде, говорим:
«И вечный бой! Покой нам только снится!»

Говорите больше о хорошем

Этот мир давно уже размечен,
Обитая меж добром и злом.
Только мы в беседах и при встрече
Вспоминаем больше о плохом.

И спешим зачем-то поделиться
Только что услышанном собой,
И мрачнеют слушателей лица,
И нарушен их души покой.

Приглушите весточку плохую,
Если не способны умолчать,
Лучше о хорошем, и смакуя,
Постарайтесь всё же рассказать.

В обществе случайном иль с друзьями,
Умножая отдыха уют,
Поделитесь добрыми вестями,
А плохие и без вас дойдут.

Этот мир и многолик, и сложен,
Интересен каждый его миг!
Говорите больше о хорошем,
И тогда похорошеет мир!

И почему ты так красива,
Зачем даны тебе одной
И этих глаз шальное диво,
И их пленительный прибор?

Какой художник гениальный
Тебя, такую, изваял,
Какою песней величальной
Он это тело оживлял.

Кто стану дал звучанье лиры
И гибкость молодой лозы,
Глазам – огранку ювелира,
Прозрачность ангельской слезы?

А кто собрал в одной улыбке
И страсть, и нежность, и покой?
Как струны знаменитой скрипки,
Она пронзает чистотой.

А голос, трепетно-певучий,
Какой настроил камертон?
С души прогонит разом тучи
В минуты тягостные он.

А как сошлись в игривом смехе
И озорство, и юный пыл?
Судьбы нелёгкие орехи,
Твой смех услышав, я забыл.

Ты – тайна вся и вся открыта, –
И тем загадочно сильна.
Подобно языку Санскрита
Для постижения трудна.

Тебя воспеть – одно блаженство,
Ты рождена, чтоб восхищать.
Хвала Творцу, что совершенство
Такое может создавать!

*Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся...*

А.С. Пушкин

Увы, народы распри не забыли,
Их власти приумножили сполна.
С годами лишь коварнее травили,
Шли друг на друга, на страну – страна.

В единую семью соединиться
Желающих в Отчизне не найти.
Кому-то снятся спорные границы,
Кто новые желает провести.

Враждуют интересы, не народы,
И льётся кровь обманутых людей,
Под лозунгом единства и свободы,
Во имя дурно пахнущих идей.

Учёные, политики, поэты
В словесных битвах доказать сошлись,
Что с пращуров их, прадедов и дедов
На этих землях зародилась жизнь.

Они потомки некогда великих
Народов – властелинов полземли,
Но в помыслах и действиях же диких,
Как будто только с дерева сошли.

Враждуют племена, народы, расы,
Религии, культуры без конца.
И поднимают, как иконостасы
Замшелые идеи из ларца.

Ужель Всевышний многоцветье наций
Придумал не для жизни, для вражды,
Чтоб с ростом их культур, цивилизаций,
Приязни были сгублены плоды?

Почти два века тем словам поэта,
Но яростнее распри с каждым днём.
Ужели нету впереди рассвета,
И мы к семье единой не придём?

Любимым женщинам

О женщины – красавицы, богини,
В которых я влюблялся и влюблён,
Любви моей высокие вершины
И испытаний сердца полигон.

Кто промелькнул по жизни, как комета,
И кто в душе навек остался жить,
Благодарю за луч добра и света,
Что каждая сумела подарить.

Я уходил от вас, но не прощался,
Терял из виду воле вопреки.
Встречался снова, мысленно общался
И мучился ночами от тоски.

Мне встречи с вами чудные мгновенья
Поныне греют душу и бодрят.
Вы, как источник чистый вдохновенья,
Желанны, как и много лет назад.

Простите, что не всех сумел воспеть я,
Достойные пронзительных стихов.
И ваших чар попав однажды в сеть я,
Остаться в них желаю и готов.

Вниманьем вашим наделённый вдоволь,
В гордыне чувств своих не расплескал.
И нежным взглядом, задушевым словом,
Как мог и как умею, отвечал.

О сколько раз просил у сил небесных
Я вам любви и счастья, кто бы знал!
И если б мог, без обещаний лестных,
Кусочек счастья своего отдал.

Спасибо вам, что озарили годы
Своей неповторимой красотой,
Чудесные творения природы,
Души моей волненье и покой.

О женщины – красавицы, богини,
Все вместе или каждая из вас.
Я заводь жизни и её стремнины
Лишь вам благодаря прошёл не раз.

И где б я ни был, далеко, вблизи ли,
И видеть вас я буду или нет,
Но сердце вы моё навек пленили,
И этот стих – вам верности обет!

Мы все в том времени прожили,
Что хором осуждаем ныне.
Трудились, верили, дружили,
И брали приступом вершины.

И в светлые стремились дали,
Друг другу подставляя плечи,
И чувства добрые внушали,
И были искренними встречи.

И претворяли в дело мысли,
На зависть странам и державам.
Теперь всего не перечислить,
Что составляло нашу славу.

И было всё: паденья, взлёты,
И ложь, и бедность, и гоненья,
И в космос первые полёты,
Победы в войнах и сраженьях.

Всё это было так недавно,
И было с нами, не с другими.
И ныне выглядит забавно.
Когда с порывами благими

Мы, вскормленные той эпохой,
Не глядя, прошлое порочим,
Что всё в те годы было плохо,
А все успехи – между прочим.

Волонтаризмом иль застоём
Назвав те доблестные годы,
Мы больше рушим, а не строим
Идеи, связи и заводы.

И нас догнали третьи страны,
А что годами создавали,
Всё те же горе-критиканы
С безумной скоростью прибрали.

Но чем порочить всё бывшее
Пустопорожними словами,
Кто время приближал «благое»,
Хоть что-нибудь создали б сами.

Над книгой мудрости столетий
В раздумье тягостном сижу,
И обо всём на белом свете
Здесь мудрость жизни нахожу.

Известны были всем от века
К добру дорога, жизни суть.
Или каков для человека
Единственно надёжный путь.

У всех народов, стран, сословий
С лихвой хватало мудрецов,
Но только их святое слово
Основой не было основ.

Кто голос мудрости услышит
Под звон пленительный монет,
Где цели нет надёжней, выше,
Собой затмившей белый свет?

О, книга мудрости столетий,
Кому, скажи, теперь нужны
Твои наивные советы,
Коль правит миром бог войны?

Никто не внемлет их советам,
Другая жизнь вокруг течёт.
Не потому ли вся планета,
В пороках, мучаясь, живёт?

ДРАМА

Редакция журнала **ВЕЛИКОРОССЬ**
поздравляет белорусского прозаика,
драматурга, публициста
Василя ТКАЧЁВА
с 70-летием со дня рождения!

Мать Мария

Мелодрама в двух действиях

Действующие лица:

Мать Мария – одинокая, ещё довольно крепкая старушка.

Митук – её сосед, бывший горожанин.

Зинуля – односельчанка, загадочная личность.

Участковый.

Кузьмин Николай Павлович, **Сорока** Надежда Ивановна – бывшие квартиранты Матери Марии.

Зычкова Галина Васильевна.

Авдеев – молодой специалист.

Наши дни.

Действие происходит в сельском доме и во дворе.

Действие первое

1.

Жилая комната в деревенском доме. Всё просто, обычно. Есть на чём сидеть и спать. Посреди комнаты – круглый стол. В углу – маленький телевизор, на нём стоит клетка с канарейкой, рядом – телефон. На стене большой портрет мужчины. Бросается в глаза распахнутое настежь окно...

Канарейка поёт.

Мать Мария. Весело, весело мне с вами. Почему не жить! (*Выглядывает в окно*). Ты поёшь, канарейка, кот Васька вон моется в палисаде... Гости будут, не иначе... Митька придёт, кто ж ещё... Он... Митук-Митушок... (*Подает ломтик хлеба*)

Василь ТКАЧЁВ

Василь Ткачëв (Василий Юрьевич Ткачëв) – родился в 1948 г. в д. Гута Рогачëвского района Гомельской области. Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища СА и ВМФ. Работал в печати, долгое время возглавлял Гомельскую областную писательскую организацию. Прозаик, драматург, публицист. Автор многих книг и пьес. Член Союза писателей Беларуси и Союза театральных деятелей.

Живёт в Гомеле (Беларусь).

птичке). Съешь вот... Хлебушек... Скушай. Ешь, ешь: ты сегодня заслужила как никогда – красиво пела. И долго... Заработала, моя хорошая. С тобой мне хорошо. С тобой и мне веселее. Спасибо Митьке.

Из сеней доносится грохот. Мать Мария насторожилась. Входит Митук. Его всего трясёт.

Митук. Спа... спа... сай, Мать Мария... Спасай...

Мать Мария. Вот, вспомнила... Что, опять лихорадка?

Митук. Перебрал. Ага. Вчера... И закусывал вроде бы как...

Мать Мария. Рукавом разве что?

Митук. Не только... Рыбой...

Мать Мария. Знаю, как ты закусываешь. Ай-я-яй, Митька! Что же ты делаешь с собой? Что же ты делаешь, детка? На кого ты стал похож в последнее время, а? Митька, Митька... И в Москве так пил?

Митук. Ага, там выпьешь! Пахал, как вол...

Мать Мария. А маленьким таким хорошеньким мальчиком был... Ласковым, послушным, всегда улыбался...

Митук. Знаю: скурвился. Ну так что теперь?

Мать Мария. А-я-я-яй! Обещала ведь, себе сколько раз слово давала, клялась: всё, больше тебе – ни капли... ведь совершаю преступление – помогаю тебе опускаться всё ниже и ниже... Ох, горечко!..

Митук. Смилуйся, Мать Мария. Кто ж, если не ты?

Мать Мария. Вот-вот... кто же, если не я? Я и сама так подумаю, а тогда и сжалюсь... Ведь и действительно, если умрёшь – с кем останусь? Бывают же дни, когда мне без тебя тяжело, никак без тебя... Пойду, поищу. Возьму ещё раз грех на свою душу... *(Выходит).*

Митук *(вслед).* Я... я отработаю, Мать Мария! *(Канарейке).* Ну, а ты как тут? Освоилась? Хлебушек клюешь? Да Мать Мария прокормит... Не бросит в беде... Ну, а если бы ты в том ресторане жила – что, лучше было бы, скажешь? Какое там! Курят напропалую, хотя законом и запрещено, пьют такие вот, как я, Митуки. Чему научат? А тут окошко рядышком распахнуто, свежий воздух... сирень цветёт... Слышишь, как вкусно сирень пахнет? Понюхай. Чем не житуха? Так что на новое место жительства ты не должна жаловаться. Все условия. Почему молчишь? Скажи что-либо. Э, тебе ли понять!.. Душа у неё светлая... богатая... Только вот своих детишек Бог не дал нашей Матери Марии... Обидел... Мишка её на второй день после свадьбы, сказывают, ушёл на войну... там и остался... Сама-то она об этом не распространяется... но люди-то всё знают... Тихо! Идёт!..

Возвращается Мать Мария с бутылкой.

Мать Мария. Больше нет ничего... только настой лекарств на водке... всё ты попил у меня, Митька... Только это осталось...

Митук. Со... сойдёт! Хорошо будет... Только ты мне... это... в стакан не лей... мало в рот попадёт... Руки, чтоб им!.. Видишь?

Мать Мария. Как тут не увидеть. Поди, ещё не совсем ослепла...

Митук. Расплещется твоё лекарство, ага... Дороже этих капелек сегодня для меня ничего в мире нет...

Мать Мария. А как тебе? В миску налить, что ли?

Митук. Я из горла.

Мать Мария. А после тебя я употребляй, да? Может, заразу какую из Москвы привез?

Митук. Не томи, Мать Мария! Умираю! Ты же видишь!..

Мать Мария. Сейчас... Погоди ты... Дырочка маленькая – трава не проскользнёт... не пролезет... а то ещё подавишься... *(Натянула на горлышко бутылки соску и поит Митука; тот сосёт соску, как дитя).*

Плач ребёнка-грудничка... Мелодия колыбельной...

Мне лекарств жаль... Они у меня – и своя аптека, и своя больница... Ну хватит, хватит... Ишь, разогнался... Оставь хотя немножко...

Смех ребёнка...

Митук *(застыл посреди комнаты, потом содрогнулся всем телом – принял боевой вид).* Хорошо пошло твоё лекарство! Спасибо, Мать Мария.

Мать Мария. Не за что... Ступай домой – отлежишься. Слышишь меня?

Митук. Понял. Понял, Мать Мария. И как бы я жил, если бы не ты? Так и быть: получу бабло из Москвы за два месяца, я тебе, Мать Мария, подарок сделаю. Решено! *(Вытянул руки – пальцы не дрожат, присел-встал несколько раз, и вышел из комнаты строевым шагом).*

Мать Мария. Эх, Митька, Митька! Бить тебя некому, и у меня рука не подымается. А таким хорошим мальчиком был... Завидовала я родителям, Гришке и Анне, невероятно как: мне бы такого сыночка... Нет-нет, такого – Боже упаси!.. Хотя что ж это я так про больного человека?.. Грешно про больного человека так говорить... Прости, Господи!.. *(Перекрестилась. Выглядывает в окно).* Васька! Или ты сдурел?! Моешься и моешься. Намоешь, чувствую, гостей. Только откуда им быть, гостям тем?

2.

Шум подъехавшей машины.

Мать Мария. О! Васька, антихрист, не зря мылся. Накликал кого-то. Кто бы там мог подрулить? *(Выглядывает в окно).* Боженьки! Чужой, кажись, кто-то. *(Суетится, не знает, за что ухватиться).*

Входит Кузьмин. С пакетом и цветами.

Кузьмин. Можно к вам, Мать Мария?

Мать Мария. А почему же нельзя? Тем более что уже вошли. Проходите. Гостем будете.

Кузьмин. Ну, здравствуйте, именинница наша дорогая! Не узнали?

Мать Мария. Погоди-погоди...

Кузьмин. Считаю до трёх! Раз!..

Мать Мария. Николай Павлович?! Агроном?!

Кузьмин. Я, я, Мать Мария. С днём рождения вас! *(Вручает цветы, подарок).* С днём ангела! Тут сами разберётесь... скромный подарочек... потом посмотрите... а кое-что и я возьму... но чуток погодя...

Мать Мария. Ой, а я же совсем и забыла про свой этот день! Боже праведный!

Кузьмин. Поэтому я и решил вам напомнить. Тем более – круглая дата.

Мать Мария. А сколько ж это мне и в самом деле?

Кузьмин (*притворно*). Не знаю, не знаю...

Мать Мария. Забыла, ей-богу!

Кузьмин. Возраст женщины, и это правильно, всегда должен быть окутан тайной.

Мать Мария. Боже! Если бы кто когда сказал мне, что доживу до стольких лет – ну ни за что бы не поверила. Ни за что. Посмеялась бы только. Назвала б его фантазёром. Это, по-видимому, Бог так распорядился – дал мне немножко и за Мишку своего пожить... За Мишу... Где его косточки лежат, бедненького? И не нацеловались, и не налюбезничались... Пухом земелька ему... (*Перекрестилась*). Юбилей, значит?

Кузьмин. Юбилей, Мать Мария. Такая круглая дата – как было не приехать? Грешно, грешно. Не скрою, признаюсь: позвонил в сельсовет, поинтересовался, как вы, в каком здравии, Мать Мария, мне ответили... И вот я, так сказать, собственной персоной.

Мать Мария. Ну-ну. И что же они, интересно, ответили в Совете?

Кузьмин. Что Мать Мария в полном порядке. В этом я и сам убедился. Да! Кстати, набираю ваш номер – молчит. Так у вас что, телефон сломался?

Мать Мария. Обиделся он на меня...

Кузьмин. Как обиделся? Кто ему позволил?

Мать Мария. А никому не звоню, никто меня не беспокоит, так он остался совсем без работы и, похоже, нос задрал: подумаешь, барышня такая! Не подходишь ко мне – и не надо: живи, как хочешь. И замолчал.

Кузьмин. Если только так, то здесь и моя вина есть – срочно исправляюсь! Буду звонить вам чаще.

Мать Мария. Это я шучу, Коля.

Кузьмин. Никаких шуток!

Мать Мария. Кто-кто, а ты не забываешь...

Кузьмин. Сейчас мы его, окаянного молчуна, заменим. Где это мой подарок? Ага, вон он! (*Извлекает из своего пакета новенький телефонный аппарат*).

Мать Мария. Сломался. Да. Выслужил свое. Всё с годами дряхлеет, ничто в этом мире не вечно...

Кузьмин. Но у нас всё предусмотрено. Коль Мать Мария в полном здравии, как сказали в сельсовете, и не отвечает – что это значит? Правильно, правильно, Мать Мария: у вас действительно сломался телефонный аппарат. Сейчас мы его, окаянного... Сейчас... (*Подключил аппарат. Проверил*). Вот. Пожалуйста. Работает. Беспокойте, Мать Мария. Теперь и мы можем беспокоить вас чаще. Всё в порядке. (*Поставил старый аппарат рядом с новым*).

Мать Мария. Спасибо, Николай.

Кузьмин. Да не за что, Мать Мария.

Мать Мария. Как же! Ты связал меня с миром.

Кузьмин. Пустяки. Были бы мы, а всё остальное – мелочи.

Мать Мария. Ну что же мы стоим, люди мои добрые! Я и не готовилась... Я же и правда забыла, что у меня именины. Не подумай, что притворяюсь.

Кузьмин. Ну, что вы, Мать Мария!

Мать Мария. Что-то же надо делать...

Кузьмин. Дайте мне сперва налюбоваться на вас, Мать Мария.

Мать Мария. Я что, кукла какая, а, Николай Павлович?

Кузьмин. Более, вы более, чем просто кукла. Вы – принцесса!

Мать Мария. Да ну тебя! Скажешь тоже – «Принцесса». Хотя узнаю тебя, сынок: каким ты был мечтателем, таким и остался. Тебя высокие должности ничуть не испортили.

Кузьмин. А не поддался! Сопrotивлялся, как мог...

Мать Мария. Это ж ты первый и начал обращаться ко мне: Мать Мария.

Кузьмин. Каюсь... Мать Мария.

Мать Мария. Оно взяло и пристало. Теперь все так и говорят. Даже Митук, сосед.

Кузьмин. А как мне было вас называть, Мария Сергеевна? Вы для меня вторая мать... И не только для меня, знаю... Многие вас вспоминают сегодня... поверьте мне...

Мать Мария. Не надо, Колька, а то я заплачу. Может, сядем всё же за стол?

Кузьмин. Сядем и за стол. Стол от нас сегодня не убежит.

Мать Мария. Правда, выпить ничего нет. По техническим причинам...

Кузьмин. А мне, между прочим, и нельзя: за рулём. А для вас – шампанское. Предусмотрел, а как же. Оно там... в пакетике... Мать Мария, а сколько у вас квартирантов было за всю жизнь – вы хотя знаете?

Мать Мария. Цифру не назову, но всех чисто помню. Не пустовала у меня, слава Богу, хата. Пришлют в Искань нашу специалиста, и ведут ко мне: принимай, Сергеевна. Это потом стали уже обращаться: принимай, Мать Мария.

Кузьмин. В деревне же двести дворов, а вели к вам. Почему?

Мать Мария. Ну это надо было спросить у председателя колхоза или у директора школы – почему так.

Кузьмин. И спрашивать не надо, я знаю сам. Потому что у вас было нам уютно, тепло – как дома. Всегда убрано, чистенько. Готовить вы умели. Да и про жизнь поговорить с вами было интересно.

Мать Мария. О чём там говорить уже было...

Кузьмин. Не скажите.

Мать Мария. Ай! Ну, а ты как, сынок, живёшь-поживаешь? Там же, в городе по-прежнему?

Кузьмин. Ну а куда город без меня!

Мать Мария. Слышала, в министерстве?

Кузьмин. Фу-у, когда это было! Министерство в прошлом. Работаю директором пригородного совхоза. Вернулся поближе к земле...

Мать Мария. А кто когда вернётся к нашей земельке?

Кузьмин. Вопрос не ко мне.

Мать Мария. А к кому же? Кто мне скажет? На моих глазах всё куда-то рухнуло враз, провалилось – как в прорву какую. Деревни, считай, не стало. Несколько хат всего осталось. Клуб разломали. Библиотеку закрыли. Фельдшерский пункт снесли... И даже почту и магазин ликвидировали. Автолавка, правда, не забывает.

Кузьмин. Понимаю. Но – увы!.. (*Развёл руками*).

Мать Мария. Вы все всё понимаете, а ничего не делаете. Или делаете, но – мало.

Кузьмин. Стараемся, мать...

Мать Мария. «Стараемся». Ну, ну, старайтесь... Ты как хочешь, Николай Павлович, а я буду собирать на стол. Наварим картошечки. Картошечку будешь?

Кузьмин. Обязательно! Первым делом!..

Мать Мария. В подвале у меня есть соленья-варенья... выкрутимся, не пропадём! Не то пережили!.. А?

Кузьмин. Конечно! Не с пустыми руками и я приехал. Вам помочь, Мать Мария?

Шум подъехавшей машины.

Мать Мария. Кто там ещё? (*Выглянула в окно*). Женщина? Сама за рулём. Глянь ты только! Крутая! Ну что, встречаем, Николай Павлович?

Кузьмин. А почему бы и нет? Встречаем, Мать Мария.

Мать Мария. Я узнала, кто это... Надька Сорока... Библиотекарша... Неужели и она помнит про мой день рождения?

Кузьмин. Получается, что так, Мать Мария.

Мать Мария. Когда ей среди тех книг было помнить! Что же это делается! Что же это делается, а, люди! Боже! И стоило мне столько жить, чтобы вас беспокоить?..

Входит Сорока. Также с цветами и пакетом.

Сорока. Можно к вам?

Мать Мария. Надька, ты?!

Сорока. Я, Мать Мария! Я!

Мать Мария. Кого-кого, а тебя сразу узнала, красавица ты моя! Прямо расцвела вся!

Сорока. Ну что вы, Мать Мария! А мне кажется, я такая, какой и была.

Мать Мария. Не возражай! Мне лучше знать!

Сорока. Я тут, вижу, не первая?

Кузьмин. Возможно, и не последняя.

Сорока. Дай-то Бог! Поздравляю, Мария Сергеевна, с днём рождения! (*Поздравляет, вручает цветы и подарок*).

Мать Мария. Вы никак сговорились?

Кузьмин. Какое там! Но не прочь познакомиться. Николай.

Сорока. Надя.

Кузьмин. Если целиком, то Кузьмин Николай Павлович. Бывший квартирант Матери Марии.

Сорока. Ну, если целиком, то Сорока Надежда Ивановна. Бывшая квартирантка Матери Марии. Очень приятно.

Кузьмин. И мне тоже.

Мать Мария (*утопила лицо в цветах*). Не много ли для меня одной сегодня столько внимания? С ума сойду! Помешаюсь, люди!..

Сорока. Пусть сегодня тепло будет вам с нами, Мать Мария, как когда-то тепло было нам с вами...

Кузьмин и Сорока обступили именинницу, прильнули к ней, так и стоят какое-то время.

Запела канарейка.

Сорока. Также радуется?

Кузьмин. Птицы понимают, где, когда и как петь надо. Они умные существа, тут ничего не скажешь.

Мать Мария. Это счастье в клетке подарил мне сосед Митук. Выпустить бы её, пусть бы полетала по избе, да боюсь – упорхнёт.

Входят Участковый и Митук.

Участковый. Ну, так и есть! Вот она, канарейка. Вот!

Митук. А я что, врать буду? Очень надо.

Участковый. Ты всё можешь.

Митук. Если бы я умел врать, я бы уже министром, может, каким стал.

Участковый. Бери клетку и пошли, министр криминальных дел!

Митук. Да не понесу я назад, сказал же!

Участковый. В тюрьму хочешь?! За эту мелюзгу?!

Кузьмин. А в чём, собственно говоря, дело?

Участковый. Простите, не представился.

Сорока. И не поздоровались... между прочим.

Участковый. С этими Митуками забудешь скоро, как родную тещу зовут. Разрешите исправиться? (*Козырнул*).

Сорока. Да-да, конечно.

Участковый. Участковый Брыкин. Ввожу в курс дела. Житель деревни Искань... вот он... Дмитрий Ползунков... двадцать седьмого числа прошедшего месяца был в райцентре в ресторане, где выпил, конечно же, и там же, уходя, прихватил с собой вот эту клетку с канарейкой... Все видите?

Митук. Дайте мне сказать! Прошу слова!

Участковый. Сперва скажу я. Поскольку его в райцентре многие знают... и не с лучшей, замечу, стороны, то довольно скоро нашлись свидетели, которые видели, как он шёл с этой клеткой по центральной городской улице и насвистывал...

Митук. Я пел. Свист и песня – это не одно и то. Пора бы знать.

Участковый. Слыхали? Он ещё и поёт!

Митук. Я, может, гимн исполнял?

Участковый. Хватит! Разговорился тут, однако! Так, идём дальше. Дело, конечно же, не стоит выеденного яйца, этих птиц летает много вокруг и около, но не ты устанавливал клетку в ресторане, не ты и бери. Вы меня поддерживаете, граждане? Я ясно выражаюсь?

Мать Мария. Верни, Митька. Верни.

Участковый. Если мы возвращаем эту птичку – криминала не будет: хозяин ресторана прощает. Если же нет – подаст в суд. Лично для меня, честно скажу, эта птица не представляет интереса и внимания, но он ведь говорит, она – редчайшая редкость, привезена откуда-то из-за границы и стоит шибко, скажу вам, дорого.

Мать Мария. Возвращай, Митька. Разве мало было в твоей жизни приключений?

Митук. Мать Мария! Вы же не видели тот ресторан! Одно название! Там повернуться негде, а они курят, сквернословят... Им что, не жаль этой птички? Я вообще не слышал, чтобы она хотя бы один раз, сколько там ни бывал, подала свой голос, чтобы хотя разок пиликнула. В клетке, да ещё охмурённая... ну разве же это жизнь? Это в вашей хате она запела так красиво! Тут!

Она же не человек, наконец-то! Это человек выдержит, за себя заступится! Пожалейте птицу! Сяду, а её не верну! Где наручники, участковый? (*Протянул Участковому руки*). Давай! Давай-давай! Арестовывай!

Участковый. Ну, просится человек, сам в петлю лезет. Вы же видите.

Мать Мария. Митька! Неслуж! Возьми себя в руки! Соберись!

Участковый. Послушайся Мать Марию – она плохому не научит.

Митук. Я же для Матери Марии и старался! Для неё. Ей хотя отдушина какая-то эта птичка! А ресторатор пусть бабло считает и радуется, что есть, не перевелись ещё такие дураки, как я, которые его туда несут.

Участковый. Ты что, того, Дмитрий? (*Покрутил пальцем у виска*). Что он такое говорит? Что за бред? Книжечек, вроде, и не читает...

Митук (*услышав про книжки, только теперь заметил библиотекаршу Сорокину*). Здравствуйте, Надежда Ивановна.

Сорока. Здравствуй, Митя.

Митук. А вы чего тут? От библиотеки пшик остался... видели?

Участковый. Потом, потом поговорите. Может, вы мне, граждане, объясните, что он только что за околесицу нёс?

Кузьмин. Братъ, конечно, чужое нельзя. Это всем понятно. Но тут ситуация такая, что я не знаю даже, что и посоветовать. Надо возвращать клетку.

Мать Мария. Надо, Митька, надо. Хотя и привыкла я к ней, но что тут поделаешь. Я же тебе и раньше говорила: отнеси туда, где взял. У нас вон в соседнем селе тракторист колхозный трактор в Россию загнал и сдал на металлолом. Додуматься же!

Участковый. Да там проходимец ещё тот! Под суд пойдёт.

Мать Мария. Трактор хотя вернули?

Участковый. Вернули и трактор, и его забрали куда следует. Если и ты туда хочешь, Дмитрий, то гляди... пристроим.

Кузьмин. Товарищ участковый!

Участковый. Слушаю!

Кузьмин. Я отвезу завтра клетку в ресторан. Передайте хозяину. Договорились?

Участковый. Вам верю. Человек вы, вижу, не шалтай-болтай... не чета ему... (*Кивнул на Митюка*). Кстати, а кто вы такие будете?

Митук. Ты что, библиотекаршу не узнал? Сороку?

Участковый. Что-то припоминаю.

Митук. Сразу видать: он был таким читателем, как и я! (*Ржёт*).

Участковый покрутил у виска.

Кузьмин. Надежда Ивановна, вы после меня тут квартировали, конечно же?

Сорока. Да. Позже.

Участковый. Ну, глядите ж тут... чтобы всё тихо-мирно... А клетку – хозяину! Как и договорились. Да! И Митюку особенно не наливайте, а то опять что-нибудь натворит, а мне потом разбирайся. Надеюсь, всем всё ясно. (*Вышел*).

Пауза.

Мать Мария. Дмитрий, останься. Вместе пообедаем.

Все дружно накрывают стол. И в этот самый момент появляется Зычкова.

Мать Мария. Батеньки! Галька?!

Зычкова. Я! Пролетала тут как фанера над Парижем! Пустите к костру?

Мать Мария. Что ты такое говоришь, Галочка?

Митук. Гляньте – фельдшерница! (*Почесал ягодицу*). У меня ещё и сегодня ягодица болит от её укола!

Зычкова. А у меня с собой есть шприц, кстати. Взяла. Всё при мне. Могу повторить.

Митук. Шучу, шучу. Я здоров! Не дамся! Нет-нет!

Мать Мария. Проходи, проходи, моя радость.

Зычкова. Поздравляю, мать. (*Вручает цветы и подарок*). Что может пожелать фельдшер, хотя сегодня я врач, но для всех исканцев, конечно же, останусь на всю жизнь фельдшером... Здоровья, Мать Мария! Здоровья! И ещё раз скажу: здоровья!

Мать Мария. О, если бы все пожелания сбывались! Только если бы люди не умирали, то и небо бы собой подпирали. Мой руки и присоединяйся к нам.

Зычкова. Видели? Не была бы мать: мой руки. Слово приказ ребёнку, который только что вернулся с улицы. Слушаюсь! (*Выходит*).

Мать Мария. Ну что, будем садиться?

Митук. Будем! (*Сел за стол*).

Мать Мария вдруг хватается за сердце и медленно опускается на пол. Её подхватывают сразу Кузьмин и Сорока. Прибегает Зычкова.

Зычкова. Погодите, погодите! Поосторожнее!

Сорока. Таблетку! У кого есть нитроглицерин?

Зычкова. Сейчас, сейчас, потерпи немножко, мама. У меня, у меня есть. (*Дает таблетку*). Надо положить её на кровать. Только как можно осторожнее...

Сорока. Вам плохо, мама?

Зычкова. Давайте, давайте на кровать... И не беспокойте её. Пусть полежит...

Подбегает и Митук, все вместе помогают Матери Марии лечь на кровать. Зычкова подключает тонометр. Все в ожидании...

Зычкова. Высокое давление. Вызывайте «скорую помощь»!

Кузьмин. Может, я на своей отвезу? Быстрее будет любой «скорой». У меня сидения откидываются, а?

Зычкова. Хорошо. Вместе поедem...

Молчком ведут на выход Мать Марию. Вдруг Мать Мария останавливается.

Мать Мария. Куда это вы меня, молодые люди?

Зычкова. В больницу, мама. Надо.

Мать Мария. А как же... а как же мой день рождения?

Кузьмин. Отметим и день рождения! Обязательно!

Сорока. Всё будет хорошо.

Кузьмин. У нас ещё всё впереди.

Мать Мария. Вам виднее. Ведите, куда хотите.

Сорока. Мы будем ждать вас, Мать Мария.

Митук. Я тут присмотрю. Прослежу за порядком.

Мать Мария. Испортила я вам праздник. Простите, дети.

Кузьмин и Зычкова выводят Мать Марию.

Затемнение.

3.

В комнате Сорока и Митук. Сидят за столом. Поёт канарейка.

Сорока. Поёт...

Митук. Ага. Поёт...

Сорока. Как там Мать Мария?

Митук. Мне бы столько прожить! Хотя – зачем? Кто и когда ко мне придет, как вот сегодня к ней? Что ты на меня так смотришь, Надежда Ивановна? Может, не то говорю?

Сорока. Нет-нет, ничего... просто я вспомнила один случай...

Митук. Понятно... Как я окно выставил и в дом к Матери Марии залез – не этот, случайно?

Сорока. А ты догадливый, Дмитрий.

Митук. Да меня самого всю жизнь совесть мучает. Как вспомню – всего коробит. Да и к кому в дом залез?! К этому святому человеку! Простить себе не могу. Когда же пьяный был – что тут непонятного? Это ни я, а она, водка, и в дом залезла... и в мою судьбу... Фу-у! Когда пью – болит только голова, не пью – всё. Верить, Ивановна?

Сорока. Приходится верить.

Митук. Ну так что мне теперь – умирать?

Сорока. Живи, живи, Митя. Не надо торопиться умирать. Никогда бы не подумала, что кто-то может залезть в дом и украсть книги... которые я привезла для пополнения фонда... Как сейчас помню – ровно тридцать книг.

Митук. Бес попутал. Искал, конечно же, понятно что... Я и сам, когда проспался, удивился: откуда у меня эти книги? Где взял? Кто подбросил?

Сорока. Но ты же и ещё что-то прихватил?

Митук. За одни книги не судили бы – дело ясное. Давайте не будем, а?..

Сорока. Так я забыла уже, напомни, что тебе присудили всё же тогда?

Митук. Мать Мария выручила... Спасибо ей... Так бы сидел – и делать нечего. Хорошо, что суд в клубе был... хотя и стыдно землякам было в глаза смотреть, скажу откровенно... Очень стыдно... Думал, провалюсь сквозь землю... А тогда как-то и осмелел... особенно, когда Мать Мария заявила: а что мы решаем, сколько ему, Митьке, дать... Я, говорит, прощаю, от куска сала не обеднею, банки с вареньем не все съёс, поэтому давайте дадим ему, товарищи судьи, такой приговор: пусть прочитает все книги, которые украл, и нам, сельчанам, расскажет, что в них написано... Зал тогда грохнул от смеха. Судьи тоже зашлись... слёзы на глазах блестели у них... Пронесло, одним словом.

Сорока. Так ничего и не дали?

Митук. Не-а. Пожурили малость. Но читать так и не приспособился... Нет к этому таланта..

Сорока. Жаль.

Митук. А парни, думаете, что – за книгами шпарили в библиотеку к тебе? Просто так баланс поднимали?

Сорока. Надеюсь. А за чем же?

Митук. Держите карман шире! Они к тебе, Надежда Ивановна, бежали, чтобы полюбезничать... Даже дрались. Что, не догадывались разве?

Сорока. Хорошее время было... если за тебя парни бьются, таскают друг друга за чубы.

Митук. Да не только за чубы – там по-настоящему было... До крови доходило... Ну, а люди меня так и кличут после того суда: библиотекарь. Смешно... я – библиотекарь. И сегодня нет-нет и позовёт кто: «Эй, библиотекарь!» Хватило мне науки с теми книгами. Даже когда книги в библиотеке стали никому не нужны, их начали растаскивать по дворам все, кто не ленился, я библиотеку обходил стороной...

Сорока. Что удивило меня тогда, некоторые колхозницы больше читали, чем некоторая деревенская интеллигенция... Шура Никонов... он жив?

Митук. Нету уже.

Сорока. Ну да, он уже и тогда в возрасте был... Как-то приходит в библиотеку, взволнованный такой, сопит, и по столу кулаком: чтобы моей, говорит, жене больше книг не выдавала! Почему? – спрашиваю. Как – почему? Начитается, а тогда как начнёт меня ругать грамотно, по-учёному, что я не знаю, как и ответить. Интересные, очень интересные люди жили в Искани в моё время...

Митук. Надежда Ивановна!

Сорока. Чего, Митя?

Митук. А спросить можно?

Сорока. Пожалуйста!

Митук. Только вы это... не подумайте ничего такого... просто интересно...

Сорока. Слушаю, слушаю.

Митук. А почему это наши парни за вами роем бегали, а никто из них замуж так и не взял?

Сорока. Видать, им рано было жениться...

Митук. Да нет, я другое думаю.

Сорока. И что же ты думаешь, если не секрет?

Митук. Просто смелости не хватало признаться в любви... я-то по себе знаю.

Сорока. Может, и так.

Митук. Деревня! Только где не надо мы герои!..

Сорока. Но что ни делается – всё, может, и к лучшему.

Митук. Так а вы где сейчас?

Сорока. В райцентре.

Митук. В райцентре?!

Сорока. Да.

Митук. А почему я там вас никогда не видел?

Сорока. Это потому, Мить, что я в рестораны не хожу, а ты – в библиотеку.

Митук (смеётся). Здорово вы меня! Х-хы! И... семья же есть?

Сорока. Никак ты допрос надо мной ладишь, а, Митя?

Митук. Интересно же...

Сорока. Читай, читай, Митя, книги: там тоже много чего интересного.

Митук. Может, в гости когда-нибудь пригласили бы... а? Я бы зашёл! А чего! Запросто! (*Сорока более внимательно разглядывает Митюка*). Я вот из Москвы деньги получу – куплю телевизор. И смартфон.

Сорока. А почему из Москвы?

Митук. Два месяца ишачил... Ну не в самой Москве – около неё... На коттеджах работал... Я вернулся, а парни сидят, бабло ждут... Получат, и мне перешлют... Кормили, на дорогу дали...

Сорока. Легко, видать, таким доверчивым жить, как ты?

Митук. Вы... это... на что намекаете?

Сорока. Да нет... это я просто вспомнила... не обращай внимания... возможно, я и ошибаюсь... Хорошо было бы...

Митук. Может, всё же по капле? За Мать Марию?

Сорока. Ну если только за неё. Наливай!

Митук. Так бы сразу! А насчёт гостей так и не ответили, а, Надежда Ивановна?

Подняли бокалы. Смотрят друг на друга.

Живи, Мать Мария.

Выпить не успели – входят Кузьмин и Зычкова. Не обращая внимания на них, Митук всё же опорожняет чарку.

Сорока. Ну что там?

Кузьмин. Положили.

Зычкова. Стенокардия...

Митук (*закусывает*). Жить... жить, спрашиваю, будет?

Кузьмин. Будет. Будет жить.

Митук. А то ж я без неё пропаду. Как знал – за это и выпил. Сделал всё правильно. Ну, я, наверно, пойду? Не буду мешать гостям. (*Выходит*).

Затемнение.

4.

В той же комнате.

Кузьмин. На корабле должен быть капитан. Итак, кого выберем за хозяйина?

Сорока. Мужчину, конечно.

Зычкова. Я согласна.

Сорока. Управляй, Николай Павлович. Командуй.

Кузьмин. Но всё же этот дом привык, что всё время тут хозяйкой была женщина. Может, не будем нарушать традиции?

Зычкова. Ничего страшного, коль и нарушим. Мы же временно.

Сорока. Хата нас поймёт...

Кузьмин. Я так я. Кто для каждого из нас Мать Мария, мы хорошо знаем.

Сорока. Мать.

Зычкова. С большой буквы.

Кузьмин. Да-да. И вот она, наша мать, попала в нелёгкую жизненную ситуацию...

Зычкова. Доктора поднимут.

Сорока. Боже, спаси и сохрани нашу мать!.. Если есть Бог, он нас услышит...

Кузьмин. Я совсем о другом. Выпишут её из больницы, вернётся она домой... нас, конечно, тогда уже здесь не будет... Ведь ждать того дня мы не можем, когда её выпишут... Или, может, я ошибаюсь? Молчание – знак согласия. У меня хозяйство, еле на этот день вырвался. Все мы где-то заняты, всех нас где-то ждут – будем считать – неотложные дела.

Зычкова. Так что же ты предлагаешь, Николай Павлович?

Кузьмин. Что я предлагаю?

Сорока. Да-да.

Зычкова. Конечно, надолго тут остаться и я не могу. Завтра у меня дежурство в отделении. У нас насчёт этого теперь строго.

Сорока. Я могу пожить тут и дожждаться Мать Марию.

Кузьмин. Это уже хорошо. Ну, а дальше как быть?

Сорока. Накормлю, напою.

Зычкова. Ты что, Надежда, уже на пенсии разве? Или в отпуске?

Сорока. И ни на пенсии, и ни в отпуске. Возьму за свой счёт.

Кузьмин. Спасибо, Надя.

Зычкова. Это хоть какой-то выход на первое время.

Кузьмин. Мать Мария, как мы знаем, всю жизнь работала в местной школе техничкой и давала звонок ученикам на перемены. Они бежали по коридору на слом головы и кричали: «Ура-а!». Радовались, что закончился урок. Прозвенел сегодня звонок и для нас... Представьте себе, и дала его опять же Мать Мария, только не ребятне, а нам.

Зычкова. Я хорошо помню её с тем звончком....

Сорока. И я... даже слышу, как он звенит.

Кузьмин. Но мы ведь не можем крикнуть, как некогда дети, «Ура!»

Сорока. Действительно, радоваться нечему.

Зычкова. Ну, родненькие мои, будем оптимистами.

Кузьмин. И – реалистами. Мы что-то должны придумать. Мать Мария не может оставаться одна. А вдруг опять сердце? А вдруг – давление? Это хорошо, что мы сегодня оказались рядом.

Сорока. Нас сам Бог к ней послал.

Зычкова. Так что вы предлагаете, Николай Павлович?

Кузьмин. Что родные дети сделали бы на нашем месте? Как поступили?

Сорока. Кто что бы сделал. Кто-то бы к себе забрал...

Зычкова. Вы что, предлагаете и нам так сделать?

Кузьмин. Именно! Именно!

Сорока. Кто-то бы в дом престарелых сплавил... А кто-то бы и ускорил её смерть, чтобы дом продать...

Кузьмин. Нам более подходит вариант «забрать».

Сорока. Сложно сказать... Это она ещё как поедет.

Зычкова. Непросто ей будет решиться оставить свой дом – кто же спорит?

Сорока. Я бы не смогла. Не-а.

Зычкова. Ну, пока молода... есть здоровье, то можно и так рассуждать...

Кузьмин. Кто-то из нас должен забрать Мать Марию к себе. Другого выхода я не вижу.

Сорока. Ну, а куда я возьму её? Ничего не подумайте такого... А то подумаете: вот, Сорока сразу уже в кусты... от ворот поворот... Сама живу со свекровью... В одной комнате... Муж, Стёпка, на рыбалке утонул... Сама хожу и боюсь, чтобы лишний раз половица не скрипнула... По сравнению с теперешней, жизнь у Матери Марии была раем... Хотя я свекрови вроде бы и внука родила, а тут чужая была...

Зычкова. А что, я могу! Запросто! Только, конечно же, надо с мужем посоветоваться. Все серьёзные вопросы мы решаем коллегиально.

Кузьмин. Вам повезло. А мне-то и посоветоваться не с кем. Живу с дочкой, у неё двое ребятишек... А давайте мы вот что сделаем – объявим перекур! А за это время и решим, как быть с Матерью Марией. Вижу, согласны. Ведь на голодный желудок думается плохо. Перекур!

Садятся за стол.

Затемнение.

Когда наберётся свет – поют.

5.

На подворье появляется Митук. Он стоит перед окном, слушает песню...

Митук. И когда они, сволочи, пришлют в конце концов бабло?! (Стукнул по стене кулаком). Нет даже возможности съездить в больницу! Сволочи! Пусть вам те деньги на лекарства будут!.. Слышите?! Вам! Всем! Твари!.. (Исчезает).

Затемнение.

Действие второе

6.

На подворье. Зычкова разговаривает по мобильнику.

Зычкова. Ну как ты там? Таблетки принимаешь? Смотри же: строго по рецепту. А какие новости у меня? Мать Мария в больнице... тут, в райцентре... Сердце... Давление... Аритмия... Букет! Ну возраст же – что ты хочешь. Нас трое приехало, хотя, насколько мне известно, собиралась ещё учительница Орешкина, она на соседней с нами улице живёт... И Женя Минкина из Калининграда вроде бы хотела... Но что имеем, то имеем – нас трое, говорю тебе: один мужчина и две женщины. Ты чего, ревнуешь меня? А зря! У тех двоих, я заметила, свои самые тесные амурные дела... это просто понять по отношениям людей... особенно выдают глаза, а точнее – взгляды. Одним словом, я оставляю Кузьмина и Сороку одних... Не маленькие, знают, что надо делать... Пусть потешатся... Тем более, насколько я понимаю, оба свободны... Но я беспокою тебя вовсе не по этому вопросу. Мать Марию надо кому-то из нас забирать к себе. Ей же девяносто, хотя и не дашь, но по документам так... Когда-то она нас приютила, а теперь должны мы о ней позаботиться... За всё

надо платить. Жаль, очень жаль, что многие из нас это забывают. Так что я хочу сказать? Только прошу тебя – сразу не кричи, ведь я тебя знаю... горлопан ты ещё тот. Готов слушать? Да, правильно ты смекаешь: я забираю Мать Марию к себе. В Минск. (Зло). А при чём тут тёща?! Его, видите ли, тёща в своё время замучила!.. Тёща как тёща! Они все такие! Пора знать! И я такой буду! Может, ещё и хуже. Про покойников, милый мой, либо ничего, либо хорошо... Ну, так что решаем? Ты против?! Повтори, что сказал! У тебя есть совесть или нет? Подумай. Даю тебе пару минут. (Оторвала мобильник от уха). Не хочет. Тёща, говорит, мне надоела как горькая редька. С меня хватит. Я, говорит, всю жизнь мечтал в своей квартире в трусах ходить, а ты опять перечёркиваешь все мои желания. Ну это не идиот? Не паразит ли?

Мелодия мобильного.

Я слушаю. Ну так что ты решил? Нет и нет? Нет и нет?! Ты идёшь против коллектива, мой дорогой! А это значит, и против меня. Пора делать выводы. Зря, получается, я людей обнадёжила. Что же, ты показал наконец-то своё истинное лицо. Снял маску. (Не по мобильнику). Мерзавец! (Исчезает).

7.

В комнате. Кузьмин и Сорока.

Кузьмин. А почему бы нам, Надежда Ивановна, не породниться?

Сорока. В каком смысле?

Кузьмин. Давайте будем вместе жить?

Сорока. Вместе? С вами?

Кузьмин. А почему вы так удивляетесь? Разве я не кавалер!

Сорока. Так вроде бы и ничего...

Кузьмин. Побреюсь, причешусь, наодеколонюсь – а?

Сорока. У меня, сами знаете, жить негде.

Кузьмин. Ну, что вы такое говорите! Жить где есть. Было бы с кем. Кажется, я нашёл в доме Матери Марии то, что искал в большом городе. Бывает же такое!

Сорока. Ой, не знаю, не знаю. Это же непросто всё.

Кузьмин. Я понимаю. И жду ответа.

Сорока. Прямо сейчас... ждёте?

Кузьмин. А чего тянуть кота за хвост?

Сорока. Ой, тяжело пока что-то сказать... Как-то вы сразу меня, Николай Павлович, огорошили, придавили к земле своим предложением. Когда же так неожиданно. Дайте время хотя бы подумать, что ли.

Кузьмин. Время у нас есть. Подумайте.

Сорока. Прямо не знаю... Да и дочка ваша как на это посмотрит?

Кузьмин. Хуже, думаю, тебе не будет, чем у свекрови...

Сорока (улыбнулась). Оно конечно... Пожалуй, действительно так – хуже не будет...

Кузьмин. Давай договоримся: как только Мать Марию выпишут, дай мне знать – я сразу же приеду. Да что я говорю «приеду» – прилечу! Хватит времени?

Сорока. Наверно...

Кузьмин. Ну вот и решили.

Решительно входит Зычкова.

Зычкова. Я забираю Мать Марию! Муж дал согласие!

Пауза.

Не слышу реакции. Почему вы молчите? Ну скажите хоть что-то хорошее! Похвалите меня!

Кузьмин. Милая Галина Васильевна, тут такая ситуация...

Зычкова. Ну-ну! Я слушаю!

Кузьмин. У Матери Марии, к нашей большой с вами радости, намечается неплохой выбор – к кому поехать.

Зычкова. Даже так?

Кузьмин. Даже.

Зычкова. И что же это за выбор такой?

Кузьмин. Или к тебе, или к нам...

Зычкова. «К нам» – это к кому?

Кузьмин. Ко мне и Надежде...

Зычкова (*искренне радуется*). Вот это новость! Вот это событие! Конечно, два голоса против одного – вы победите с убедительным перевесом, я не спорю, с Матерью Марией всё понятно. Я так рада за тебя, Наденька! Хотя я и догадывалась, что чем-то обычным, просто так тут дело не закончится. Я рада за вас! Где цветы? Минуточку! (*Хватает на столе цветы, вручает их Кузьмину и Сороке*). Поздравляю! Думаю, Мать Мария не обидится, только рада будет. Ну, и когда же свадьба?

Кузьмин. Надя, у тебя спрашивают?

Сорока. Надо с матерью посоветоваться... с Матерью Марией... Ответственный шаг всё же... В такой ситуации дети обычно с родителями советуются...

Зычкова. Здорово! Жду звонка! Значит, у нас будет повод ещё встретиться! Ну, милые мои братик и сестричка, разрешите вас оставить. Мне пора.

Прощаются. Зычкова выходит. Кузьмин и Сорока убирают на столе. Затемнение.

8.

В комнате уже нет клетки с канарейкой.

Входят Мать Мария, за ней – Кузьмин и Сорока.

Мать Мария. Ну вот мы и дома. Наконец-то!

Сорока. Я тут убрала... подмела, помыла пол...

Кузьмин (*шутливо*). Я не помогал – она всё сама. Клянусь!

Мать Мария. Верю, верю. У Надьки руки золотые.

Кузьмин. Я это тоже оценил.

Мать Мария обвела Кузьмина и Сороку заинтересованным и загадочным взглядом.

Сорока. Канарейку отвёз Николай Павлович.

Кузьмин. Да, да. Вернул лично в руки...

Мать Мария. А я уже и привыкла к ней. Ну да ладно, что ж поделаешь. Как вышло, так вышло.

Сорока. Кота кормила...

Мать Мария. А Митька ел что?

Сорока. Митька?

Мать Мария. Митька, Митька. Митушок.

Сорока. В день рождения... Потом как-то, правда, заходил раз или два... Но подождите! Его я последнее время не видела. Дня два... точно не видела.

Мать Мария. Николай, сходи глянь, как там он... Сон видела плохой... Сходи, сходи, сынок.

Кузьмин. Да, мать! (*Выходит*).

Сорока. Ну, а вы как себя чувствуете?

Мать Мария. А не дождётесь! (*Смеётся, и смех этот подхватывает Сорока*). Подлечили, слава те Господи. Лучше, намного лучше чувствую, надо ли говорить.

Сорока. Мать Мария!

Мать Мария. Что, Надюша, что, моя радость?

Сорока. Пока вас не было, мы за вас тут многое решили...

Мать Мария. Вот как! И что же вы решили?

Сорока. Нельзя вам одной оставаться в деревне.

Мать Мария. Я не одна, детка... Митька вон... И другие же люди есть...

Сорока. Нет, вы как хотите, но мы заберём вас, не оставим одну.

Мать Мария. Без меня меня женили.

Сорока. Получается так, но другого выхода не видим. Всё же в городе в таком возрасте вам легче будет. Мы тут посоветовались с Николаем Павловичем и решили, что вам лучше будет жить вместе с нами...

Мать Мария. Погодите, ничего я не пойму... Говори проще, повнятнее...

Сорока. Всё, кажется, и так просто: мы вас заберём к себе.

Мать Мария. Так я у кого буду жить – у Николая или у тебя?

Сорока. У нас! У нас, Мать Мария!

Мать Мария. По-видимому, перекармили меня таблетками и с капельницами переборщили, что-то я плохо стала соображать. Вот что, девка: скажешь то, что хотела сказать, когда хоть немножко приду в себя.

Сорока. Ну хорошо. Отдохните.

Мать Мария. Отдохну...

Сорока. Ой, я же совсем забыла! Пока вы лежали в больнице, набралась целая кипа поздравлений и телеграмм. Вам очки дать или мне зачитать?

Мать Мария. Читай, читай, девка. Я послушаю. Когда закрою глаза, я тогда лучше лица своих квартирантов вижу...

Сорока. «Дорогая Мать Мария! С юбилеем Вас! Крепкого Вам здоровья...»

Мать Мария. Где будет про здоровье – пропускай... не теряй времени...

Сорока. Да-да. Разумеется. Так тут и всё... «Сергей Кононов».

Мать Мария. Улётный парень был, ой улётный! Он из Мокрого, после школы не поступил, так его прислали к нам в школу вести физкультуру. Год у меня пожил, а потом забрал у Мишки Корнеевского дочку Лариску, из пяти её выбрал, и уехал. Стал полковником КГБ. Животик отрастил. Запомнилось, как во время половодья собака каким-то образом оказалась в воде... пытается на льдину взобраться, а никак не получается у неё... беденькая... Серёжа бросился в ледяную воду, и спас... Что интересно, сам не кашлянул даже...

Два дни его сушила я... А та собака так к нему привязалась, что куда Серёжа, туда и она... У меня в сенях и жила... Ну-ну, что там дальше?

Сорока. Телеграмма от Сони Ковалёвой. Также поздравляет...

Мать Мария. Бухгалтерша. Дебит-кредит – это прозвище такое ей у нас тут дали. Дебит-кредит. Что уж вертлявая была так вертлявая – не приведи Господь! На ней всё горело! Круть-верть! Круть-верть половинками своими, тем и завлекала парней, отбою не было от тех... Хотя и топтали пол в хате они, парни, но и мне от них, не только одной Соньке, польза была: то воды наносят, то дров наколют, то ещё что... Трижды замужем была... А так одна и живёт...

Сорока. А вы откуда знаете? Она же далеко... во: в Бресте.

Мать Мария. Живёт далеко, это так, но земля круглая... Хотела сказать, мне сорока на хвосте приносит новости про моих бывших квартирантов, а потом вспомнила, что у тебя же такая фамилия – Сорока... А? Что скажешь?

Смеются.

Сорока. Дальше. Ого, даже из Уссурийска!

Мать Мария. Там Петро... В клуб работать приехал... После культпросвета... От меня в армию пошёл, там и остался... До майора дослужился... Ему увольняться в запас пора, а тут аккурат и Союз развалился... Где ты кому нужен был в то время! Там и остался. Пишет, что не жалеет... На охоту ходит... Один раз, помню, он артистов привёз... Спектакль давали... И какой-то сильно уж мудрёный был – сельчанам не понравился. Тимка после представления подходит к артистам, они как раз в автобус садятся, мастерит свою излюбленную самокрутку, и говорит: «Артисты! Такую вашу мать вам за ваш концерт!»

Мелодия мобильника.

Сорока (слушает). Я сейчас, мама... *(Выходит).*

9.

На подворье. К Кузьмину подходит Сорока.

Сорока. Что случилось?

Кузьмин. Митька умер.

Сорока. Как?!

Кузьмин. Как люди умирают. За столом сидит, голову положил на руки... Окликнул – молчит... Я сразу догадался, что неживой...

Сорока. А как же Мать Марии сказать?

Кузьмин. Почему же я тебя и вызывал.

Сорока. С её-то сердцем...

Кузьмин. Но ничего не поделаешь. Раньше или позже, а сказать придётся. Пошли в дом, Надя. Вдвоём всё же легче будет...

10.

В доме. Мать Мария сидит за столом с чашкой – пьёт чай. Входят Кузьмин и Сорока. Молча стоят на пороге...

Мать Мария. Можете мне ничего не говорить... Отмучился, бедолага... Так он денег тех из Москвы и не дождался, выдать...

Сорока. Похвалился бы, если б получил.

Мать Мария. Всё хотел телевизор новый справить и костюм... Вот и справил... Помогите, ребятушки мои, похоронить Митьку... У него там новенький спортивный костюм лежит... Поищите... Как чувствовал... как предвидел... берёг... В нём похороним... И печь его протопите... Он же, Митька, хорошо печи мастерил... Слышала где-то: когда печников хоронят, то печь зажигают... Артистов аплодисментами проводят, а их, печников, так...

11.

Мать Мария собирается к отъезду. Снимает со стены портрет Миши. Целует.

Мать Мария. Поедем, Миша, на новое место жительства. Перебазируемся. Оставляю хату, еду к людям, которым верю и которых люблю, уважаю... Они не обидят... Жизнь научила меня в людях разбираться... Всяко было... Всяко... И слёз хватало, и радости... По тебе убивалась, когда похоронка пришла... Плакала тут, в хате... Кроме неё, слёз моих больше никто не видел... Замуж не вышла, хотя сваты и приходили, и не раз... Это же надо, чтобы душа откликнулась, а она не соглашалась, душа моя... не давала согласия... Может, придирчива я слишком была – не знаю... Иной раз всякая чушь лезет в голову – такое, что и самой стыдно... А что, думаю, если бы ты вернулся и увидел вместо меня молодой, какую знал и запомнил, такую развалюху, какая я сегодня... И вздрагиваю от такой глупости... Боже, защити! Пусть уже будет так, как есть. Поехали, Миша, на новое место... *(Целует портрет).* Поехали, родной. Жизнь вынуждает. Сперва вот тебя забрала она из этой хаты, а теперь и меня гонит...

Заходит Участковый.

Участковый. Ну, как тут у вас? Тихо?

Мать Мария. Нет, у нас война!

Участковый. Шутите, как всегда, ой, Мать Мария!

Мать Мария. Даже хуже...

Участковый. Так, слушаем. Ну-ну. Кто-где?

Мать Мария (почти полушёпотом, на ухо Участковому). Я оставляю вас, кажется. Иду в бега. Видите, вещи собираю?

Участковый. Балагурите! Понимаю. А это кто на портрете? *(Взял портрет).*

Мать Мария. Это человек, которого я люблю всю жизнь.

Участковый. Красивый. Лицо волевое.

Мать Мария. И гармонист, между прочим, был чудесный – как Митька печником. *(Вспомнила).* Подожди же меня! Не торопитесь! Я же про неё совсем забыла, глупая моя голова! *(Выходит).*

Участковый ходит по комнате, придирчиво осматривает вещи, другие трогает руками.

(Появилась с гармошкой). Её обязательно возьму с собой. (Протирает гармошку, нежно гладит). Там, в городе, на видное место поставим. А над ней портрет повесим. А?

Участковый. А куда вы собираетесь? Серьёзно, едете куда-то?

Мать Мария. Серьёзнее не бывает. Далеко еду. Отсюда не видать. А тебе, смотрю, нечем заняться? Митуки отходят понемногу...

Участковый. Каждый сам волен свою судьбу строить...

Мать Мария. Так и совсем без работы останешься когда-нибудь. Не боишься, участковый, такой участи?

Участковый. Да нет, не боюсь: ни на одном бывшем соседе вашем свет клином сошёлся. Пока есть водка – без работы не останусь.

Мать Мария. Ты чего приходил, или просто так заглянул?

Участковый. Да клетку с канарейкой кто-то опять уволок! Когда же в ресторане не было ни одного человека. И вообще – зачем он, тот ресторан? Звонит мне: может, опять кто из твоих позарился?

Мать Мария. Нету, нету у меня птички. Видишь же.

Участковый. Да вижу...

Мать Мария. Она бы пела...

Участковый. Думал, может Дмитрий перед тем как... уйти. Ладно, разберутся... Счастливой дороги, Мать Мария! (Выходит).

Заходят Кузьмин и Сорока. Вместе упаковывают вещи.

Мать Мария. Чтобы не забыть чего. Документы, кажись, взяла. В сельсовете пока выписываться не буду – а вдруг не приживусь?

Кузьмин. Ну, что вы, Мать Мария!

Сорока. Если турнут нас, так вместе!

Кузьмин. Женщины! Не говорите глупостей! (Взял гармошку). Помню её: Мишина. Жива ещё? А ну-ка! (Играет. Его обступили женщины, слушают). Ну, присядем на дорожку, мои дорогие?

Мать Мария. Присядем.

Сели.

Кузьмин. Я иной раз думаю: а в чём самая большая цель жизни? Наверное – увеличить добро в окружающем нас... А добро – это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. Можно и в мелочи сделать добро человеку, можно и о крупном подумать, но мелочь и крупное нельзя разделять. Многое начинается с мелочей, зарождается в детстве и среди близких. Ребёнок любит свою мать и своего отца, братьев и сестёр, свою семью, свой дом. Постепенно расширяясь, его привязанности распространяются на школу, деревню, город, на всю страну. А это уже совсем большое и глубокое чувство, хотя и на этом нельзя останавливаться и надо любить в человеке человека...

Довольно энергично входит Зинуля.

Зинуля (удивлена). Куда вы, Мать Мария?

Все встали.

Мать Мария (гордо). В город!

Зинуля. Надолго?

Мать Мария. Николай, Надя, к вам обращаются.

Кузьмин. Забираем мы Мать Марию.

Зинуля. Как забираете? Куда? Зачем?

Кузьмин. Жить к себе. Насовсем забираем!

Зинуля. Что, там, в городе, песка не хватает?

Сорока. А вы с юмором, однако.

Кузьмин. Мать Мария будет жить у нас. Что тут непонятно? Какие могут быть вопросы?

Зинуля. А вы кто ей?

Сорока. Мы? Просто... люди.

Зинуля. погоди, не у тебя спрашиваю! Читай книги! Ну-ну! Вы кто ей?

Мать Мария. Ты чего к человеку пристала, Зинуля? А то ты не знаешь, кто он мне. Бывший квартирант.

Сорока. И я бывшая...

Кузьмин. Теперь понятно?

Зинуля. Понятно-то понятно, но не всё. Откуда вы такие появились? Откуда взялись?

Мать Мария. Зинуля, дай пройти!

Зинуля. Я не всё сказала. Я только начала говорить. Понаехали! Где вы раньше были?

Кузьмин. Ого! В переплёт, вижу, попали.

Сорока. За что же так?

Мать Мария. Они не заслужили оскорбления с твоей стороны. Покайся! Покайся, Зинуля!

Зинуля. Ещё чего! «Покайся». А много не будет?! Эх, Мать Мария! А где же твоё слово? О чём у нас договор-разговор был? Я месяц бегала по разным инстанциям, бумажки собирала... покупателя на твой дом нашла... а что ж теперь – всё впустую?

Кузьмин. В том, что у нас месяц нужно бумажки собирать, вовсе не её вина.

Зинуля. Но это так! Но мне-то от этого не легче!

Мать Мария. Порви те бумажки. А за заботу спасибо. Ты что мне предлагала?

Зинуля. Как что?! опеку. Присмотр.

Мать Мария. Спасибо, спасибо за заботу. Мне у своих детей лучше будет.

Зинуля. Ой, не могу! Нашла своих детей! Ну-ну. Время покажет. Не спеши.

Мать Мария. Я не успела тебя предупредить, прости: сама только вчера обо всём узнала... Не обижайся, Зинуля...

Зинуля. Всё из тебя выжмут и выбросят за дверь. Как ненужную вещь.

Кузьмин. Прошу вас не говорить глупостей, мадам Зинуля!

Зинуля. Легче всего человеку рот заткнуть – «не говорите глупостей!»

Мать Мария. Ну, если тебе так крепко хочется кого-то опекать, то найдёшь: у нас же одни старики в деревне... Забирай к себе на центральную усадьбу, кого свои родные дети смотреть не хотят... А мои хотят...

Зинуля. Эх, Мать Мария! Смелая ты! Безоглядная, однако! И куда едешь?

К чужим, к чужим людям! Смотри, чтобы не пожалела!.. (Пошла к дверям, и вдруг вернулась. Мягко-заинтересованно). А с хатой как? Я же покупателя нашла! Дачника! Обещал на днях приехать посмотреть, прицениться.

Мать Мария. Хата пусть стоит. Продавать ни за что не стану её. Будем умирать вместе: она тут, я – там...

Входит Авдеев.

Авдеев. Кто это у нас тут умирать собрался? Не позволим! Вы куда, Мать Мария?

Пауза.

Мать Мария. Езжайте, ребята, одни... Без меня... Простите, что так получилось... Видите, у меня новый квартирант?

Зинуля незаметно улизнула. Мать Мария прощается с Кузьминым и Сорокой. Те выходят. Мать Мария долго смотрит на молодого квартиранта, который, видимо, напомнил ей Мишу, а потом показывает рукой: пожалуйста!

Занавес.

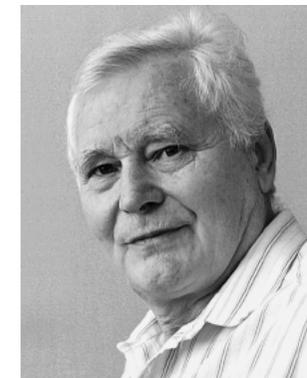

Красная армия: нужны новые подходы к её истории

Это огромная тема, она покрывает всю нашу жизнь целого века. Корни в русском войске, а теперь наша армия стоит и долго будет стоять на наследии Красной армии – разума, совести и творчества. И нынешняя армия с этим скрытым наследием – наш шанс уцелеть и вырваться из нашей исторической ловушки.

Из этой темы каждый автор сделает два-три штриха. Думаю, каждый над этими штрихами долго вспоминал, думал и передумывал. Слишком много личного. Может быть, это уже ничего не объясняет? Тогда прошу прощения, я вошёл в сознательную жизнь летом 1941 г., и следующие 10 лет все мои впечатления и мысли стали камнями, на которых я стою. Так же и у моих сверстников, хотя бы под слоями быта. Все мы тогда чувствовали себя частицей армии, в нашей картине мира центром был образ войны. Его подправляло или прятало время, но не разбивало. Все мы в эти годы жили в «военном коммунизме», а это – пространство и создание армии. Тогда армия была Красной. И мы, с трёх лет, это понимали и не боялись жизни.

Я стал осознавать мир, когда матерей с детьми повезли из Москвы в эвакуацию, осенью 1941 г. Мы ехали в теплушках в Казахстан. На запад шли эшелоны с солдатами и танками. Мы смотрели и привыкали к этому порядку. Трудно объяснить, но я был уверен, что вся наша страна, куда бы я ни пошёл, люди будут для меня как семья. При всех невзгодах. В 1943 г. нас перевезли в Челябинск. Много женщин работало на заводах временно, из колхозов. Нам дали комнату, в квартире было 8–10 семей, эвакуированных («выковыренных») детей было много. Были и раненые, долечивались. У одной женщины была овчарка, она её обучала, готовила на фронт. Она получала паёк овсянки. Женщина давала всем детям немного овсянки, и все мы были благодарны собаке, думали, как она будет на фронте. А она всех нас оберегала, как её щенков.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – родился 23 января 1939 г. в Москве. Советский и российский учёный, химик по образованию. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог, публицист. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ.

Живёт в Москве.

Все думали о фронте. Мы стайками бегали по городу, у всех родители до вечера на работе. Я часто вспоминаю: откуда-то послышится чей-то плач, все дети 4-5 лет начинают плакать. Сразу. У кого-то беда. Не раз я видел: идёт женщина и вдруг начинает рыдать, и все на улице бегут к ней, окружают, обнимают, и все дети вокруг тоже начинают плакать. И тоже все бегут, если кто-то упал, ушибся, даже без взрослых бегом понесут к врачу. Врачи были часто совсем старенькие, но как внимательно они нас осматривали и лечили, всего тебя, все косточки!

Мне уже было четыре года. В воскресенье мать нарезала часть нашего хлеба, мазала хлеб лярдом, и я шёл на базар продавать «бутерброды», а покупал отруби и бутылку патоки (на танковом заводе в патоке закаляли детали, немного женщины выносили, на это смотрели сквозь пальцы). Около базара был госпиталь, ходячие раненые приходили с кружками, покупали молоко и кусок хлеба и, не торопясь, пили молоко. Все на них смотрели с такой любовью, что базар становился каким-то священным местом, у меня были моменты счастья видеть это, хотя я это не понимал.

Недалеко был вокзал, и каждый день мы провожали солдат на фронт, маршировали рядом с оркестром. Казалось, что у России бесконечные запасы мужчин. Да и девочек-санитарок много шло в строю. Иные совсем маленькие, школьницы ещё, очень красивые в своих гимнастёрках.

Иногда видели мы и печальное зрелище – как конвоир с каменным лицом ведёт дезертира, уткнув штык своей винтовки ему в спину. Их вылавливали на чердаках. Шли по городу медленным шагом. Мы, мальчишки, были на стороне конвоира – роковая судьба, мы со страхом глядели в глаза дезертира. И в то же время он, с отрешённым взглядом, в серой одежде, казался нам родным. Можно даже сказать, что казались родными, чуть ли не одним целым, солдат-конвоир и дезертир.

В 1944 г., уже в Москве, мы тоже бегали стайками. На закате девушки в гимнастёрках вели огромные аэростаты, потом они поднимались в небо. А на Белорусский вокзал часто шли полки на фронт, как на подбор, подготовленные. Полк шёл с песнями, с такими замечательными суровыми голосами, всю жизнь это помним. Мальчишки маршировали рядом, а на тротуарах стоял народ. Потом начались салюты двадцатью артиллерийскими залпами, иногда три раза в день. А дальше все знают.

Стала возвращаться армия, было много тяжело раненных и увечных – по домам и на работу. Если увидишь на улице мужчину с руками и ногами и без шрамов, как-то вздрогнешь – почему? За раненых переживали, дети и подростки по-своему. У всех родственники и друзья. Иногда сидит, разговаривает и вдруг начинает кричать – осколки зашевелились. Часто ещё приходили горестные сообщения, и вся когорта сверстников во дворе сочувствовала осиротевшему. Его поддерживали с замечательным тактом и достоинством. Этого не забудешь.

Масса демобилизованных военных разошлась по всем нишам общества и сразу как будто влила чудесную энергию – мужчины и женщины, совсем молодые и пожилые. У всех начался новый период жизни. Даже такая мелочь: почти все из моего поколения получили прекрасную одежду, перешитую из сукна от формы или шинели отца или брата (я даже в университет ходил в любимой куртке).

Но главное, во все сферы пришла общность, получившая особое образование – войной. Они получили драгоценные, оплаченные большой кровью

фундаментальные навыки. Я бы выделил такие: мышление, направленное на объективность, истину; навык создать образ реальности с её динамикой и неопределённостью (как в штабе на «ящике с песком»); умение рассчитать силы и время; ответственность и готовность к необходимому бою (разного типа). В школу, в наши классы, пришли не менее 7 офицеров (два были ещё в форме – физик и литератор, подполковники). Они очень хорошо вели курсы, но главное, они нам замечательно, коротко и ясно, объясняли, как надо принимать вызов какой-то сложной ситуации – хладнокровно, расчётливо и смело. Все в классе были им за это благодарны (школа ещё мужская). Их уроки, думаю, многим помогли в жизни.

Но и потом все мы были близки к армии, прислонялись разными боками. В 8 классе я пошёл в автомобильный клуб для подростков, ездили на полтора часа, все инструкторы пришли из армии, нас обучали с радостью и дотошно. А теорию преподавал старик, полковник, он солдатом-шофёром участвовал в прорыве Брусилова. Потом в Красной армии. Он нам давал живую историю на фоне развития автомобилей и на Западе, и в СССР. Армия нам передавала свой опыт, смыслы и новые знания, непосредственно.

В вузе мне повезло. Военная кафедра – это второй университет. Лекторы – полковники, после войны, вышли из разных военных академий. Методология военных областей была крайне полезна для науки вообще, особенно для обществоведения, но, кажется, у гуманитариев этого не преподавали. Так и остались незакрытыми провалы. Не менее полезна была практика, вёл молодой майор, он был курсантом Подольского училища – и сразу в бой, прошёл всю войну. Преподаватель и методолог блестящий. Он объяснял тактику и функции офицера, и коротко добавлял образы реальных ситуаций из его опыта.

После 4 курса мы выезжали на сборы в армию, прошли все сжатые практики, в конце участвовали в штабном учении со всей техникой и стрельбой. Это была веха в жизни многих, у меня – наверняка. Я бы отметил сержанта нашего взвода. Это был человек не просто достойный и обученный, но я и мои друзья согласились, что это был необычный талант. Можно было бы сказать много. Например, он умел так приказать, что весь взвод кидался на задание с радостью. Как возникает такое состояние? Но главное, он объяснял то, что мы должны были делать – так, что все мы, даже тугодумы, сразу понимали, как будто мы долго тренировались. Он сам нам показывал нужную операцию и говорил таким языком, что наши руки и ноги как будто понимали его жесты и слова. У нас в МГУ был замечательный профессор математики – он говорил и писал на доске, и все становилось понятным и близким. Я товарищам сказал, что видел только двух таких человек, и они согласились. Можно сказать, у этого сержанта был философский камень Красной армии.

Кончаю лирику и перехожу к данным науки (в обработке).

Можно сказать, что Красная армия – особая ипостась народа, в ней отражены важнейшие черты советского общества, которое её породило и лелеяло. Необходимыми институтами, которые непосредственно, каждодневно воспроизводят народ, являются армия и школа. Старшие поколения, пережившие войну, чувствовали свою армию, но плохо знали её сущность. Сейчас, когда в ходе военной реформы в РФ искореняется ряд особенностей Красной

армии и изменяется её «культурный генотип», обдумать новые отношения нашей армии и общества стало общенародной задачей.

Как СССР стал воплощением России в XX веке, так и Красная армия стала воплощением, в новых исторических условиях, русской (шире – российской) армии. Советская революция не привела к слому цивилизационной траектории России и культурного генотипа её армии. Армия была важной частью ядра культурно-исторического типа XX века России.

Это отмечали и ненавистники Красной армии, и те, кто ею восхищался. Примечательны слова тех, у которых оба эти чувства переплетались. Еврейский поэт Яков Зугман (1931-1977) пишет в таких внутренне противоречивых стихах:

*На этой земле не воюют с быком,
Не носят ножей напоказ.
Спокойно, как раньше гранёным штыком,
Владеют ракетой сейчас.*

*Беззлобно и просто за землю свою
Привыкли стоять до конца,
Но лишней кровинки не тронет в бою
Скупая жестокость бойца.*

*В войне выходящая из берегов,
До вражьих столиц доходя,
Россия, ты жить оставляла врагов
И пленных кормила, щадя.*

*.....
Затем и спокойна, что этот народ –
Скажи только слово: – В ружьё!..
Морозом восторга по коже дерёт
От веры в бессмертье твоё.*

Стоит подчеркнуть факт преемственности русской и Красной армии – не разжигать жестокость после боя. Как сказал поэт. «...Но лишней кровинки не тронет в бою скупая жестокость бойца». Об этом писали западные историки и наблюдатели. Антрополог Конрад Лоренц, прошёл наш плен, вот цитата из его биографии, английского автора: «В лагере для военнопленных советские не проявили враждебности к Конраду... По его мнению, советские никогда не были жестокими по отношению к пленным. Позже он узнал ужасающие вещи об американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма. Лоренц никогда не чувствовал себя преследуемым, не было никакой враждебности со стороны охраны».

В немецкой армии Лоренц был врачом, и когда его взяли в плен, то в прифронтовом лагере его назначили помогать советскому врачу. Шли тяжёлые бои, раненых было много, и Лоренц с горечью увидел, что советский врач отказывается делать ампутации немцам. Понятно, подумал Лоренц, он их обрекает на смерть – за то, что они натворили в Белоруссии. И даже признал это естественным. Через какое-то время он с удивлением увидел, что эти раненые, которым по нормам немецкого врача полагалась ампутация, выздоравливают. Он выбрал момент, объяснился с врачом и узнал, что в советской медицине такие ранения должны излечиваться без ампутации. Для него это было

потрясением, побудившим его к важным размышлениям о разных типах общества и отношения к человеку.

В Красной армии не только сохранились и получили развитие черты российского войска. Исторически именно российская армия стала одной из важнейших матриц, на которых вырос советский проект, а затем и советский строй. В каком-то смысле армия породила советский строй. Вчерне советский проект был сформулирован на сельских сходах общинной русской деревни в 1905–1907 гг., но большая армия, собранная в годы Первой мировой войны, стала тем форумом, на котором шла доработка советского проекта уже в преддверии 1917 г.

В те годы российская армия превратилась в особый и исключительно важный социальный организм. Большая, мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек – это были мужчины молодого и зрелого возраста. Классовый состав был примерно таков: 60–66% крестьяне, 16–20% пролетарии (из них 3,5–6% фабрично-заводские рабочие), около 15% – из средних городских слоёв. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, причём общения, не поддающегося политической цензуре. «Язык» этого форума был антибуржуазным и антифеодальным. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев). После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*.

В.И. Вернадский писал ещё в июне 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью всё больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, ещё более загадочный, чем русское крестьянство». Долгая и тяжёлая война соединила всю эту огромную массу людей в сплочённую организацию коммунистического типа. А.А. Богданов, изучая явление *военного коммунизма*, показал большое влияние уравнительного уклада воинской общины, какой является армия, на ход русской революции. Русская армия перерастала нормы сословного общества вместе с крестьянством.

Так, армия ещё до 1917 г. сдвигалась к тем ценностям, которые резко выделяли Красную армию – к ценностям *общины*, отвергающей классовое и сословное разделение. Более того, эта община, уходящая корнями в русскую культуру, сильно ослабляла и межнациональные барьеры. Интернационализм в условиях СССР сделал её уже специфически многонациональной неклассовой и несословной армией – первой и единственной в своём роде. Это расширило социальную и культурную базу армии, обогатило её воинским опытом (и даже воинскими архетипами) множества народов СССР.

Весной 1918 г. против Советской России была начата иностранная интервенция, и Красная армия стала наследницей и продолжателем традиций российской армии. Историк М. Агурский пишет: «Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась неволью в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был медленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации».

Надо признать, что Белая армия, будучи зависимой от иностранных армий, не могла защитить русское население на окраинах. Деникин писал: «В то

время как закавказские народы в огне и крови разрешали вопросы своего бытия, в стороне от борьбы, но жестоко страдая от её последствий, стояло полумиллионное русское население края». Он излагает переговоры с грузинскими представителями: «Открыл заседание ген. Алексеев приветствием “дружественной и самостоятельной Грузии”... Затем с большой горечью, словами резкими, не облечёнными в дипломатические формы, он нарисовал картину тяжёлого и унижительного положения русских людей на территории Грузии». Но Добровольческая армия ничего не могла сделать. Навела порядок в Грузии Красная армия, и в феврале 1921 г. возникла Грузинская ССР.

То же самое было на Украине. Вспомним «Белую гвардию» («Дни Турбиных») М. Булгакова. Кому служили офицеры «Белой гвардии» и в кого стреляли? Они служили немцам и их марионетке – гетману Скоропадскому, и даже мечтали о вторжении в Россию французов и сенегальцев. Вот какова была их служба: «И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревням, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков». Как только пришла Красная армия, разбежались и сердюки, и петлюровцы. Член ревкома Галиции Ф. Конар сообщал Винниченке, что на правобережной Украине «отношение к России настолько хорошее, что даже ужас берёт... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют всё те же “проклятые” галичане». Вот чем была Красная армия.

В своём развитии Красная и Белая армии пошли по разным, расходящимся социальным и культурным направлениям. Красная армия становилась товарищеской коммуной, изживая сословный дух, а Белая – возрождала и усиливала сословные и даже кастовые установки. Это была национальная беда, это запечатлело искусство и опыт наших отцов и дедов.

Февральская революция «рассыпала» Российскую империю. В разных частях её возникли национальные вооружённые силы или банды разных окраин, которые выступали против восстановления единого централизованного государства. Во время Гражданской войны Красная армия была главной силой сборки страны (что является другой стороной сборки народа). Советская власть видела Россию как исторически сложившуюся целостность и в своей политике оперировала общероссийскими масштабами. В 1920 г. И.В. Сталин (нарком по делам национальностей) сделал категорическое заявление, что отделение окраин России совершенно неприемлемо. Военные действия на территории Украины, Кавказа, Средней Азии никогда не рассматривались красными как *межнациональные* войны. Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну.

Именно в Гражданской войне народ СССР обрёл свою *территорию*. Она приобрела священный характер «родной земли» или, как выражаются философы права, была легитимирована как «политая кровь». Территория СССР была защищена обустроенными и хорошо охраняемыми *границами*. И эта территория, и её границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось в песнях, ставших практически народными, и в массовом обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

Для населения важным был тот факт, что в Красной армии смогли установить более строгую дисциплину, чем в Белой. Дело тут и в идеологии, делающей упор на солидарности, и в установках – не потакать «гунну». В Красной армии существовала гибкая и разнообразная система воспитания солдат, и

действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого сил, – старые дисциплинарные механизмы перестали действовать, а новые не создали. М.М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

В Красную армию вошли новые поколения молодёжи. Сравнение со средним возрастом аналогичных категорий военачальников царской армии показывает, что высшее военное руководство РККА было на 16–32 года моложе. По данным на конец 1902 г., средний возраст генералов составлял 69 лет (от 55 до 92 лет); генерал-лейтенантов – 61,8 (от 42 до 85 лет), возраст генерал-майоров был от 42 до 80 лет.

В Красной армии сложился *кадровый костяк* будущего активного слоя общностей советского народа, например, госаппарат, который действовал в период сталинизма. Это были командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в госаппарате. Другая их часть пошла на рабфаки и в вузы и стала источником кадров инженеров для индустриализации. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России. На командные позиции в государстве и хозяйстве этот тип людей привела армия.

Историк пишет (1994): «Представители нового поколения гражданской войны из провинций сформировали новый растущий элемент в партии. Сталин мог уверенно опереться на новое поколение гражданской войны родом из провинций».

После создания СССР реальная власть сосредоточилась в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1985 г. этнические элиты были гораздо слабее Центра. Это обеспечила унитарная система *военной власти*, которая «нарезала» территорию страны на безнациональные военные округа. И сразу же Красная армия была консолидирована единым языком и образованием. С 1930-х годов через армию пропускалась большая часть мужского населения (при этом было принято рассылать призывников в отдалённые от их «малой родины» места). Армия непрерывно поддерживала и обновляла связи военного братства советского народа.

Возникнув как армия простонародья, Красная армия и офицерство «выращивала» уже как элиту не кастовую, а народную, с присущим русской культуре идеалом *всечеловечности*, и братства народов. Это была первая современная армия, не проникнутая *милитаризмом*.

Как особая социальная общность, армия есть часть народа, а как большая технико-экономическая система – «срез» народного хозяйства. Это наглядно показала Великая Отечественная война. Это было столкновение цивилизаций с крайним напряжением сил. Война закончилась полным разгромом агрессоров примерно с равными потерями в живой силе СССР и Германии (1,3:1). Эта война была главным, полным и беспристрастным экзаменом и Красной армии, и всей советской государственности.

К началу войны экономический потенциал СССР и направленных против него сил был несопоставим – их оценивают как 1:4. Германия использовала

промышленность и людские ресурсы практически всей континентальной Европы – только заводы «Шкода» в Чехии в 1940 г. выпускали столько же вооружения, сколько вся английская промышленность. Источники техники, вооружений и материалов для ведения войны были у Германии почти неисчерпаемыми. На Западе СССР считался «колоссом на глиняных ногах» и был списан со счетов как военная сила.

Быстрое продвижение немцев летом 1941 г. нанесло большой урон. СССР утратил производство 63% угля, 71% чугуна, 58% стали, 60% алюминия, 303 завода боеприпасов. В 1943 г. СССР произвёл 8,5 млн. тонн стали, а Германия более 35 млн. тонн. Однако СССР произвёл намного больше вооружения, чем Германия. Так, в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия, а танков в СССР 24,7 тыс. против 4,1 тыс. в Германии. Переналадка промышленности на военные цели с быстрым наращиванием общего объёма производства по темпам и эффективности превзошла все ожидания западных экспертов.

Наша наука с очень скромными средствами выполнила множество новаторских проектов с самым передовым фундаментальным знанием. Вот несколько. Непрерывная разливка стали на роторных линиях с обработкой отливок на автоматических станках (сокращение производственной площади в 6 раз, количества оборудования в 4 раза, брака и себестоимости в 2 раза, повышение производительности труда в 2,5 раза). Была предпринята большая программа автоматизации и замены *дискретных* технологических процессов *поточными*. Создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони – производительность возросла в 5 раз. В 1942 г. создали линию автоматической сварки танковой брони под флюсом и запустили поточное производство танков. Немцы не смогли наладить автоматической сварки брони. Работы в СССР 1941-1942 гг. стали первым в мире опытом широкой автоматизации массового производства.

Мобильность нашей науки не укладывалась в западные стандарты. В 1939-40 гг., Германия продала СССР ряд образцов новейшей военной техники и новейших технологий. Гитлер разрешил, получив от экспертов заверения, что СССР не успеет освоить их в производстве. Эксперты ошиблись.

Как же соединялось советское хозяйство с армией? Посмотрим на это дело чужими глазами – в годы холодной войны над этой проблемой бились лучшие учёные и разведчики США. Советский ВПК оказался уникальным и непонятным. Согласно ЦРУ, только на определение величины советских военных расходов и их доли в ВВП СССР США затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года). Как было сказано на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области».

Исследования ЦРУ в 1960-1975 гг. показали, что военные расходы СССР составляли 6-7% от ВВП. При этом доля военных расходов снижалась. В 50-х годах СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. – 10%, то в 1975 г. всего 6%. Такова была *эффективность и экономичность* советского ВПК. Особый, созданный именно и только в СССР тип связи армии и производства как *хозяйственных систем*.

Видный эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков писал в статье «Американская разведка о советских военных расходах»: «Это уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта

система, созданная Сталиным в конце 20-х – начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что её влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита...

Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряжённому с графиком мобилизационного развёртывания Красной армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные “казённые” заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны... После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общенациональной базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жёстко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вёл дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности».

Та связка «хозяйство-наука-армия», которая была создана в СССР, позволила нам победить врага, обладающего четырёхкратным превосходством экономического потенциала, и добиться военного паритета с Западом при многократно меньших расходах.

Хорошо было бы военным аналитикам вместе с историками представить связи Красной и Советской армии и актуальной Российской армии со всеми ключевыми системами – образования и здравоохранения, науки и философии, промышленности и деревни, искусства и спорта. Это важное знание о состоянии страны.

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – по профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг и лауреат многих литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

«О, муза, ты – судьба и свет...»

Таруса

*Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести*

Борис Пастернак

Холмов разбросанные бусы
На нитке вьющейся реки,
И колоколенка Тарусы,
Как древний сторож у Оки.
Плывут приокские картины,
Объединяет нас любовь,
Душа Цветаевой Марины
И Пастернаковская боль.
Завещанный Мариной камень,
На том холме ему стоять,
Её бесценными стихами
Ветрам тарусским ветрывать.

Радуга Марины

Снова чту
И читаю мою
Марину Цветаеву.
Пламя любви –
Счастье,
Не в прошлом,
А жизни частью

В будущем
И настоящем.
Праздник грозы,
Радуг,
Жажда души –
Радость,
Как объяснить
Не смею,
Приходят ко мне
С нею.
Звон колокольный
Забывтый,
Дом её там
Стоит ли?
Памятник тот
Тарусский,
Саван её
Не сшитый.

Марина – Анна. 1916 год

Златоустой Анне – всея Руси

Ещё не было революции,
Ничего ещё грозного не было.
И платила ты контрибуцию
Только рифмам да звёздному небу.

И стихи писала к Ахматовой
«Златоустой – всея Руси»
Словно, жизнь её всю охватывая,
Голос твой о любви просил.

Говорила, Москву дарила
И стозвонным её лучом,
Как святую благодарила.
Только Анне – все нипочём!

Встреча певчих была однажды.
Ты уехала за кордон.
Поиск крыльев свободы – жажда.
Ну а Анна осталась дома.
Навсегда с Россией была,
Не оставила. Не смогла.

Здесь страдала она и творила,
Чем владела – всё раздарила.
Было свыше дано ей сил
И осталась – «всея Руси».

Анна Ахматова, Николай Гумилёв

*Сегодня я вижу: особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв ...*

Николай Гумилёв

*Гумилёв не мог знать, что у этой девочки
душа скорее «жёсткая», чем мягкая, и уже
господствующая, а никак не угнетённая.*

Так начиналось противостояние двух поэтов.

Андрей Петров

С душою жёсткой и прямой –
Не на колени!
Не забывай, избранник мой:
Мечта нетленна.
Разрушит кто-то миражи
Иллюзий зыбких –
Они оставят на душе
Рубцы ошибок...
О, муза,
Ты – судьба и свет,
Любовь лишь пленник,
Надежд на пониманье нет,
Не на колени!

**В Комарово у Анны Ахматовой
(в день рождения)**

*Величье слов, бессмертье дней,
Здесь всё её и всё о ней*

Как ночь была светла
Над хвоей Комарово,
И Анна в ней была,
Собрав нас вместе снова.
Мы вспоминали с ней
И взлёты и паденья,
И верилось сильнее
В святое Провиденье.
Был вдохновенья свет
И образ горделивый
В бессмертьи долгих лет
Стихов его мотивы.

К Маяковскому

Светить всегда, светить везде...

Владимир Маяковский

Шёл с революциями в ногу,
Он в РОСТА был главарь, гигант,
Манили новые дороги
Не иссякающий талант.

Под маской всевозможных «измов»
Он бунт души своей гасил
И в жёлтой кофте футуризма
Светил всегда, что было сил.

Он не просил судьбы у Бога,
Так были смутны времена,
И, спотыкаясь, шёл дорогой
Безверья, как и вся страна.

И, несмотря на близость женщин,
Он был безмерно одинок.
Любили больше или меньше,
Но только Лиля – «сущий Бог».

За всё заплачено с лихвою,
За необычность рифм и слог.
Был Маяковский сам собою,
Другим он просто быть не мог.

К Андрею Вознесенскому

О белой и чёрной дыре Андрея Вознесенского.

«О»

О белая дыра
Ушедших наслаждений,
Пропахли вечера
Тобой, как наваждением!
О чёрная дыра
Забытого искусства,
Где был ещё вчера
Обласкан ты, искусан,
Пытался убежать,
Но был отторгнут.
Втянут,
Уверовал опять
И снова был обманут.

Рождался, как поэт,
И архитектор тоже.
Дыра. Шедевров нет.
И Мура¹ быть не может.
Андрей, твоя дыра
Твои успехи множит.
Нора или гора –
Пусть Бог тебе поможет.

Для праздника души,
Для искупленья духа
Пиши, поэт, пиши.
Буди всё то, что глухо!

¹ Генри Мур – английский скульптор

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ

Философия почвенничества в поэзии Владимира Бояринова

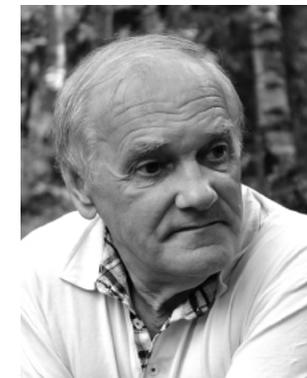
(некоторые аспекты творчества)

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин

В последнее время всё чаще приходится слышать разговоры о кризисе русской поэзии. И с этим, наверное, следовало бы согласиться, если бы не присутствие в нашем сознании ориентиров, которые уже стали бесспорными и вместе с тем принадлежащими нашей эпохе, задающими высочайшую планку требований к мастерству поэта. Вне всякого сомнения, одним из таких ориентиров является поэзия Владимира Бояринова. Пожалуй, в современном мире только поэты постоянно и неустанно помнят о силе слова потому, что поэзия целиком и полностью выросла из магии и гармонии слов: стихотворение мастера – это заклинание, заговор, по-своему настраивающий и самого автора, и читателя. Поэт работает со словом, с его звучанием, с его историей, с ассоциативным рядом, со всеми его смыслами одновременно. Вот почему у настоящих поэтов слово всегда обладает колоссальным магическим зарядом.

У меня в руках новая книга Владимира Бояринова «Я подожду». От стихов этой небольшой по объёму книжки всколыхнулось сердце, и на память пришли полюбившиеся строчки из стихотворений в ранее прочитанных книгах поэта: «Испытания», «Журавли улетели», «В мире моих снегов» и многих других. Однажды прочитав стихи Владимира Бояринова, к ним хочется возвращаться вновь и вновь. Возвратился я и на этот раз, чтобы вновь почувствовать их душевную теплоту и своеобразие мироощущения автора. Всё более погружаясь в мир мыслей и образов поэта, я

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

явственно ощутил, что Владимир Бояринов, без всякого сомнения, является достойным продолжателем направления в русской классической поэзии, получившего наименование «почвенного». Но хочу предостеречь читателя от весьма распространённого, но упрощённого толкования этого термина.

Это сложное явление русской культуры шестидесятых годов девятнадцатого столетия, которое вошло в историю под именем «почвенничество», одинаково правомерно квалифицировать и как литературно-общественное, и философское течение, и как особую социально-политическую доктрину, которая сформировалась и решительно заявила о себе в период, справедливо именуемый «золотым веком русской политической мысли». Главную роль в «почвенничестве» играет начало интуитивное, собственно художественное, эстетическое. «Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент», – писал Ф.М. Достоевский. Сохранив это значение, понятие «почва» обрело со временем и новое качество: «почва» – это тот духовно-нравственный пласт общественно-политической жизни, на основе которого только и возможна встреча и органическое соединение образованности и народной нравственности.

«Почвенничество», по определению Аполлона Григорьева, русского поэта, идеолога почвенничества, характеризовалось «восстановлением в душе новой, или лучше сказать, обновлённой веры в “почву”, в народ». «Не учить жизнь жить по-нашему, а учиться у жизни на её органических явлениях – должны мы, мыслители», – писал Григорьев. Главенствующей была идея о «национальной почве», как основе социального и духовного развития России. «Почвенничество» стремилось объединить все общественные течения вокруг идеи о самобытном пути России. Вместе с тем для почвенников характерна искренняя боль оттого, что Запад не хочет понять Россию и относится к ней с застарелой враждебностью. Поэтам-почвенникам всегда были близки хрестоматийные строки Н. Некрасова:

*Пушкой нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»,
И что поэзия забыть её должна, –
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

Или строки из стихотворения «Родина», написанного Иваном Буниным в 1891 году, в котором он рассказал о типичном сюжете из жизни русской деревни:

*Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...*

Трагическое мироощущение народа, если брать современных «почвенников», отразилось с наибольшей полнотой и художественной выразительностью в творчестве Н. Рубцова и Ю. Кузнецова. Объясняется это не только более верным и точным, по сравнению с другими представителями направления, пониманием поэтами своей эпохи, но и глубинным постижением образной системы народного поэтического творчества. Именно поэты «почвенного» направления, как продолжатели «крестьянской» традиции, заложенной Н. Клюевым, С. Есениным, С. Клычковым, такие, как П. Васильев, Н. Рубцов, А. Прасолов, А. Передреев, Б. Примеров, Н. Тряпкин, Ю. Кузнецов, В. Сорокин

и др., наиболее последовательно обращались к русскому фольклору, к славянской и мировой мифологии.

Эти поэты очень не похожи по манере, по пристрастиям, но словно связаны невидимыми кровными узами в своей преданности русской земле, русскому Отечеству. Наверное, главным в поэзии Н. Тряпкина является образ Млечного пути. Он в той же мере существенен для Тряпкина, как «звезда» в поэзии Н. Рубцова, как «степь» в художественном мире Ю. Кузнецова. Ю. Кузнецов сосредоточен на изучении национального русского мира, а Н. Рубцов – на изучении внутреннего мира современного русского человека, с его сиротством и одиночеством. В. Сорокин – поэт ярко выраженного национального чувства. Для Владимира Бояринова образ степи, образ лошади, как символы русской вольницы, тоже не отвлечённые понятия. Но главное в его поэзии – мысль, то шутовская, то серьёзная, но всегда точная и глубокая. Бояринов – поэт-философ, проникший в мировоззренческие глубины поведения людей. Поэт не изменяет своему принципу даже в шуточном стихотворении «Земляника». Почитайте на досуге, и вам откроется простая жизненная правда и, может быть, «беда представится двуликой».

Поэзия Владимира Бояринова в чём-то озорная, звонкая (как заметил поэт: «я вчера потерял от печали ключи»), но в основе своей серьёзная, с живым разговорным словом, лёгкой аллегоричностью и одновременно с глубинной философией. Даже сказочное, необычайное он старается осмыслить через самое повседневное, обыкновенное, проникаясь трепетной нежностью к родной природе. Бояринов первоклассный мастер и глубокий художник. И, как истинный поэт, отлично понимает, что особое значение лирики заключается в её способности доходить до самых тайных глубин душевного мира читателя и оставлять в нём неизгладимый след. Поэт убеждён в том, что «слову заказано течь!» Как справедливо написал В.В. Кожин, «уступая повествованию в широте воздействия на мир, лирика превосходит его по глубине проникновения в духовную жизнь народа, которому она принадлежит. Лирика – это единственный вид искусства, который человек может целиком и полностью “вобрать” в себя, превратив лирическое произведение или хотя бы его фрагменты в неотъемлемую частицу своего сознания». Версификацией владеют многие, но только тот, кто владеет ею филигранно, в состоянии создавать подлинно художественные произведения, выражая свои мысли простым и доступным языком. Но эта простота особая. Это и есть талант!

Фольклор и мифология для «почвенников» – не только «строительный материал», но и важная часть их собственного мировоззрения. Фольклоризм и мифологизм (различного типа) и воссоздание народных идеалов – показатели народности их поэзии. Творчество «почвенников» восходит к разным направлениям фольклорной традиции: песенной – у Н. Рубцова, мифологической – у Ю. Кузнецова, песенно-сказовой – у Н. Тряпкина. Этой традиции полностью отвечает лирическое мышление Владимира Бояринова с богатыми разговорными ритмами, свежей, часто песенной лексикой. Его поэзия жизнелюбива, светла и неповторима. Какая залихватская удаль, какая опьянённость своею волей, когда в красной рубахе, в знойный полдень по звенящей степи с победным стягом в руках: «Пыль столбом взметнулась, расступились дали, / Полямём занялся парень на ветру. /...С той поры над степью только и видали / Красную рубаху рано поутру». Поэт обладает острым взглядом и поистине русским чувством юмора. Вот с какой подкупающей щедрости начинается ароматное стихотворение «Банька»:

*Хоть сейчас забор кленовый
И с клетушками сарай,
И под тёмом дом крестовый
Вместе с тёщей забирай.*

*Хоть сейчас бери задаром,
Мне расстаться невтерпёж.
Только баньку – с лёгким паром,
С жарким венником – не трожь!..*

А какая истинно русская удаль присутствует в картинке: «Я задурю на зло врагу, / Как все мои чудные предки, / Медведя в сани запрягу, / Поеду свататься к соседке». Как органичны в его поэзии народные мотивы: «Как сойдутся мудрецы, / Мудрецы, мудрецы, – / Гордецы и хитрецы, / Хитрецы и хитрецы, – / Что один наговорит, / Говорит, говорит, / То десяток повторит, / Повторит, повторит». Поэт чувствует себя настолько русским, что его настораживает поведение собеседника: «Но тревожно мне и плохо, / Что он песен не поёт...» Потому, что в характере русского человека, прямого и доверчивого, органичны черты глубокой старины: «Спит доверчивая Русь, / Видит сны о чуде. / Стенькой Разиньим скажусь – / И поверят люди».

Несомненным отличительным свойством поэзии Владимира Бояринова является безукоризненный литературный вкус, который присущ только большим мастерам. Это та незыблемая преграда, о которую разбиваются «шедевры» массовой культуры современного мира потребительства. И сейчас, когда разрушены нравственные ориентиры, более всего востребован голос истинного Поэта.

Владимир Бояринов ощущает себя русским до кончиков волос в противопоставлении русского уклада – западному. Какие знаковые ощущения вызывают так привычные слуху выражения: «русское небо», «русский Бог», «русские берёзы», «славяне загрустили», «сказочная Русь». Разве это сказано не про русского человека: «Мир стоит на черепах / Мифотворцев и героев!» Многие русские умы, рано или поздно, приходили к ёмкой мысли, высказанной Александром III: «Во всем свете у нас только два верных союзника: наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас». Задолго до этого Сергей Радонежский в своих предсказаниях не обещает русскому народу ни безмятежности, ни покоя. Он предостерегает народ и от обольщения волей: «Не будет воли – будет жизнь, в кольце чужих племён». Этих же мыслей придерживается и Бояринов. Как гражданин, поэт прямо противопоставляет себя западной «демократии»:

*Если им в бреду и страхе
Грезится вражда –
Не сниму своей рубахи
Красной никогда!*

Поэтому для поэта нет ничего удивительного в том, что: «Черти кучами летали... / Над Парижем просвистели / И осыпались в Брюсселе».

Приметой времени стал всё возрастающий интерес к православию и к христианству вообще, особенно к их духовно-нравственному наследию. И это понятно: литература сейчас стремится возродить народные идеалы в их первоизданности и полноте. Поэты «почвенного» направления одними из первых

обращались к этому кладезю мудрости и не в последнюю очередь потому, что лучше других освоили национальный фольклор. Ю. Кузнецов с гордостью говорил о своём творчестве: «Важнее, наверное, другое: я сохранил психологию православного человека». В. Сорокин осознает своё творчество, как мессианское служение: «К Родине склоняясь головою, / Знаю, Бог мне указал перстом / Стать землёй, молитвою, травой, / Эхом стать в моём краю пустом!..» Также проникновенна и естественна христианская сущность поэзии Владимира Бояринова. Достаточно вчитаться в посыл поэта: «Какое тайное задание, / Какой пронзительный намёк / С ключом к разгадке мирозданья / Нам на крыльце оставил Бог!» Как истинно русский, верующий человек, его «Иванушка» под рубахою носит крест из рябины. Как молитва звучат строки стихотворения «Старые гимны»: «Боже, храни от бед / Наши святыни!»

Поэты «почвенного» направления всегда относились к России, к народу, к деревне, к «почве», как к святыням, они почти обожествляли их. Вчитайтесь в строки Н. Рубцова: «Неподвижно стояли деревья, / И ромашки белели во мгле / И казалась мне эта деревня / Чем-то самым святым на земле». Главной темой Владимира Бояринова тоже является любовь во всех её проявлениях, но, конечно, главная его любовь – это любовь к земле, к истокам:

*Будет ночь горчить, как зелье.
Но останется в душе
Боль извечная за землю...*

И это настолько глубоко укоренилось в сердце и характере поэта, что никогда не переменится его любовь к земле, к деревне, к людям села. Это величина постоянная.

*Чей ты? Той деревни или этой, –
Всё само собою ясно, друг,
И по песне, ненароком спетой,
И по слову, сказанному вслух.*

Поэтому на проводах сельчан звучит тост: «– Пишут люди от науки, / Мол, нужны в деревне руки. / Нам умы нужны, / Нам душа нужней, / А любовь к земле / Наивсех важней». В стихотворении «Чистый понедельник» с любовью к русскому размаху ярко написана шумная деревенская масленица: «Мы на тройке русской / По селу гоняли, / А столы с закуской / На санях стояли!» и далее: «Чистую рубашку / Мама подавала. / Ворот нараспашку / Вьюга разрывала!» И эта любовь впитана с молоком матери. Видится большой смысл в обычных словах поэта: «А я иду навеселе – / Страх за спиной – я в селе». Иногда возвращение видится по иному, но радость нескрываема:

*В кои веки вырвался на волю
И не понимаю, что со мной:
То пройду по скошенному полю,
То в тени прилягу под копной.*

Родился Владимир Бояринов в восточном Казахстане, в семье сельских учителей. Семья жила на Алтае, затем переехала под Семипалатинск, вкусив в полной мере все «прелести» ядерных испытаний. Отец поэта из старообрядцев, мать – из потомков украинских переселенцев. Отсюда и родство с живым окружающим миром, и глубинное проникновение в «великий и могучий». Читая запоем всё, что попадалось под руку, будущий поэт впитал в себя

неповторимый сельский фольклор с поговорками и прибаутками и навсегда проникся искони русскими словами и оборотами речи, которые, как светлые росинки, рассыпаны по строкам его стихотворений: «нисколь», «по оплошке», «поблазнилось», «ягоды рябины оседали в брашнах», «зачудесил», «ворона грает», «сгасли звёзды» и др.

Счастливым случаем тоже зачастую сопутствует таланту. Когда поэт вступал в литературную среду, аккуратно, по шажочку, судьба свела его и не только свела, а подружила с выдающимися русскими поэтами, такими, как В.Д. Цыбин, А.К. Передреев, Н.И. Тряпкин, Ю.П. Кузнецов и, конечно же, эта дружба оставила свой след в творческом становлении молодого Владимира Бояринова. Какая сила в, казалось бы, простых строках:

*И потянулись стаями
Над домом журавли,
И с криками растаяли
В темнеющей дали:
За росстанью, за озимью,
За речкою иной...
А я, как лист, что осенью
Примёрз к земле родной.*

За этими строчками виден живой мыслящий человек, прекрасно понимающий неизгладимые изменения в сознании соплеменников и неизменно признающийся в кровном родстве к земле отчизны. С такой же страстью, как у Валентина Сорокина в стихотворении «Клятва»: «Мне Россия сердце подарила, я его – России отдаю!», в стихотворении Владимира Бояринова «Под зарницей» последняя строка звучит, как присяга на верность: «Я под клятвою Отчизне расписался жгучей шашкой». Как высеченное в граните, звучит убеждение поэта: «Не надо смеяться и плакать вослед. / Ни рая, ни ада без родины нет».

Кровная, интенсивная, животворная связь с прошлым, по мнению Станислава Куняева, есть фундаментальный индикатор русской души. А как же может быть иначе, ведь даже А.С. Пушкин – величайший знаток «русской души», жаловался в письме из Москвы в Петербург своей жене: «Чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом». С душой и талантом поэт Владимир Бояринов всегда помнит о своём кровном родстве с былинных времён с русской землёй, неразрывном во всех её бедах и страданиях. Поэтому так естественны строки, уводящие читателя в глубину веков, но близкие каждому русскому человеку:

*Уводила дорога меня,
Над седыми холмами пылила.
На исходе четвёртого дня
Мне открылась земля, как былина.
Ни огня и ни звука вдали,
Только степи ковыльного ситца,
И тогда я у древней земли
В добрый час на ночлег попросился.
.....
Я услышал в степи в эту ночь
Скрип тележный и плач полонянок.*

Словно ожила старина с её былинами, скрипом телег, горьким плачем полонянок и словно сомкнулись времена от былинного эпоса до современности в неизбывности памяти поэта. У русского человека эта память особенная: «– Что мерцает под крылом? / – Ильи Муромца шелом. / Только так, а не иначе, / Светит память о былом». Поэтому-то, постоянно ощущая кровную связь с родной землёй, у поэта возникают тёплые ассоциации при обычной, казалось бы, картине: «Но горят на стекле письма: / Как прочтёшь – и отрадно и жутко».

Поэзия Владимира Бояринова возвышает любовь, как самое высшее из добрых качеств человека. Совершенная любовь включает в себя все добродетели. Вот как апостол Павел перечисляет добрые свойства любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13, 4-8). В восприятии Бояринова любовь – это то, чем он живёт и чем он дышит. Поэтому он имеет право говорить:

*Милая, кто меж людьми
Свыше отмечен?
Если умру от любви,
Значит, я вечен.*

В другом стихотворении не менее убедительны строки: «Я вижу с ясного месяца, / С небесной своей ладьи: / А всё-таки Земля вертится / Единственно вокруг любви!» Не принимая никакого другого образа существования, он признаётся: «И теперь живу любовью / И нечаянно шуткой». И его любовь к родному человеку, так же возвышена и понятна без слов:

*Не надо слов, не надо междометий,
Но кто сказал, что мы с тобой молчим?*

Любовная лирика в «чистом» виде в поэзии «почвенников» не занимает значительного места. Они относятся к любви, к семье, как к тайне и как к таинству. Может быть, здесь наблюдаются отголоски православной традиции, в которой наиважнейшей ценностью в земной жизни является семья. Исключительная фигура в этом ряду – мать. Образ матери – один из центральных и эмоционально напряжённых во всей «почвенной» поэзии. И у Владимира Бояринова самые сокровенные душевные переживания связаны с чувствами к матери, как человека неразрывно связанного, куда бы ни забросила его судьба, со своим родом. Голос родной земли, голос матери он слышит чутко:

*Там стихи не живут,
Где быки не ревут,
Где не ржут жеребцы,
Не звенят бубенцы,
Где огонь не раздут,
Где тебя не зовут:
«Сынка, родненький мой,
Возвращайся домой!»*

Его чувство неразрывной связи с истоками, как с чем-то первозданным, наиболее глубокое. Поэт взволнованно переживает этот момент бытия, со

словами покаяния и признания, как вновь обретающий силы путник, возвращающийся в отчий дом после долгой разлуки:

*Вот они: лес и купава,
Вот и сосновая рать.
Где моё сердце упало –
Там похоронена мать.*

С этим чувством сыновней любви поэт не расстанется никогда: «*Но неправда, что путь мой неведом, – / Среди ночи, средь ясного дня / Вижу степь, занесённую снегом, / Вижу мать у худого плетня!*»

Своё жизненное кредо поэт обозначил предельно откровенно: «*От рождения путь мой ясен: / Верю в Мать, Христа и Смерть*». В целом поэзия Владимира Бояринова жизнелюбива. Эта любовь помогает поэту жить и творить, являясь основополагающим посылом в отношении предназначения человека. Лаконичные и предельно откровенные наблюдения не оставляют ни малейшего сомнения в мироощущении поэта: «*Тот в пасынках у Бога, / Кто знать не знал любви!*» и далее: «*Кто счастьем не светился / Уже на склоне лет, / Тот вовсе не родился, / Того на свете нет!*»

Главная черта пейзажной лирики у поэтов-«почвенников» – то таинственное единство, благодаря которому совершенно очевидным становится, что образы русской природы, деревни и, с другой стороны, внутреннее состояние русской души – это фактически одно и то же. Как человек, ощущающий это единство, Владимир Бояринов не простой созерцатель природы, он пытается познать её смысл, проникнуть в её жизнь, словно в душу человека. Даже более: в его поэзии человек и природа слиты воедино, они живут взаимным проникновением в ощущения друг друга. Вот одно из лучших стихотворений «Страда»: как просто, разговорным русским языком и как одновременно пронзительно нарисована картина страды, когда скошенные косою васильки «жуткими глазами», словно смертельно раненное живое существо, молча глядят в небо. Здесь абсолютное чувство нюансов языка, естественность интонации и трагизм невыдуманной ситуации, сродни жизненным коллизиям:

*Все мужики – в упругой силе,
И все досужи покосить.
Покрасовались, покосили,
Пора бы и перекусить.*

*Мы чёрный хлеб вкушаем с луком,
Мы лук обмакиваем в соль,
И в том, что царствуем над лугом,
Не сомневаемся нисколько.*

*Мы и сказать бы не сказали,
Мы и помыслить далеки:
Какими жуткими глазами
Глядятся в небо васильки.*

*Они и скошенные дышат
И голубым огнём горят,
Они и видят всё и слышат,
И ничего не говорят...*

Или о зное в бескрайней русской степи, такой с детства родной поэту:

*Седает, и сохнет, и чахнет ковыль –
Он солнцу в глаза посмотрел по оплошке;
И никнут овсы, в невесомую пыль
Роняя свои золотые серёжки...*

Это даже не назовёшь стихотворным приёмом. Это реальность существования пронзительного поэта в единстве с окружающим миром. Тема степи, малой родины часто встречается у поэта в стихах о природе: «*Солнце сорок раз вставало / И спалило степь дотла. / Бесконечно и устало / По степи жара текла*». По большому счёту эту неугасимую любовь, независимо от временных катаклизмов, чувство Родины, в искренних чувствах к природе, поэт ощущает, как живую часть себя самого. Как иначе можно относиться к сердечному разговору с русской берёзкой:

*Стоит полунагая
Над стынущей рекой.
– Не зябко, дорогая?
– Не шибко, дорогой.*

Вот что снится клёну перед дальней дорогой: «*В забытьи осеннем у порога / Он поник багряной головой, – / Снизлась клёну дальняя дорога, / Звон вечерний, полдень голубой*». А вот, как человек ради помощи нуждающемуся соплеменнику, может утихомирить стихию:

*В краю таёжном и далёком,
Там, где нельзя окинуть оком
Ни глушь дремучую, ни степь,
Метель посажена на цепь.*

«Почвенная» поэзия в лице лучших своих представителей стала прямым продолжением не только «новокрестьянской» лирики, но и традиций русской поэтической классики. Владимир Бояринов достойнейший продолжатель этой традиции. Вот пример его творчества: восемь строчек, которые займут своё место во всех антологиях русской классической поэзии. Это – стихи современника, но стихи с вечной антитезой на все времена. Какое пронзительное по красоте и глубине восприятия стихотворение:

*Сорвётся стылая звезда,
Сорвётся лист, сорвётся слово –
Всё будет завтра, как всегда,
И послезавтра будет снова,*

*Всё повторится в простоте:
В ночи с гнезда сорвётся птица,
И растворится в темноте –
Чтоб никогда не повториться...*

Совершенно изумительная в своей простоте, афористичности, по лаконичности мысли и глубине ощущения миниатюра переключается с известными миниатюрами А. Пушкина, А. Блока, но по внутреннему ощущению, мне кажется, сродни эмоциональному восклицанию Иннокентия Анненского: «*Среди миров, в мерцании светил / Одной звезды я повторяю имя. / Не*

потому, что б я её любил, / А потому, что мне темно с другими. / И если мне сомненье тяжело, / Я у неё одной ищу ответа, / Не потому, что от неё светло, / А потому, что с ней не надо света». А эти бояриновские строчки так хороши, что, думается, существовали вечно:

*С той стороны распахнутых ворот,
Средь вечного безмолвия и стыни,
В одно мгновенье звёздный хоровод
Увлёк меня в безбрежные пустыни.*

Безукоризненны и предельно естественны строки стихотворения: «Журавли улетели»:

*И кричал он вослед журавлиному клину,
И слезу на скаку утирал рукавом:
— Ох, не мину судьбы! Ох, судьбины не мину
На небесном пути, на пути роковом!*

Все лирические пейзажи Владимира Бояринова отражают его самые поэтические мысли и чувства, передают искреннее восхищение великолепием природы: тонкое восприятие её звуков и красок. А у заинтересованного читателя возникает своё восхищение мастерством поэта-художника:

*Бор сосновый. Ночь — как дёготь,
Мошкариный перепляс.
Тонкий месяц — рысий коготь
В грузном облаке увяз.*

*.....
Бродит рысь тропой кромешной, —
Ночь проходит без следа.
Кровянеет над скворешней
Одинокая звезда...*

«Почвенная» поэзия всегда с интересом всматривалась в прошлое, чтобы на этом основании предугадывать будущее. Потому так горька боль, когда в реальной жизни случается отрыв от славной, сердечной, благородной, героической литературы, главной опорой которой была исключительно — «почва». Да, без «почвы» русскому человеку и русской культуре нельзя. Николай Тряпкин удручённо замечает: «Значит — снова, братцы, с Богом! / На авось, так на авось». Так же грустно констатирует и Владимир Бояринов:

*Пропали Бояны родимой земли,
И Несторы глухи и немые.
Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Геройские русские темы.*

Мы убеждаемся в том, что всё происходящее ранит сердце поэта, вызывая горькие строки сожаления: «И заламывая руки, / И расплескивая тень, / Стонет дерево разлуки, / Проклиная судный день». Тяжело, почти невыносимо осознание неистребимой русскости в парадоксах времени на стыке веков. Тяжело признание очевидного: «Как ни остро мы чувствуем время — / Время ранит больней и острее!» И боль, как это было на протяжении сотен лет, сильнее бьёт по российской глубинке, благодаря которой всегда,

во все времена выживала Россия. Тем горше поэту сознавать беды, которые вновь обрушились на крестьянскую душу:

*Ещё дымок над крышей вьётся
И переходит в облака.
А дом отцовский продаётся,
Как говорится, с молотка.*

Но, как и Ю. Кузнецов, уверенный, что: «В этом мире погибнет чужое, / Но родное сожмётся в кулак», поэт верит, что любовь к земле родной пересилит самые суровые испытания, если «...Грядущей жизни ради / Напишут дети в синие тетради, / В усердии дыханье затая, / Они напишут: “Родина моя”».

Напрямую поэт старается не втягиваться в политическую перепалку, может быть потому, что не считает это предметом поэтического творчества, может, по каким-то иным соображениям, замечая с грустью: «За мною в полночь приходила Муза, / Родная дочь Советского Союза». Но всё же иногда отступает от правила. И тогда рисуется «Деревенская идиллия»:

*Баба поросят кормила
И ворчала: «Ох и жрут!»
На крыльце сидел Корнила
И читал газету «Труд».*

*Он читал про непорядки
Изнахраченной страны
И про то, как делят взятки
Забубённые чины...*

И совсем редкое настроение в поэзии Бояринова и от того ещё более горькое: «Пью из гранённого стакана / И поминальную пою / О том, как три политикана / Украли родину мою». Как это переключается с восклицанием Б. Примерова: «Боже, помилуй нас в смутные дни, / Боже, Советскую власть нам верни!». Или со строками отчаяния С. Куняева: «Какая неожиданная грусть / На склоне дней подсчитывать утраты / И понимать, как распинаят Русь / Моих времён Иуды и Пилаты».

Доступна перу Владимира Бояринова и злая сатира, когда объект насмешки в ореоле величия сам даёт тому повод: «А потом нашли папирус, / А в папирусе — глагол: / “Величатся будет вирус / Фараон Барак Эбол”». Бояринов поэт и человек со своими радостями и горестями, которые он тщательно скрывает от читателей своей светлой поэзией, но однажды не сдержался, и от этого стал только ближе: «Когда накинется душить / Удавка дикой боли — / Стремленье до утра дожить / Сильнее силы воли».

Художественные приёмы в поэзии Владимира Бояринова требуют отдельного исследования. Как легко и образно: «Уже жара сдалась на милость / И расточилась без следа, / Уже и солнце утопилось, / Порвав рыбацьи невода». Следует лишь заметить, что по фактуре его стихи определяют высшую степень поэтической культуры и мастерства. Это проявляется, главным образом, в ритме, фонетике и системе образов, создающих единую акустическую палитру. Вчитайтесь в строчки: «Рваный век вместился в годы, / Годы — в несколько минут. / Годы — гунны, годы — готы, / Скифы тоже тут как тут». И как следствие, в поэзии Владимира Бояринова, в которой широко используется весь набор приёмов, налагающих известную эмоциональную

окраску на художественное произведение, присутствует эвфония высшего качества. Даже шутки поэта ювелирно отточены: «*В шалаше шакалы жили. / Шевеля весь день ушами, / Шапки шили, шубы шили, / Вышивали шёлком шали*».

Следует также отметить редко встречающееся у современных поэтов разнообразие размеров, ритмов, интонаций, абсолютное владение структурой стиха, включая былинные напевы и народно-песенный строй, что так характерно для великих русских поэтов А. Пушкина, Н. Некрасова, А. Блока, А. Кольцова. В устной народной поэзии можно найти элементы почти всех стихотворных систем, бережно сохраняющих песенный народный склад. Как пример, вспомним хореический пятистопник А. Кольцова: «*Долго ль буду я / Сиднем дома жить, / Мою молодость / Ни на что губить?*» В. Белинский признавал сильное чувство, живость, точность и художественную простоту выражения. Многие стихотворения Владимира Бояринова, написанные короткой строкой (поэт действительно отдаёт предпочтение хорею с трёхстопным размером), которые, как правило, отличаются безупречной ритмикой и великолепной рифмовкой, в полной мере соответствуют этому определению. О ритмических пристрастиях автора можно узнать из стихотворения «*Струг небесный*»: «*Ты увидишь не скорее / Воскресения, мой друг, / Как я высек из хорея / Именной работы струг*». Не зря народная поэзия, уже после становления русской книжной поэзии, продолжала отдавать предпочтение хорею. Вчитайтесь, как притягательна напевность и образность в строках стихотворения «*В мире моих снегов*»:

*Ночью светлым-светло
От первобытных звёзд.
Время вразвалку шло
На заревой погост.*

Уместно обратиться к анализу начальных, первых строк стихотворений Владимира Бояринова. Первая строка стихотворения всегда очень важна. Это своего рода камертон, задающий всю мелодию. По большей части его зачины своеобразны и сразу завладевают вниманием читателя. Преобладающая часть стихотворений поэта начинается со строк, представляющих собою самостоятельное целое, например: «*По майскому, по солнечному краю*», «*Жара высмаливает сосны*», «*В мире, где вечера тонут в немой глуши*», «*Дрогнул враг и рассыпался по полю*», «*Солнце к берегу прижалось*», «*Печаль застывает в расщелинах глаз*», «*Конница мёрзлой дорогой процокала*», «*Вспугнули зыбкий сон расхристанные бредни*», «*Докатился колобом до моря*», «*Мир скоростным порывом пьян*» и многие другие.

В статье затронуты лишь некоторые аспекты поэтического багажа современного поэта Владимира Бояринова, но и по весьма поверхностному исследованию его творческой деятельности можно с уверенностью констатировать, что поэзия Бояринова – заметное явление в современном литературном мире. Значение его творчества невозможно переоценить. Его стихи заставляют задуматься о смысле жизни, позволяют проникнуться особым настроением, дают возможность забыть о суете повседневности и поразмышлять об истинных человеческих ценностях. Лучшие стихи Владимира Бояринова останутся в русской поэзии, а его имя займёт достойное место среди плеяды поэтов – признанных мастеров слова, свято хранящих, несмотря ни на что, идеалы русского мира.

ПОЭЗИЯ

Гурген БАРЕНЦ

Гурген Баренц (Гурген Карапетян) – поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Автор нескольких сборников стихов и прозы и десятков переводных книг. Стихи и переводы печатались во многих антологических сборниках современной армянской поэзии. Произведения переводились на десять языков. Лауреат международных литературных премий. Член СП Армении.

Живёт в Хьюстоне (США).

«Не всё распознаётся сразу...»

Если б мне вдруг присудили
Нобелевскую премию по литературе,
То я бы уж не сплеховал:
Толкнул бы такую речь,
Так позволил бы своим мыслям
Порезвиться, растечься по дереву,
Что все бы просто ахнули.
Так что дело за малым –
За Нобелевской премией.

Жить в Америке
Без карты социальной защиты –
Всё равно, что без рук.
Жить в Америке
И не уметь водить машину –
Всё равно, что без ног.
Вот так и живу я в Америке –
Безрукий, безногий...

Стихи должны быть «ни о чём».
Стихи «о чём-то» – пересказы.
Не всё распознаётся сразу
И отпирается ключом.

Если уж так получилось,
 Что ты родился собакой,
 То тебе непременно следует
 Жить в Америке.
 Америка – рай для собак.
 Начнём с того,
 Что тебе никак не грозит
 Быть бездомною псиной.
 Даже если тебя угораздило
 Лишиться ноги или глаза,
 Оплешиветь, овшиветь
 И оказаться в собачьем питомнике,
 Всё равно не спеши
 Расставаться с надеждой на то,
 Что найдётся какой-нибудь добрый,
 Сердобольный и милосердный двуногий,
 Который тебя приласкает,
 Преисполнится жалости
 И возьмётся тебя приютить.
 И ты станешь жить-поживать
 В его доме.
 И тогда для него ты будешь
 Не просто собакой,
 А домочадцем, питомцем.
 Каждое утро
 И каждый вечер
 Он будет тебя выгуливать
 И убирать за тобой
 Твои экскременты.
 А в больших и малых супермаркетах
 Навалом изысканной и вкуснейшей
 Собачьей еды –
 Всяких там «Рокусов» и «Педигри»:
 Ешь не хочу.
 В общем, друг мой, поверь мне,
 Если уж так получилось,
 Что ты родился собакой,
 То тебе непременно
 Следует жить в Америке.

Не хочу, чтобы мне говорили:
 «Седина в бороду, бес в ребро».
 Не хочу, чтобы мне говорили:
 «А ты в зеркало себя видел?»

Я вообще не хочу,
 Чтоб какой-то там бес меня путал.
 Я вообще не хочу,
 чтобы нахальное зеркало
 строило мне рожи
 и злорадно измывалось надо мной.
 И поэтому каждый раз,
 завидя юную красавицу,
 я опускаю глаза свои долу.
 Просто беру
 И отвожу от неё свой взгляд.
 Моим серым бесстыжим глазам
 Совершенно негоже сверлить,
 Ощупывать и пожирать её.
 Одному только Богу известно,
 Как непросто мне это даётся.
 Вот так я теперь и живу –
 С сединой в бороде
 И с тоскою по бесу в ребре.

Если каким-то ветром
 Тебя занесло в Америку,
 То тебе непременно следует
 Стать богатым.
 Быть бедным
 В такой богатой стране,
 Как Америка,
 Просто верх неприличия.
 Тебя здесь никто не поймёт.
 Для твоей бедности здесь
 Не найдётся никакого оправдания.
 Конечно, богатство
 Нигде не бывает лишним,
 Но, с другой стороны,
 Своей бедностью в бедной стране
 Нельзя никого удивить.
 Бедность в бедной стране
 Не столь уж и диссонансна.
 Бедные в бедных странах
 Спокойно доживают свой век,
 Не выпадая при этом в осадок.
 А в Америке бедность –
 Ну, совершенно не смотрится.
 Америка – великая держава
 Производителей и потребителей.

А если ты беден,
Значит, ничего не производишь
И, соответственно, ничего не потребляешь.
А если так,
То возникает резонный вопрос –
Не к тебе, конечно, а к ветру:
Какого хрена
Он занёс тебя сюда.
Но раз уж так получилось,
Что ты оказался в Америке,
Причём не транзитным пассажиром
Или туристом,
А постоянным резидентом,
То тебе непременно следует
Стать богатым.

Моя жизнь никому не нужна,
Смерть – давно.
Не боюсь постоять у окна
И не прячусь за ставни.

Для спецслужб я никто, размазня.
Безобидный и незащитный.
И никто не «закажет» меня –
Даже как-то обидно.

Я не выдам секретов страны
Иностранным разведкам.
И никто не похитит жены,
Не пошлёт «чёрной метки».

Жизнь моя не штормит. Полный штиль.
Ни события и ни просвета.
Не становится скучная быль
Голливудским сюжетом.

Вроде дождь за окном перестал.
Пообщаюсь с родными по «Скайпу».
Я – последний, в кого бы вдруг стал
Целиться снайпер.

Я спокойно стою у окна,
Я не прячусь за ставни.
Моя жизнь никому не нужна.
Смерть – давно.

Время юристов
стоит очень дорого.
Кто-кто, а юристы
Прекрасно знают себе цену.
При этом они включают счётчик
В ту самую секунду,
Когда вы говорите им: «Здравствуйте».
Время юристов
Стоит огромных денег,
И оно мне не по карману.
Поэтому я всячески стараюсь
избегать конфликтов с законами.

Время врачей
стоит очень и очень дорого.
Визиты к ним разорительны.
Чтобы как-то подсластить пилюлю,
они придумали способ
залезать в ваш карман
окольными путями –
через страховые организации.
А если у вас нет страховки,
то мой вам совет – не болейте.
Время врачей
Стоит безумных денег,
так что я очень стараюсь
ни под каким предлогом
не обращаться к врачам.

Что до меня, поэта, –
моё время стоит очень дешево,
можно даже сказать,
что оно ничего не стоит.
Моё время
измеряется стихами.
Так что мне вообще не светит
найти для него покупателей.
Но всё-таки вы не спешите
сочувствовать и утешать меня:
ведь у меня есть возможность
часами смотреть на звёзды,
на луну, на рассветы, закаты.
А врачи, юристы, банкиры
не могут себе этого позволить,
потому что их время
стоит слишком уж дорого.

И всё-таки,
что бы там ни говорили
учёные и просветители,
самым главным
двигателем прогресса
является матушка-лень.

Люди ленились ходить
на своих двоих
и приспособили к этому делу
лошадей, верблюдов и слонов.
Но эти вьючные виды транспорта
требовали кормёжки и ухода,
и к тому же обладали низким
коэффициентом полезного действия.
И тогда появились
автомобили, поезда и самолёты.
Люди ленились грести,
и на смену вёсельным кораблям
пришли яхты, теплоходы и крейсера.
Людям было лень
зажигать каждый вечер свечи,
и они придумали электричество.
Людям было лень мыть посуду,
и они придумали посудомоечные аппараты,
а заодно и разовые тарелки,
вилки, ножи и стаканы.
Людям было лень
ходить в кино и театры,
и они придумали телевидение.
Люди ленились считать
и придумали компьютеры,
причём усовершенствовали их настолько,
что компьютеры научились
легко обыгрывать в шахматы
самых сильных гроссмейстеров.

Людям было лень
выполнять работу,
требующую физических усилий,
и они придумали роботов.
Людям было лень
натягивать тугую тетиву
и бросать тяжёлые копья,
и они придумали пистолеты,
автоматы, гранатометы...

Людям было лень
убивать друг друга
поодиночке,
и они придумали
оружие массового уничтожения...
Нет, что бы там ни говорили
величайшие умы человечества,
главным двигателем прогресса
была, есть и будет
наша родимая
матушка-лень...

Мы абсолютно уверены,
Что раз перелётные птицы
По весне возвращаются к нам.
Значит, их родина – здесь.

Но в южных странах
Точно так же абсолютно уверены,
Что раз перелётные птицы
Возвращаются осенью к ним.
Значит, их родина – там.

Перелётные птицы,
Наплевав с высоты птичьего полёта
На эти наши суждения,
Продолжают прилетать к нам весной
И с первыми осенними холодами
Улетать на юг.

И всё-таки – где же их родина?
На севере или на юге?
А может, их родина – небо?..

Раньше были физики и лирики,
А теперь – банкиры и поэты.
Лирики писали панегирики.
Физики сживали их со света.

Лирики – горластые задиры –
Жизнь свою сыграют вам по нотам.
Физики ушли. Теперь банкиры
Щупают портреты на банкнотах.

Если спорится дело,
значит, всё – нормалёк.
Я стране беспредела
жизнь оставил в залог.

А не спорится дело,
всё равно – нормалёк.
Жизнь, увы, пролетела, –
ничего не извлёк.

Жизнь была фотовспышкой;
мне запомнился свет.
Дни летели в одышке
и срывались в кювет.

Свято место пустоет:
всех пугает цена.
Коль сидишь на двух стульях,
то какого рожна?

Пусть не спорится дело,
говорю: нормалёк.
Я стране беспредела
жизнь оставил в залог.

ПАМЯТЬ

Хасан ТУРКАЕВ

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

«Учитель, перед именем твоим...»

Слово о Викторе Борисовиче Корзуне
(1913–1967 гг.)

У нас, у чеченцев, обострённая память. В ней, в отличие от других наших внутренних побуждений и убеждений, с неизменной теплотой постоянно вспыхивают чувства благодарности и глубокого почитания тех людей, кто проявил о нас заботу и уважение, принимая участие в нашей судьбе.

Именно таких людей – русских учителей, просветителей, учёных, писателей и публицистов, преподавателей высших учебных заведений в Новой и новейшей истории нашего народа – много. Но о них, стоявших у истоков нашего просвещения, наметивших его основные векторы, а также гуманитарной науки, художественной литературы в публикациях современников приведены лишь отрывочные сведения: ещё не сложилась система целостного осмысления их исторической роли в зарождении национального просветительства, науки, художественной литературы, школьного и вузовского образования.

Правда, представители чеченской творческой и художественной интеллигенции старшего поколения ставили эту проблему. Некоторые из них в своих выступлениях отдавали дань уважения русской интеллигенции за их беспримерный и бескорыстный подвиг в приобщении нашего народа к российским и европейским культурным ценностям.

Классики чеченской литературы С. Бадуев, С-Б. Арсанов, М. Мамакаев, Н. Музаев, стоявшие у её истоков, сформировавшие её мощный художественный потенциал, десятилетиями поддерживали творческие и дружеские связи со многими выдающимися русскими писателями. М. Мамакаев, выступая на I-м учредительном съезде Союза писателей РСФСР в декабре 1958 года, сказал: «В нас, писателях старшего поколения, всегда живёт чувство глубокой благодарности к тем русским писателям, которые оказывали нам неустанную

В.Б. Корзун

помощь в наших первых творческих исканиях. Теперь мы выросли и значительно окрепли. Няньки нам теперь, правда, не нужны, но от дружеской руки своих братьев мы никогда не собирались и не собираемся отказываться».

Много тёплых и благодарных слов о русских писателях высказывали Нурдин Музаев, Раиса Ахматова и др.

Мы, казахстанско-киргизской закалки холодом и голодом, нищетой и моральным гнѐтом юноши, поступившие на историко-филологический факультет Чечено-Ингушского госпединститута вскоре после восстановления автономии республики, очутились в удивительной тёплой атмосфере,

которой нас окружил профессорско-преподавательский коллектив вуза, состоявший из русских, еврейских, армянских учёных. Мы в течение пяти лет в этой атмосфере отогревались: они проявили о нас по-настоящему отцовскую и материнскую заботу, учили доброму, разумному, вечному. Их блестящие лекции, глубокие по содержанию научные труды, которые в условиях абсолютной неизученности исторической и филологической проблематики республики, являлись серьёзным вкладом в реинтеграции истории и культуры чеченцев и ингушей в общесоюзный культурный контекст, учили нас, студентов, только начавших приобщаться к истории и культуре своего народа, как надо смотреть на его судьбы в тесном сопряжении с судьбами других народов страны. Глубокий демократизм и интернационализм – присущая нашим преподавателям черта. Мы, студенты, истосковавшиеся там, вдали от отчей земли, по всему своему, жадно учились у них, усваивая их мировоззренческие принципы.

Одним из них был Виктор Борисович Корзун.

Он заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы, которая была укомплектована такими учеными, как В.И. Харчевников, В.Г. Чеботарева, А.И. Тененбаум, Ф.И. Стеклова, Б.С. Виноградов, В.М. Былов, а позже, когда была открыта кафедра русской советской литературы, традиции старших блестяще продолжили М.С. Горенпггейн, Ю.Б. Верольский, С.М. Говоров, Н.Г. Калустова, Н. Осипова, В. Хазан, А. Очман, М.М. Гринберг и др. специалисты высокого класса, внесшие большой вклад в изучение русско-чечено-ингушских литературных, фольклорных связей, пребывания в Чечено-Ингушетии русских писателей и театральных деятелей в XIX и XX вв.

В.Б. Корзун до своего избрания заведующим кафедрой в нашей республике прошёл большой путь научно-просветительской деятельности. Он был учёным разнообразных интересов и увлечений. Ещё задолго до того, как стать кандидатом наук, он в 1938 году в г. Пятигорске издал свою большую, хорошо иллюстрированную по тем временам книгу «Эльбрус». В ней много глав и они посвящены географическому местоположению, происхождению и строению Эльбруса, его флоре и фауне, истории покорения и, наконец, в конце книги даны практические советы восходящему на Эльбрус. Книга иллюстрирована авторскими фотографиями, она и сегодня читается с большим интересом.

Я не имею, к сожалению, подробных биографических данных этого неординарного человека, крупного учёного. Но в моей памяти ещё свежи впечатления, которые он производил на меня, его студента, и в период моей работы

на возглавляемой им кафедре в должности ассистента. Сейчас, когда я задумал написать эти заметки о своём учителе, об этапах его жизни и творческих исканиях, сужу по хронологии изданных им книг, статей, рецензий. В поисках его публикаций до переезда учёного в Чечено-Ингушетию я поработал в Государственной российской библиотеке в г. Москве и обнаружил, что диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук В.Б. Корзуна была посвящена жизни и творчеству основоположника, классика осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова и защищена в Москве в Институте Мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР в далёком 1950 году. Диссертационное исследование В.Б. Корзуна привнесло в хетагуроведение новую методологию анализа и осмысления жанрово-стилевого многообразия творчества этого крупного художника слова, революционного демократа начала XX в.

Преподаватели, работавшие на кафедре В.Б. Корзуна, являлись, повторяю, специалистами высокого класса. Помимо глубоких знаний своих дисциплин, они были добры к нам, и эта доброта переходила у них «в самопожертвование».

Всё это, естественно, имело для нас, униженных и оскорблённых в депортации, животворное значение, и мы жадно, всем сердцем, потянулись к ним, полюбили их. Учила нас и Зинаида Афанасьевна Гавришевская. Она с большим тактом и чистым сердцем относилась к нам, чеченским и ингушским студентам, перед которыми советское правительство широко распахнуло двери в большой мир современной истории и культуры.

В.Б. Корзун до переезда в Чечено-Ингушетию два года преподавал в Китае русский язык и литературу. Его частые и увлечённые рассказы об истории, о быте, нравах, философии, экономике и бережливости народа этой уникальной страны расширяли наше мировоззрение, пробуждали в нас интерес к отечественной и зарубежной культуре и истории.

С первого дня своего пребывания в Чечено-Ингушской Республике и до самой своей смерти (осень 1967 г.) В.Б. Корзун целиком и полностью сосредоточился на анализе, осмыслении художественной культуры чеченцев и ингушей в контексте культур народов Северного Кавказа. Он явился первым фольклористом и литературоведом, в чьих трудах были плодотворно решены проблемы типологии фольклора и литератур горских северокавказских народов.

Его весомым вкладом в изучение истории чеченской и ингушской литератур явилась работа по собиранию, систематизации творческого наследия ингушского русскоязычного писателя Абдул-Гамида Сипсоевича Гойгова, стоявшего у истоков зарождения этой национальной литературы в 20-е годы XX века (Гойгов А-Г.С. Избранное. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Б. Корзуна. Грозный, 1961).

Это издание – своего рода прелюдия следующих основополагающих работ В.Б. Корзуна в научном осмыслении чеченской и ингушской литератур и фольклора, как стройной системы художественности, имеющей свои многовековые традиции. Такой подход к совершенно неизученным ранее проблемам требовал от него прежде всего самоотверженности, которая возникает лишь тогда, когда исследователь влюблён в художественную культуру и породивший её народ.

О В.Б. Корзуне можно говорить так уверенно. Не это ли состояние его души придавало ему силы, по сути, самому взяться за создание «Очерка

истории чечено-ингушской литературы», который был написан им с двумя-тремя коллегами за весьма короткий срок после восстановления автономии Чечено-Ингушской АССР на совершенно чистом «поле»: к тому времени ещё не было литературно-критических и литературоведческих изысканий чеченских и ингушских учёных, ибо такие учёные не могли появиться в арестантских условиях, в которых до 1957 г. жил в депортации народ.

«Очерк...» издан в 1963 году (Очерк истории чечено-ингушской литературы. Ответ. Редактор В.Б. Корзун. Грозный, 1963). Его ответственным редактором, естественно, явился В.Б. Корзун. Им написаны предисловие, очерки о писателях А-Г. Гойгове, С-Б. Арсанове, составлена краткая библиография. Такие разделы, как «Введение», «Основные этапы развития чечено-ингушской советской литературы», творческий портрет «Р. Ахматова» В.Б. Корзун написал в соавторстве с Д.Д. Мальсаговым, Х.Д. Ошаевым, М.Д. Чентиевой.

Издание «Очерка...» явилось важным событием в общественной и культурной жизни начинающей возрождаться республики, показателем первых успешных шагов становления её науки.

В.Б. Корзун глубоко проник в художественно-эстетическое наследие чеченцев и ингушей. Вслед за «Очерком...» с его активным творческим участием осуществлено научно-популярное издание «Чудесные родники (сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР», 1964 г.). Это было второе дополненное издание сборника «Чечено-ингушский фольклор» (М., ГИХЛ, 1940 г.), подготовленное выдающимся писателем Саид-Беем Арсановым. К «Чудесным родникам» вступительную статью написал В.Б. Корзун. Она глубоко аргументирована, отличается умением выявить специфику жанров чеченского и ингушского фольклора, их художественно-эстетическое своеобразие. Так, например, он, продолжая мысль, заложенную в статье ингушского просветителя и писателя Заурбека Куразовича Мальсагова «Чеченский народный стих» (1935), пришёл к очень важному научному выводу: «Героико-исторические песни также дают возможность проследить процесс перехода поэтической идеализации к реалистической типизации (Корзун В.Б. У истоков искусства слова. – в кн.: «Чудесный родник». Грозный, 1963. С. 16). Исследователи фольклора в дальнейшем опирались на этот научный тезис.

В последующие годы одна за другой вышли из печати другие ценные работы В.Б. Корзуна по фольклору и литературам народов Северного Кавказа. Но самым востребованным исследованием является всё же книга «Советская чечено-ингушская литература. Библиография (242 стр.)». Её ценность обусловлена прежде всего тем, что прошедшие две войны уничтожили архивы республики, летописи печати Чечено-Ингушской АССР, издававшиеся Государственной библиотекой им. А.П. Чехова, книжные и газетные фонды довоенного (1994) времени: не будь в своё время изданного этого крайне кропотливого и сложного труда В.Б. Корзуна, сегодняшний исследователь литературы двух народов не имел бы никакого представления о путях становления и развития, её взаимодействия и взаимоотношения с другими литературами, об истории становления летописи печати (газет, журналов) и т.п. В.Б. Корзун писал во введении к библиографии: «Этот беспристрастный документ, свидетельствующий о зарождении и расцвете у ранее бесписьменного народа национальной литературы социалистического реализма».

Указатель (библиография) содержит сведения:

– почти обо всех литературно-художественных произведениях, написанных на ингушском и чеченском языках после Великого Октября и опубликованных в сборниках отдельными изданиями, в журналах и газетах;

– библиографию переводов с других языков на чеченский и ингушский языки;

– сведения о литературоведческих и критических исследованиях и статьях, посвященных вопросам развития чечено-ингушской литературы.

Библиография снабжена указателем источников, а также именованным указателем.

Библиографический указатель даёт полное представление по указанным направлениям с 1917 по 1965 год. Художественное развитие двух народов в этот промежуток нашей истории всеобъемлюще полно представлено. Что же касается промежутка истории с 1965 по 2000 год, то отсутствие данных, наподобие изложенных в библиографии В. Б. Корзуна, самым серьёзным образом будет сказываться в работе тех, кто будет заниматься исследованием чеченской литературы.

В. Б. Корзун был очень талантливым учёным. Его работоспособность восхищала. Только за 1966 год он издал, помимо названной выше библиографии, две крупные монографии: «Фольклор горских народов Северного Кавказа» (Грозный, 1966, 203 с.) и «Литература горских народов Северного Кавказа» (Грозный, 1966, 131 с.). Фольклористика и литературоведение северокавказских народов ещё не приобрели в начале 60-х годов XX века должного разбега в исследовании художественного наследия, и монографии В.Б. Корзуна являлись методологическим ориентиром для молодых учёных, обращавшихся к художественному сознанию своих народов.

В «Фольклоре горских народов...» «автор ставит своей задачей проследить развитие ведущих тенденций в устном народном творчестве». Однако, знакомясь с исследованием, убеждаешься, что автор решает многие теоретические вопросы устного народного творчества. Например, до В.Б. Корзуна редко кто из исследователей обращался к таким проблемам, как проблемы периодизации фольклора, преднартовским мифологическим традициям, героической идеализации в нартском эпосе, «малый эпос» горских народов и др. Наблюдения и выводы автора в заключительной главе монографии «Роль народных поэтов и певцов в становлении письменной литературы» имели большое методологическое значение для литературоведов, начинавших в то время осмысливать пути и художественно-эстетическое своеобразие возникновения и формирования горских письменных литератур на родных языках.

Сам он, В.Б. Корзун, в своей монографии «Литература горских народов Северного Кавказа» показал сложнейшие процессы взаимодействий фольклорных традиций и зарождающихся жанров письменной литературы. Ускоренное развитие последней, то есть освоение ею за весьма короткий отрезок времени реалистических принципов осмысления действительности, исследователь объяснял художественными средствами фольклорных образов и их насыщенностью социальными мотивами.

Названные и коротко проанализированные исследования В.Б. Корзуна являются очень весомым, неопределимым вкладом в науку северокавказских народов начала 60-х годов XX в. Он, встав у истоков научной мысли некоторых республик после восстановления их автономии (1957), показал богатство духовного наследия народов и придал мощный импульс дальнейшему развитию филологической науки на Северном Кавказе.

...Многоязыкие преподаватели бывшего Чечено-Ингушского госпединститута открыли перед нами широкие двери в особый и неповторимый мир русской классики, герои которой полны благородства и мужества, неизменно нацелены на извечные поиски правды и социальной справедливости в обществе. И они закалили наш дух, подвигли нас на неизбывную любовь к великой русской культуре и через неё – к многонациональной культуре России, мира. Их подвиг и благородство не забываются.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Российского союза писателей, кандидат исторических наук, доцент. Автор четырёх сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2016), Фестивального движения русского мира «Осианная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина. В 2017 году МГО Союза писателей России присвоено почётное звание «Заслуженный писатель». Живёт в Москве.

«Просто взмлет душа, будто и не болела...»

Жалею

В параллельных мирах порознь жили с тобой,
Но однажды Господь что-то там перепутал:
Показалось, меж нами возможна любовь.
Показалось! И длилось всего лишь минуту.

Но с тех пор для меня ты – уже не чужой,
И неважно, что врозь наши судьбы, не рядом.
Я пригоршню стихов твоих грею рукой,
Чтоб растаяли льдинки душевного града.

Пронесусь над тобою весенним дождём,
Омывая слезами сердечные раны,
От похмельного бреда очищу твой дом,
Пепел прошлого ветром смету ураганным.

Полегчает. Причину навряд ли поймёшь,
Просто взмлет душа, будто и не болела,
И не мне, своей спутнице юной шепнёшь:
«Ни одна до тебя так меня не жалела».

Накануне романа

Мы с тобой – накануне романа
И ведём себя осторожно –
Целоваться пока ещё рано,
А расстаться уже невозможно.

Сердцу видится неизбежность
В том, что кругом идёт голова,
Когда тонкими пальцами нежность
Ткёт из слов свои кружева.

Бесконечность ли, быстротечность
Скрыты в ритмах наших сердец?
Знает только звёздная млечность,
Как сплетаются судьбы в венец.

Пепел

Я даже мечтать о тебе не могла:
Ты был несвободен, и я – не одна.

Но, где-то в Галактике солнце всходило,
И пламя любви нас с тобой опалило.

То чувство кометой промчалось в судьбе
И выжгло свой след во мне и тебе.

Мы снова – не вместе. С друзьями, родными,
То пламя мы долго слезами гасили.

Но пепел не стынет в груди у меня
С надеждою тайной на силу огня.

Мосты

Наши судьбы, словно в Питере мосты,
Жизнь то сводит, то опять разводит.
Стынут души от крошечной пустоты,
Встреча – и, как будто солнце всходит.

Жаль, недолговечна эта связь,
Наших рук и губ соединенье.
Как бы нам хотелось удержать
Близости пьянящее мгновенье.

Питер, я твоим завидую мостам:
Ночью половинки их – в разлуке,
Но назло метелям, ветру и дождям
Утром снова вместе будут «руки».

Голубка

На самом краю моей длинной судьбы
Ты мне повстречалась, голубка.
Щемящее чувство последней любви
Так тонко, так зыбко, так хрупко.

Почти не осталось на этой земле
Ни мне, ни тебе долгих лет.
Уж сумерки жизни, и скоро во мгле
Растает и мой, и твой след.

Жизнь прожита порознь, но Бога молю
Продлить этот чудный наш вечер,
Чтоб снова и снова слова «Я люблю»
Тебе повторял я при встрече.

Щемящее чувство последней любви
Мы пьем из хрустального кубка.
И я постараюсь его сохранить
Пока я дышу, голубка.

Чудо любви

Бывает, на исходе лет
Нежданно чудо вдруг случится:
Любовь из юности привет
Вам принесёт проворной птицей.

И пусть, седины на висках,
И пусть – ненастная погода,
Вам засияют небеса,
Как снег весной отступят годы.

Напрасно Разум Вам твердит,
Что Вы – смешны и неприличны,
Душа, как в юности, горит
И жаждет продолженья жизни.

ПАМЯТЬ

Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет
Евгению Дорогову с Юбилеем!

«**Детство закончилось
в тринадцать лет...**»

Война

Детство закончилось в тринадцать лет. Из многочисленной семьи в Москве осталась одна восьмидесятилетняя бабушка Марфа. Её сын (мой отец) и его брат (мой дядя) ушли на фронт. Невестка – моя мама – находилась на строительстве оборонительных сооружений вокруг Москвы. Взрослая дочь бабушки – моя тётка – стала работать на заводе «Каучук», оставаясь на казарменном положении. Мой старший брат, служивший в Западной Белоруссии, не подавал о себе вестей, средний брат находился в лётном училище в Сибири, младший брат был отправлен в специальный детский интернат в город Кашин. Целый месяц с начала войны я оставалась одна в квартире, ухаживая за больной бабушкой. Немцы стремительно приближались к Москве.

Внезапно появилась мама вместе со своей матерью, моей второй бабушкой, приехавшей за мной из деревни. Они быстро собрали вещи, и ждавшее нас легковое такси направилось на Павелецкий вокзал к ночному поезду на Тамбов.

Это было 22 июля 1941 года – в первый день вражеской бомбардировки Москвы. Не проехав и половины дороги, мы услышали жуткий вой сирен. Машина была остановлена дружинниками, которые проводили нас вместе с шофёром в бомбоубежище под многоэтажным домом. Оно было заполнено людьми. Едва мы устроились на лавочках, как погас свет. В крошечной темноте началась всеобщая истерика, но прозвучал грозный мужской голос: «Отставить панику! Соблюдать тишину!» Замерев от ужаса, мы потеряли счёт времени. Вместе со стенами дома мы содрогались от взрыва бомб, слышали залпы зениток и вой самолётов. С потолка помещения сыпался песок и

Евгения ДОРОГОВА

Евгения Викторовна Дорогова – родилась в 1928 г. в Москве. Врач. Кандидат медицинских наук. Ветеран Великой Отечественной войны. Член Литературного объединения «Проба пера» при Центральной библиотеке №165 имени Ф.И. Тютчева Южного округа города Москвы. Автобиографические рассказы опубликованы в журналах «Камертон», «Великороссь», альманахе «Чонгарский бульвар» (2011, 2012, 2013, 2014). К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне Издательство Сретенского монастыря выпустило книгу Е.В. Дороговой «Жизнь продолжается. Записки врача» (М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015).

Живёт в Москве.

штукатурка. Как позже стало известно, одна из крупных бомб была сброшена на нашу улицу, но попала в пруд зоопарка. Наконец на рассвете нас выпустили на улицу. Громкий твёрдый голос объявлял: «Граждане, угроза воздушного нападения миновала! Отбой!» К счастью, мы нашли свою машину целой и невредимой.

На вокзале вместо поезда дальнего следования на перрон был подан пригородный состав. Посадка походила на безумие. Однако нам с бабушкой удалось войти внутрь вагона, а вещи, как придётся, мама подавала нам в окно. Поезд тронулся, на большой скорости минуя пригородные станции.

Перед Каширой мы снова услышали рёв немецких самолётов. Не могу сказать, сколько их было и были ли мы их целью. В вагоне возникла паника. В этот момент прозвучал высокий, чистый и сильный голос моей бабушки: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи помилуй!» Все попадали на пол, исступлённо повторяя и повторяя эти слова. Мост над Окой мы пролетели птицей и остановились только через какое-то время у станции Павелец. Стёкла в вагонах были разбиты. Кого-то несли на носилках. Бессонную ночь мы провели на перроне. Утром появился местный литерный поезд маршрута Павелец – Мичуринск, с которого мы благополучно высадились на нужной станции.

Дедушка Митрофан

Станция была пустынная. Поезда проходили мимо. Конечно, нас никто не встречал. В стороне от перрона понуро стояла впряжённая в телегу лошадь. Возчиком оказался бабушкин кум. Дружелюбно поздоровавшись, он погрузил вещи поверх своей поклажи и вместе с нами пошёл рядом с медленно бредущей лошадью. По дороге длиной в пять километров мы узнали деревенские новости. «Всех здоровых лошадей вместе с повозками забрали на фронт, – говорил кум. – Туда же ушли все парни и мужики, колхозная автомашина и новый трактор. В колхозе остались два старых трактора, на которых работают шестнадцатилетние мальчишки: ваши Ванюшка да Акимка. Ребята – молодцы, но солярки мало. В селе остались старики, женщины и ребятишки».

Дедушка родился в большом селе Тамбовской губернии, окружённом лесом, на берегу реки Иловой. Незадолго до его рождения родители ещё оставались в числе тысячи душ крепостных крестьян помещика Часовникова.

В семнадцатилетнем возрасте дед женился на шестнадцатилетней односельчанке. Она славилась в округе своей красотой, статью и умом. По словам родственников, невеста отказалась от многих женихов, сватавших её, выбрав красавца Митрофана. На свадебные подарки сельчан молодые купили лошадь, заплатив за неё целых два рубля. С этого момента началась их счастливая, но впоследствии трагичная и тяжёлая семейная жизнь.

В молодости дед служил солдатом, поэтому ещё до всеобщего советского образования мог читать и писать. Благодаря своему природному уму и трудолюбию им с бабушкой удалось создать счастливую семью с шестнадцатью детьми. Из-за крепкого крестьянского хозяйства в тридцатых годах дедушка был раскулачен и сослан на Соловки. Бабушка последовала за ним, семья разрушилась. Дед, глава такой семьи, считал себя невиновным и, невзирая ни на какие мучения и преграды, старался доказать это властям. Двое его старших сыновей героически погибли в Германскую войну, третий сын вернулся в село инвалидом, четвёртый сын – комсомолец – погиб на ударной стройке.

Судьбу двух младших сыновей в ту пору он ещё не знал. Один из них погиб в 1942 году на фронте, второй вернулся больным из немецкого плена.

Я была дошкольницей, когда старики неожиданно вернулись из Соловецкой ссылки в Москву по вызову всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина. Помню, провожая дедушку к нему на приём, все плакали, не чая больше увидеть его живым. Однако вскоре он вернулся к нам и громко объявил: «Слава Богу! Новая власть состоит не из одних дураков!» Перед ним извинились, вернули избирательные права, вернули дом и ещё сохранившееся имущество, сняли судимость.

Вернувшись в свой большой кирпичный дом, дедушка две трети его отдал искалеченному на Германской войне сыну. Невестка получила звание «Матери-героиня», так как родила двенадцать детей. Сам хозяин – дед – поместился в торце дома, оборудовав уютную квартиру из двух комнат, кухни и чулана. Нашлось место и для моей постели. В отгороженной части двора он вырыл свой колодец, развёл десятки кур и уток, а также поселил две козы.

Козы были особенные – дрессированные. Ко времени дойки они входили по очереди в комнату, где их ждала бабушка, сидя на табуретке, и прыгали на лавку. Бабушка ловко их доила. Этому искусству по велению деда должна была научиться и я. Но дело было нелёгким. Со старой белой козой контакт состоялся. Молодая же, серая, вёрткая и шалая, мне не подчинялась. Вскочив на лавку, она бешеным взглядом косилась на меня и, улучив момент, рогом или копытом ловко выбивала миску с молоком из моих рук. Дедушка то смеялся, то ругался: «Учись у бабушки. Она – царь-баба, потому что всё знает и умеет, не то что городские кривляки-мамзели!» В ответ бабушка возмущённо возражала: «Да что ты, старый! Наша-то внученька какие книжки читает и из ружья стреляет!» Затем она плакала, обнимая меня, а дед, ненароком смахнув слезу, гладил внучку по голове.

В первый день нашего с бабушкой приезда он собрал у себя всех внуков. Незнакомые разновозрастные мальчики и девочки еле поместились в его комнатках. Едва ли он отличал Кольку от Сёмки или Маньку от Доманьки, но с грозным видом объявил: «Это ваша сестра Жёня. Она городская, учёная, но слабая. Велю её защищать и оберегать!» Затем выбрал двух моих ровесниц: Нину от дяди Николая и Нину от тёти Наташи, велел взять меня с двух сторон за руки и ещё более грозно сказал: «Ходить так: всегда втроём, во всём друг другу помогать!» (Крепкая, искренняя дружба связывала нас до конца их дней.) Мои документы дедушка отнёс в школу и в сельсовет.

На следующее утро сёстры уже ждали меня. Надев на мой городской са-рафан старую бабушкину кофту с рукавами, на голову белый платок, взяв за руки, как велел дед, они повели меня на работу, начинающуюся со школы. Наш отряд будущего шестого класса возглавляла молодая учительница. Когда все собрались в школе, обнаружилось, что на моих ногах надеты сандалии. Все засмеялись. Ведь мы шли полоть просо, а сорняки вырывали из земли со всей корневой системой, сыпучий чернозём забивал обувь, если это не сапоги, и её приходилось снимать. Под смех и шутки мои сандалии повесили на гвоздь у школьной доски. Пришлось мне первый раз в жизни идти босиком, невзирая на состояние дороги. Ребята оценили моё мужество и всячески старались помочь. С этого момента я обрела в их лице товарищей и друзей.

Очень стараясь не отставать, с двухсторонней помощью сестёр я смогла выполнить работу только до обеда. Отряд вернулся в школу. Здесь каждому из нас вручили по буханке чёрного хлеба и отправили по домам с тем, чтобы

после отдыха в два часа дня снова явиться на работу. Вечером мои нежные руки и босые ноги распухли. Бабушка не пустила меня на работу, намазала их чем-то и, охая, уложила меня спать до следующего утра. Прошло какое-то время, когда, преодолевая мучения и боль, я научилась свободно ходить босиком и не отставать от ребят в работе.

Село, состоящее более чем из шестисот домов, лишившееся рабочей силы, технических средств и привычного уклада жизни, стояло на грани анархии и катастрофы. Но, на общее счастье, среди нас находились два пожилых, мудрых человека: председатель колхоза – старый большевик, честный и храбрый человек, и мой дедушка. Оба они прошли тяжелейшую жизненную школу, начиная с царских тюрем для революционеров и Соловков для раскулаченных. Оба были уважаемы и почитаемы сельчанами.

Забыв, а скорее всего, простив друг другу прошлые трагедии и ошибки, они принялись наводить в селе свой твёрдый порядок, не обсуждая его с властями.

Практически у всего населения денег вообще не было. Не было никаких пенсий, пособий, карточек. За работу в колхозе плата полагалась в конце года в зависимости от ранее учтённых трудодней, но её платить было нечем, так как вся колхозная продукция прямо с полей увозилась для фронта.

По-прежнему учётчицы отмечали в тетрадках трудодни, но плата за труд нелегально выдавалась ежедневно той продукцией, которую создавали работавшие. Официально председатель этого не знал. Продукты распределяли сами отряды: честно, «по совести». Жадность считалась преступной и наказывалась. Каждую крошку продуктов мы экономили для фронта. Сельские ребята были патриотами своей Родины и искренне старались помочь чем могли в борьбе с врагом.

Без выходных и праздников трудились школьные отряды и женщины. Даже первые классы что-то собирали, сортировали, подносили. Работая в поле, никто не считался со временем весь световой день. По этим неписаным законам я ежедневно могла унести с собой старикам или младшим, бедствующим родственникам не более двух килограммов разных овощей, не более килограмма зерновых: гороха, фасоли, ячменя, подсолнухов или других семян. Голод в селе не наступил, и нормативные поставки фронту выполнялись. Основной «валютой» стала спасительная для всех буханка чёрного хлеба.

Дед, как бывший солдат, сплотил вокруг себя подростков пятнадцати-шестнадцати лет во главе с одним из внуков. Их неофициальный отряд, наподобие тимуровцев или дружинников, защищал вдов и детей, следил, нет ли каких шпионов, охранял продукты. Сам дедушка постоянно навещал своих солдаток-дочерей, вдовиц-снох, оказывая им физическую и моральную помощь. Приходя к внукам, дед не оставлял их без поддержки. Как правило, это был кулёчек дефицитнейшей соли и бутылочка-четвертинка с каким-то горючим. Оно служило нам вместо электричества. При свете крепкого фитилька, горевшего без копоти (наверное, это было лампадное масло), в тяжелейшую зиму 1941/42 годов мы в избах, занесённых снегом до самых крыш, увлечённо читали русскую и зарубежную художественную литературу из прекрасной клубной библиотеки. В лютые морозы работы в полях прекращались, и тогда, откапывая друг у друга двери домов, мы собирались на учёбу в нетопленной школе. Из всей школьной программы шестого класса я помню только «Песнь о вещем Олеге».

Длинными зимними вечерами дедушка часто садился рядом со мной у трепетного фитилька и с интересом спрашивал, что я читаю, говорил со мной, как со взрослой, вроде бы на отвлечённые темы. «Смотри, – однажды он протянул мне свою ладонь, – каждому пальцу одинаково больно, если отрезать его от руки. А пальцы-то совсем разные: этими я держу лопату, а этими ты держишь иголку. Дружно работая, они дают нам жизнь. Наши правители не понимают этого. Давай им равенство! Но не могут быть все одинаково равны. Дай Бог, чтобы это поняли, наконец, на наших фронтах!»

С началом тёплых дней 1942 года к нам неумолимо стал приближаться Воронежский фронт. Бомбили железную дорогу и близкую узловую станцию Кочетовка. То тут то там возникали пожары. Горели элеваторы и склады. Рядом с домами были вырыты «щели», куда мы прятались при налётах. Поток несчастных беженцев, перегонявших скот через наше село неизвестно куда, увеличился.

В августе беженцев сменили наши отступающие войска. Они шли широким потоком по дорогам села, грязные, измученные, голодные. Машины и лошади везли пушки, раненых. Солдаты с полной выкладкой, в жару, тянули за собой пулемёты, а также вели и несли раненых товарищей. От страха и горя мы теряли дар речи, говорили сквозь слёзы, постоянно плача. Под командой дедушки наши школьные отряды пытались чем-то помочь солдатам: постоянно черпали воду из колодцев и по цепочке ставили вёдра у дороги. Люди жадно пили и лили её на себя. Появилась уже ранняя картошка. Дедушка разжёг у дороги большой костёр, повесил над ним котёл, в котором она непрерывно варилась. Женщины вычерпывали варёные картофелины и передавали их идущим. Люди шли и шли, не останавливаясь. Привалов в селе не было даже ночью.

Один из эпизодов сохранился в памяти на всю жизнь. Бледный запылённый человек подошёл к костру, сбросил свою поклажу, затем снял рубашку и начал трясти её над пламенем. Вши с нее сыпались в костёр и трещали, сгорая. Я вылила на него ведро воды. Он сказал: «Ещё!» – умыл лицо, намочил волосы, но тут, услышав окрик, не одеваясь, подхватил свою ношу и, улыбуясь мне потрескавшимися губами, сказал: «Спасибо, дочка!»

Рано утром село опустело. Дедушка сделал вывод: «Не сегодня-завтра немец будет здесь! Немедленно собирайся в дорогу. От Москвы немцев отогнали, поезжай к матери. В селе первым делом фашисты расстреляют председателя, меня сделают старостой. А как же?! Кулак! Тебя же растерзает солдатня. Спрятать мне вас, дорогие деточки, негде. Но наши непременно вернуться! Тогда первым делом они расстреляют меня, как предателя, и тебя – заодно!»

Пока старики собирали мой дорожный самодельный мешок с продуктами, я на листке написала себе школьный табель за будто бы оконченный шестой класс. Молодая учительница подписалась и поставила круглую печать. Затем я побежала к председателю и тот на ходу на обрывке бумаги написал мне справку, подтверждающую, что я целый год была рабочей в колхозе имени К. Ворошилова и заработала более ста трудовней (Круглую печать председателя носил на цепочке на шее в маленьком мешочке). Эти документы вместе со свидетельством о рождении бабушка пришила мне к рубашке у тела. В тяжёлый заплечный мешок с веревочными лямками была положена еда и большая старинная бутылка с водой. При этом дедушка говорил мне: «Не будь жадной. С голодным делись последним сухарём. Господь тебя не оставит!»

День только начинался, когда мы пришли на станцию.

Дорога домой

Станционное помещение и пространство вокруг него было переполнено людьми, которым некуда было деваться. «Литер» не ходил, проходящие поезда не останавливались. В состоянии шока, тоски и тревоги мы с дедушкой провели на перроне весь день. Начало вечереть, закапал дождик. Дедушка сказал: «Иди пешком. Всего-то четыреста вёрст. Сейчас соберём группу. Путь на Москву известен. Раньше я доходил до неё за неделю, и теперь бы пошёл, но сама понимаешь – бабка без меня пропадёт».

Вдруг вдалеке мы увидели товарный состав, извивающийся змейкой, который приближался к станции, заметно сбавляя ход. В одном из его вагонов зиял открытый дверной проём. «Вот в эту дверь ты должна войти, – сказал дедушка. – Там слева, запомни, слева, должны быть поручни, хватайся за них изо всех сил. Я помогу!» Дед сильно волновался. Руки его крупно тряслись. Поезд приближался, продолжая тормозить. На подножке паровоза стоял человек, одной рукой держась за поручень, а другой рукой передавая что-то привязанное к огромному металлическому обручу человеку на перроне и ловя такой же обруч от него. Из центральных вагонов на перрон сбрасывали тяжёлые тюки. Предо мной мелькнул открытый проём. Не помня себя, я за что-то судорожно ухватилась, ноги поволоклись по платформе, но дед, бежавший рядом, мгновенно подхватил их и сильно толкнул меня в вагон. Я упала туда, ушибла руки и колени. Кто-то втянул меня за плечи внутрь.

Вагон был наполнен невидимыми в темноте людьми. Слышался детский плач, рыдания, крики и ругань. Не помню, как я проползла в угол вагона, где стояли большие закрытые бочки, и прыгнула через одну из них, не вписавшись своим круглым боком в угол. Здесь можно было только стоять или спрятаться, присев на корточки, держа рюкзак на коленях. Наверное, я заснула, потому что вдруг очнулась от холода и криков. Вагон стоял. В него входили красноармейцы и, помогая себе прикладами, выгоняли людей вон. Не дожидаясь ударов, я проскользнула к выходу, прыгнула вниз и покатила по высокой насыпи. Заплечный мешок и придорожные кусты затормозили падение. Был тёмный ранний рассвет, шёл дождь. В оцепенении я замерла. Руки и ноги нестерпимо болели, но двигались. Замёрзнув и вымокнув, попластунски (как учили в школе) я заползла под платформу. Движение согрело меня, притаившуюся в небольшой ямке. Над моей головой топало множество людей. Слышались окрики охраны и несколько выстрелов, как я решила, в воздух. Скорее всего, я снова спала, потому что ярким утром вдруг в полной тишине услышала звук приближающегося поезда.

На платформе стояли наши обычные люди и ждали посадки. Я присоединилась к ним и вошла в хорошо мне знакомый пригородный поезд. Он тронулся, и промелькнуло название станции: Косино. Потрясённая, я сидела на лавочке, пачкая её налипшей на мне грязью. Денег не было ни копейки, не было и пропуска для въезда в Москву. Вдруг за окном вдалеке промелькнул знакомый и родной московский трамвайчик. При подъезде к станции я вышла в тамбур и, дождавшись, по моему мнению, тихого хода поезда, по всем правилам, сгруппировавшись, отчаянно прыгнула вперед по его ходу. Удивительно, но и на этот раз я ничего себе не сломала, и даже бабушкина старинная бутылка с водой при всех моих кульбитах не разбилась. Я обмыла лицо и кровоточащие ссадины рук, выпила остатки воды и стала зайцем пробираться из трамвая в трамвай на свою родную улицу.

Дверь в квартиру была не заперта. Бабушка Марфа находилась там одна. Не могу без слёз описать нашу встречу после годовой разлуки. За это время я на деревенских хлебах ещё подросла и окрепла, бабушка же превратилась в скелет, обтянутый кожей, при большом упругом животе, в котором плескалась жидкость. Через десяток лет, став врачом, я поняла, какими тяжкими недугами она тогда страдала. Уход за бабушкой и продукты моего вещевого мешка на какое-то время улучшили ситуацию, но Москва жила на грани голода. По продуктовым карточкам нам гарантированно полагалось по четыреста граммов хлеба в день, остальные продукты на месяц едва ли равнялись моему недавнему деревенскому заработку за два-три дня. Эта тонкая грань голода постоянно становилась всё тоньше.

В конце декабря 1942 года я заболела тяжелейшей ангиной. Мама и тётя, урывками появляющиеся дома, мало чем могли помочь. От высоченной температуры я, наверное, теряла сознание. Мне трудно было дышать. Помню только как тень стоящую у моей постели бабушку и её голос: «Жень, никак ты помираешь? Горе-то какое, Господи! Горе-то какое!..» А мне грезился тот вагон с бочками, бегущая земля внизу, леденящий страх, выстрелы.

Очнулась я, когда неведомая сила, схватив твёрдыми, холодными руками, подняла меня вверх и с непереносимой болью, оторвав голову, бросила под колёса поезда. Однако я не упала на рельсы, а отдалённо знакомый голос приказал: «Плюй в таз, дыши, дыши!» Стало вдруг легко и спокойно. Голова находилась на своём месте. Не было фашистов, только что оторвавших мне голову в гестапо. Голос, велевший мне дышать, принадлежал парню с нашего двора Вольке. Руки его были в крови и крепко держали меня над тазом. Он смеялся и кричал: «Женечка, ты герой! Давай выздоравливай! Мне надо идти!»

До сих пор не понимаю, как удалось бабушке в её абсолютно беспомощном состоянии добраться, доползти до соседней квартиры, где проживала Софья. Эта соседка пользовалась её уважением за свою добросердечность и образование, полученное ещё до революции. В то время соседка была больна, и к ней на сутки с боевых подмосковных позиций приехал младший сын Волька. На моё счастье, он оказался врачом, фронтовым хирургом. Увидев наше отчаянное положение, он своим энергичным вмешательством спас мне жизнь и помог бабушке.

Наутро температура спала; шатаясь от слабости, я смогла встать. На тёмной клеёнке стола лежали три столбика из трёх бумажек, в которые были завернуты порошки. На них значилась надпись: «1-й день», «2-й день», «3-й день». Рядом находилось настоящее чудо – коробочка с конфетами «Клюква в сахаре». Вскоре я смогла ухаживать за бабушкой, хвалившей и хвалившей так хорошо воспитанного Софьей сына: «Мальчик всё бросил, пришёл, печку затопил, пол вымел, операцию сделал и таз вынес!» Слабым голосом она пела молитвы, благодарила Бога за то, что он специально прислал доктора для моего лечения. В то время я вспомнила, что в моём раннем довоенном детстве уже слышала от неё эти слова о прекрасных соседских детях, а также молитвы об их здоровье. Вскоре она умерла.

Помню весёлый, светлый праздник, отмеченный домкомом подарками для нас. Наверное, это был Первомай. Меня нарядили в новое белое, необыкновенное платье, и я тут же пошла во двор – покрасоваться. Но вместо хлеба, поспорив с бабушкой, взяла с собой пакетик с любимой клюквой в сахаре. И вот посреди двора, когда мою обновку рассматривали подружки, из дома выбежал как сумасшедший старшекласник Волька. «Женечка, и я хочу

конфетку!» – закричал он, сжал пакетик и обрызгал моё новое платье клюквой. Все опешили, а я громко заплакала. Волька опомнился, взял меня на руки и принёс к бабушке. Перед ней он долго извинялся, говорил, что Женечка не виновата, а это он, дурак. Вот тут бабушка Марфа и начала твердить в назидание домашним, что только образованные родители могут хорошо и правильно воспитывать детей.

Мы не знаем своего будущего. С того времени прошло несколько лет, и Волька, пройдя сквозь войну, в звании майора вернулся в наш двор и позвал меня замуж.

Однажды, когда мы вспоминали детство, я попросила у него прощения за то, что столько лет не говорила ему «спасибо» за спасение жизни. При этом поинтересовалась, почему в том страшном, холодном и голодном сорок втором он пытался оторвать мне голову. В ответ Волька весело рассмеялся и ответил: «Я счастлив, что оказался рядом. Ты болела тяжёлой флегмонозной ангиной. Два абсцесса (нарыва) в горле пытались соединиться и привести к асфиксии (удушению). Простым скальпелем я вскрыл их без всякой анестезии. Ты удивила меня своим мужеством, а клюкву принёс в знак извинения. Не мог же я забыть твоё белое праздничное платье!»

ПОЭЗИЯ

Айна КЕКИЛОВА

Айна Кекилова – родилась и выросла в Ашхабаде, столице Туркменистана, в семье врачей и филологов. Окончила Туркменский Политехнический Институт. Автор нескольких научных и познавательных статей, опубликованных в Туркменистане, США и онлайн. В 2011 г. получила стипендию Фулбрайт на обучение в магистратуре Университета Небраски в Линкольне. В 2013 г. получила степень Магистра в области Природоохранного Инжиниринга (Environmental Engineering). Прозу начала писать в виде писем маме и друзьям о жизни в Америке. Автор перевода документов ОБСЕ на русский язык: Руководство ОБСЕ по Вопросам Безопасности Журналистов (2014) и Пропанганда и Свобода Средств Массовой Информации (2016). Живёт в Шайенне (США).

«По кругу нас планета вертит...»

Ты вязала варежки шерстяные
Для того незнакомого парня,
Что под пули бежал проливные –
Не боясь, на «ура!», за Сталина.

Ты сдавала свои серёжки,
И колечко одно, заветное,
Чтобы пулями золотыми
Он стрелял по врагу, наверное.

Ты кисет набивала махоркою,
Чтобы он на коротком привале
Вспоминал о своей девчонке –
Той, что вяжет носки ночами...

Для того незнакомого парня,
Что под пули, под танки, в разведку...
За тебя, за семью, за Родину,
За Маринку, Полинку и Светку...

Всех девчонок, что письмами нежными
Помогали ковать Победу...
Вы смогли, наши бабушки, дедушки,
Вам поклон до земли за это!!!

Памяти любимца публики Алексея Баталова

Простился с публикой актёр,
Откланялся и удалился.
В мир светлый, чистый и иной
Душой невинной обратился...

Их стало меньше на земле
Среди обычных, смертных, грешных.
Но где-то там на небесах
В высотах безмятежно-вечных,

Одной Душою стало больше...

Памяти деда –
народного писателя Туркменистана
Амана Кекилова

Спасибо Вам, кто помнит,
Спасибо Вам, кто знает.
Спасибо, что храните
Вы в памяти своей.
Истории и судьбы,
Известных и не очень,
Но очень-очень важных
Для общества людей!

Маме!

Это было написано
к одному из юбилеев моей мамочки.
Как будто недавно писала,
а теперь я сама бабушка!
Боже, как время летит...

Ну вот, уже пробило пять,
И внуки бабушкой зовут.
Летят года – не сосчитать
Пять лет, десятков иль минут.

Мгновенья жизни вспоминая,
Быть может, пожалеешь ты,
Что жизнь короткая такая:
Украдкой встречи и цветы,
Замужество, пелёнки, дети,
Работа – дом...

И так всегда.
По кругу нас планета вертит
И постоянно суета...

А между строк, без суеты,
Ты – Женщина!
Ты королева красоты.
Ты – Женщина!
Неважно сколько тебе лет,
Ты – Женщина!
Пусть каждый год
Парад планет
В честь Женщины!!!

Племяшке, когда ей исполнилось 20...

Двадцать лет!
Вот это да!
Выросла девчонка.
Вроде школьницей была,
А теперь-то, вон как!

Жениха пора искать, –
Говорят соседи,
Но не хочется пока
Вольной птичке в клетку.

Двадцать лет!
Какой кошмар!
Я уже старею.
Вот и август в этот раз
Наступил быстрее.

Двадцать лет!
Какое счастье!
Жизнь вся впереди.
Будет свадебное платье
И весенние дожди.

Будут радость и веселье,
Ты не торопись.
Двадцать лет!
Какая малость –
Впереди вся жизнь!

Национальная оборона

Возрождение армии: от унижения – к высокому престижу

Общеизвестно, что распад СССР, экономические и социальные потрясения 90-х годов больно ударили по всем государственным институтам. Но, пожалуй, особенно тяжёлые испытания выпали на долю российской армии.

Боевая подготовка была практически свёрнута. Весьма типичной стала ситуация, когда за два года службы солдата лишь один-два раза вывозили на полигон для обучения стрельбе из автомата, выдавая при этом по 5 холостых и по 5 боевых патронов. К этому, собственно говоря, и сводилась для него вся боевая подготовка. Многие военнослужащие, имевшие, по документам, важные и сложные военные специальности, признавались, что эти специальности – «липовые», то есть на самом деле они понятия не имеют о том, каковы их обязанности в случае начала войны или на учении. Начиная с 1992 года, резкое сокращение поставок в армию горючего, боеприпасов, запчастей и иной комплектации буквально парализовало всю систему боевой подготовки.

Части «первого стратегического эшелона» из Восточной Европы поспешно выводились в «чистое поле». И так как не было средств на их обустройство, на строительство военных городков, полигонов и жилья, именно эти, наиболее боеспособные, максимально укомплектованные соединения шли «под нож». Добавим, что значительное количество передовой военной техники осталось в пограничных округах – Белорусском, Киевском...

Российские офицеры месяцами не получали денежного довольствия. Зачастую возникали проблемы даже с питанием личного состава. Военнослужащие увольнялись десятками тысяч. Число генералов, полковников, подполковников и майоров превышало количество капитанов и

Александр Геннадьевич Губанов – журналист, поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1960 г. в Москве, в 1982 г. окончил ф-т журналистики МГУ. Начинал корреспондентом газет Московского военного округа, работал корреспондентом и обозревателем газет «Труд», «Гудок». В газете администрации президента «Российские вести» возглавлял отдел гуманитарных проблем. Руководил электронным журналом «Территория жизни», общественно-политическим журналом «Гражданинъ». Был заместителем главного редактора журнала «Московские инвестиции», ответственным секретарем газеты российского белорусского Парламентского Собрания «Союзное вече». Стихи и новеллы печатал в сборниках, периодической печати.

Живёт в Москве.

лейтенантов. Оборонные предприятия простаивали, погружались в долги и теряли ценнейших, «штучных» специалистов.

При этом даже то «военное наследство», которое оказалось у России, содержать для страны оказалось не по силам. Дефицит бюджета требовал постоянного сокращения военных расходов, инфляция сводила на нет запланированные ассигнования.

Динамика сокращения Вооружённых Сил России выглядит следующим образом:

1984 г. – 5,3 млн. человек;
1990 г. – 3,76 млн. человек;
1999 г. – 1,2 млн. человек;
2004 г. – 1,1 млн. человек.

Совокупная оборонная мощь страны (исключая ядерные силы) в 1990-е годы упала в 4-6 раз по сравнению с СССР. Резко снизились боеготовность и боеспособность войск. К 1998 году в Вооружённых Силах не было частей, кроме Средств ядерного сдерживания и Воздушно-десантных войск, готовых к немедленному выполнению боевых задач.

Кроме того, по Вооружённым Силам был нанесён разрушительный информационный удар. Немало политиков и журналистов делало всё для того, чтобы побольше унижить армию, оскорбить всё то, что связано с такими понятиями, как Присяга, Долг, Служба Отечеству, Патриотизм, Ратная история России.

За ошибки, допущенные при многочисленных и непоследовательных армейских реформах, за которыми часто ничего не стояло, кроме механического сокращения, пришлось заплатить очень дорогую цену.

Когда в 1999 году банды международных террористов развязали агрессию против России, возникла трагическая ситуация. 66-тысячную группировку пришлось буквально собирать «по частям» – из сводных батальонов и отдельных отрядов. Штатная численность Вооружённых Сил не превышала 1,2 млн. человек. А укомплектованных частей, способных без дополнительной подготовки приступить к выполнению задач, практически не было.

И всё же на наиболее опасных виражах того времени армия выполняла свои задачи. Как отметил в 2012 году Президент России Владимир Путин в статье «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России», «Выполнили свой долг наши офицеры, сержанты, солдаты – граждане, для которых Присяга Родине значила больше, чем жизнь, собственное здоровье и благополучие. И, главное, в государстве, в обществе наконец вернулось понимание простой истины – Вооружёнными Силами надо дорожить. Их надо укреплять, иначе “придётся кормить чужую армию” или вовсе оказаться в рабстве у бандитов и международных террористов».

После чеченских событий самодостаточная группировка российской армии в августе 2008 года провела успешную операцию по принуждению Грузии к миру, защитила народы Южной Осетии и Абхазии. Однако и этот временной отрезок красноречиво свидетельствовал о никуда не девшихся недостатках и бедах российских Вооружённых Сил – техника часто выходила из строя, солдаты были плохо экипированы, а нередко и недостаточно накормлены.

Опыт всех предыдущих лет доказывал, что потенциал развития прежней военной структуры, доставшейся нам от СССР, полностью исчерпан. Выход был только один – строить Новую Армию. Армию современного типа – мобильную, находящуюся в состоянии постоянной боевой готовности.

Реформа, начатая в 2008 году, стала самой крупной в Российской армии за всю постсоветскую историю. Была принята беспрецедентная по объёмам программа перевооружения армии до 2020 года. Также в целях реализации стоящих перед Вооружёнными Силами России задач Министерство обороны совместно с федеральными органами исполнительной власти разработали план обороны на 2016–2020 годы, который был утверждён Президентом страны в ноябре 2015 года. Он учитывает все вызовы и угрозы в военной сфере, предусматривает обеспечение обороны государства по всем прогнозируемым вариантам возникновения военных конфликтов с участием Российской Федерации.

Каково же состояние нашей армии в настоящее время?

Наращивание её мощи – это прежде всего ответ на вызовы времени, обострение военно-политической обстановки в мире, особенно в Европе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Наблюдается последовательное расширение блока НАТО. За относительно короткое время он вырос почти в два раза, пополнившись двенадцатью новыми членами. Активно готовятся к вступлению в блок Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Грузия, Украина. В сферу интересов Альянса вовлекаются Финляндия, Швеция, Сербия и Молдавия.

Только за 2015 год в странах Балтии, Польши и Румынии натовский контингент увеличился по самолётам в восемь раз, а по количеству военнослужащих – в 13 раз. На их территории дополнительно переброшены до 300 танков и БМП, развёртываются комплексы противоракетной обороны «Иджис Эшор» в Румынии и Польше.

На территориях Бельгии, Италии, Нидерландов, ФРГ и Турции сосредоточено около 200 американских ядерных авиабомб, предусматривается их обновление. В различных степенях готовности содержатся 310 самолётов-носителей.

Парламент Японии изменил статус сил самообороны и предоставил им право действовать за пределами государства.

Расширяются зоны влияния «Исламского государства». Это – Сирия, Ирак, существует угроза переноса действий боевиков в Центральную Азию и на Кавказ.

Понятно, что в сложившихся условиях Вооружённые Силы России должны обладать необходимым потенциалом для защиты суверенитета страны.

В этой связи продолжается наращивание качественного состояния Вооружённых Сил. Укомплектованность личным составом доведена до 92 процентов, при этом доля военнослужащих по контракту за прошлый год выросла почти на 10 процентов и составляет 352 тысячи человек. Впервые количество контрактников превысило численность призывников. В нынешнем году количество военнослужащих по контракту должно ещё более увеличиться.

Стратегические ядерные силы поддерживаются на уровне, позволяющем гарантированно решать задачи ядерного сдерживания. В Ракетных войсках стратегического назначения более 95 процентов пусковых установок содержится в постоянной готовности к боевому применению. На боевом дежурстве находятся шесть ракетных полков, оснащённых комплексами «Ярс» стационарного и подвижного базирования. Доля современного вооружения в наземных стратегических ядерных силах составляет 51%. Авиационные стратегические ядерные силы в 2015 году

пополнились десятью модернизированными самолётами, из них два Ту-160, три Ту-95МС и пять Ту-22М3.

Усилилась боевая мощь морских стратегических ядерных сил. В состав постоянной готовности введены два ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Александр Невский» и «Владимир Мономах». Оснащённость морских стратегических ядерных сил современными образцами вооружения составляет 56 процентов. Всего в Вооружённые Силы за последнее время поставлено 35 новых баллистических ракет, что позволило добиться 55-процентного уровня оснащения ядерной триады современного вооружения.

На новый качественный уровень выведены силы общего назначения. В Сухопутных войсках сформировано восемь бригад различного назначения, в войска поставлено два бригадных комплекта ракетных комплексов «Искандер-М», 1772 танка и других бронированных машин, 148 ракетно-артиллерийских систем, 2292 автомобиля различного назначения. В результате уровень оснащённости современными вооружениями Сухопутных войск составил 35 процентов.

1 августа 2015 года на базе ВВС и войск ВКО завершено создание нового вида Вооружённых Сил – Воздушно-космических сил. Проведены необходимые структурные преобразования. Все силы и средства этого вида Вооружённых Сил сосредоточены в едином контуре управления для решения задач в воздушно-космической сфере.

В рамках государственного оборонного заказа 2015 года получены 243 современных летательных аппарата, 90 зенитно-ракетных систем и комплексов, 208 радиолокационных систем. Это дало возможность довести долю современного вооружения до 52 процентов.

Выполнен первый этап создания единой космической системы. Введён в действие её западный модернизированный командный пункт и осуществлена подготовка наземных средств космодрома «Плесецк».

Существенный скачок сделан в области развития беспилотной авиации. Опыт выполнения боевых задач в Сирии показал, что они незаменимы в ходе боевых действий. Если в 2011 году в Вооружённых Силах было только 180 систем, то сейчас мы имеем 1720 современных беспилотных летательных аппаратов.

Поставка двух многоцелевых подводных лодок и восьми надводных кораблей позволили сохранить темпы наращивания боевого потенциала Военно-морских сил и поднять долю современных кораблей до 39 процентов.

Расширены возможности Воздушно-десантных войск по десантированию за счёт поставок четырёх тысяч новых парашютных систем. При стопроцентной оснащённости соединений воинских частей ВДВ вооружением количество современных образцов доведено до 41 процента.

Успешно справляется с заданиями государственный оборонный заказ. В результате оснащённость Вооружённых Сил современным вооружением и военной техникой доведена до 47 процентов, а исправность – до 89 процентов. Таким образом, задача по выходу в 2015 году на 30-процентный уровень оснащённости современными образцами была выполнена.

Значительно повышены возможности Национального центра управления обороной Российской Федерации. Суммарная вычислительная мощность суперкомпьютера, установленного в центре, в несколько раз превосходит аналогичные устройства в вооружённых силах иностранных государств.

Завершено развёртывание распределённой сети защищённой видеоконференц-связи, продолжено создание программно-аппаратных комплексов национального и региональных центров. Эти меры дали возможность повысить качество и устойчивость управления, а также более оперативно реагировать на изменения военно-политической обстановки. Новое развитие получила техническая основа системы управления.

В специальной операции в Сирии приняли участие дальняя оперативно-тактическая и армейская авиация, корабли, подводные лодки нескольких флотов. Впервые были нанесены массированные удары высокоточными крылатыми ракетами воздушного и морского базирования на дальность до полутора тысяч километров. Всего боевая авиация совершила около четырёх тысяч боевых вылетов и уничтожила свыше восьми тысяч объектов военной инфраструктуры террористов. В результате бандформированиям ИГИЛ нанесён существенный ущерб.

Показательно, что это не могут не признать даже наши недоброжелатели. Хотя США публично критиковали и критикуют операции Москвы в Сирии, данные американских аналитических центров показывают, что российские ВС действуют высокопрофессионально и точно.

НАТО направила в Сирию гораздо больше самолётов, чем Москва, однако, российская операция показала гораздо более высокий результат благодаря превосходным навыкам пилотов и мощности боевой техники, признавал немецкий журнал Focus со ссылкой на секретный аналитический доклад альянса. Один факт из документа: «40 российских истребителей, дислоцированных в Латакии, совершают до 75 вылетов в сутки, каждый раз нанося “точные и эффективные удары” по позициям ИГ. При этом силы НАТО, насчитывающие в общей сложности 180 боевых самолётов, уничтожали ежедневно всего 20 целей». В Сирии «работали» четыре самолёта Су-35, которые, согласно оценкам экспертов, превосходят большинство самолётов западного производства.

Стоит подчеркнуть, что успешным действиям в Сирии предшествовала напряжённая боевая учёба. Внезапные комплексные проверки боевой готовности, проводимые с 2013 года, внесли весомый вклад в подготовку личного состава к боевым действиям.

Ежегодно осуществляется в среднем по пять таких проверок, которыми охватываются полностью все Вооружённые Силы. Как результат, командиры и штабы в любом военном округе и роде войск способны к перегруппировке на большие расстояния и выполнению задач на незнакомой местности.

С учётом объёмов и темпов перевооружения армии совершенствуется система военного образования. Окончательно сформирован облик сети высших военно-учебных заведений Министерства обороны. В него включены 26 вузов и 8 филиалов. С этого года приступили к формированию так называемого электронного вуза, для чего создаётся сервис обмена информацией между учебными заведениями Министерства обороны. Реализован пилотный проект электронной библиотеки и утверждены единые стандарты электронных учебников, обучение по ним началось с 1 сентября 2016 года.

Проведённая работа по повышению престижа военной службы и поднятию патриотизма значительно увеличила количество желающих стать профессиональными военными. Конкурс в вузы Министерства обороны, включая командные, достиг девяти человек на место. В Министерстве обороны

созданы условия службы, обеспечивающие развитие способностей призывников. С этой целью сформированы 12 научных рот, где проходят службу выпускники 42 вузов. Выполняя поручение Президента Российской Федерации, приступили к формированию научно-производственных рот. Увеличивается количество довузовских учебных заведений, открыто Пермское суворовское военное училище. Начал работу круглогодичный спортивно-оздоровительный лагерь Севастопольского президентского кадетского училища, в котором ежегодно будут укреплять здоровье 850 воспитанников и других довузовских учебных заведений Министерства обороны.

Приоритетным направлением стало решение вопросов социальной защищённости военнослужащих. Впервые удалось выйти на системное и плановое обеспечение военнослужащих постоянным жильём. Этого удалось добиться в том числе переходом на новый порядок решения жилищного вопроса, предоставлением военнослужащим субсидий для приобретения или строительства жилья. Практически решена проблема обеспечения служебным жильём. Служебные квартиры в прошлом году получили 27 тысяч человек. Эффективной мерой, позволившей в семь раз сократить количество нуждающихся в служебном жилье, явилось повышение размера денежной компенсации за наём жилых помещений. Продолжается развитие накопительно-ипотечной системы. За последние четыре года численность её участников увеличилась более чем на 55 процентов и составляет свыше 156 тысяч военнослужащих, из которых около 50 тысяч уже приобрели жилые помещения.

Таким образом созданы все условия, при которых Вооружённые Силы боевым составом мирного времени гарантированно обеспечат защиту суверенитета России. Наша армия преодолела трудный патриотический путь: от унижения – к ее высокому престижу.

ПОЭЗИЯ

Инна ЯСКЕВИЧ

Инна Авдеевна Яскевич – по образованию инженер. Возглавляет Издательский дом «Литейное производство», выпускающий журналы: «Литейное производство», «Металлургия машиностроения», «Библиотека литейщика».

Живёт в Москве.

«Но всё больше кругом – чужие...»

У меня нет иного оружия
Кроме этих моих стихов.
Я пишу их в месяц по дюжине,
Извлекая слова из оков,

Из оков косноязычия,
Где они дремали, забытые,
Или думала – неприлично
Говорить на темы избитые.

Я не верила в магию слов
И считала – важны лишь поступки.
Жизнь меня убедила в обратном –
Всё работает, даже шутки,

Даже слово, случайно сказанное,
Даже взгляд, мимолётно брошенный.
Мысль работает, если связана
С очень важным, пусть даже в прошлом.

В нашей жизни главное – эмоции.
Запрещённые уходят в подсознание
И оттуда появляются внезапно,
Иногда обрушивая здание,

Зданье нашей жизни комфортабельной,
 Что стояло на песках зыбучих –
 А ведь то паршивая эмоция,
 Всё искала подходящий случай.

Будьте крайне осторожны с чувствами.
 Ничего важнее нет на свете.
 А как долго помнятся обиды,
 Вы спросите – вам ответят дети.

Мне так нравится жить в виртуальном мире –
 Сочинять стихи и мечтать о рыцаре.
 И неважно, что жизнь почти уже прожита.
 Я уверена – дух наш бессмертен, в принципе.

Потому-то душой занята всё более,
 И всё меньше пекусь о земных утехах.
 Что такое карьера? Мечта честолюбца.
 Неужели жизнь – чтоб добиться успеха?

В чём успеха? В делах иль сердечных стремлениях,
 Накоплении денег, души пробуждении?
 То, что мы существуем, уже – удача,
 Чьих-то генов случайное совпадение.

Вот и надо – себя передать в эстафете,
 Приумножить богатство. Чего? Ну, конечно, духа.
 И не верьте, что жизни смысл – в наслаждениях.
 Это дьявол опять распускает слухи.

Мне нравятся старушки с маникюром,
 Ну а ещё – кто в кольцах и браслетах.
 И пусть у них оплывшие фигуры,
 Они – предмет восторга для эстетов.

Как символ жизнелюбия являются
 Старушки эти в транспорт и на улицы.
 И рюшечки, и розовые платяица
 Никем и никогда в них не осудятся.

Всё потому, что многие хотели бы
 Вот так пожить на склоне лет стремительных.
 Но как же сохранить их лучезарность
 И женственность, столь восхитительную?

Одиночество – спутник зрелости,
 Даже, если и есть кто рядом.
 Потому, что всё больше думаешь.
 Потому, что достаточно взгляда,

Чтобы суть ухватить. А общение?
 Если с близкими – то отрада.
 Но всё больше кругом – чужие.
 А родные? Увы, нет их рядом.

Все – в делах, суете и заботах.
 Ведь теперь заработать – главное!
 Чтоб потом безудержно тратить.
 А на что? Всё равно. Вот забавно!

Потребительство ритм диктует –
 Больше, лучше и помоднее.
 Раньше жили куда интересней,
 Несмотря на то, что беднее.

Выбирали друзей по духу,
 По родству интересов и взглядов.
 Чтобы было, о чём поспорить.
 Мало, кто кичился нарядами.

А сейчас по одежке встречают
 И прикидывают, сколько стоит.
 С этой мыслью и провожают.
 Поменяла страна героев!

Телевизор на ту же тему,
 Как одеться, какая квартира?
 Ну а что в голове у народа?
 Мысли лучше спустить в сортире.

Для того, чтобы не мешали
 Потреблять, что тебе предлагают.
 Так когда-то империи целые
 От безумия погибали.

Show-woman рвётся в Президенты.
 Кое-кто вздохнёт: «Не углядели».
 Мы об Украине всё хлопочем,
 А у нас – такие же качели.

В «Доме 2» воспитанная поросль
Пышно расцветает на помойках.
Их девиз – гуляй и развлекайся,
Ну, а мы всё – об учёбе да о стройках.

Как прекрасны закаты зимой,
Когда холодны краски и серы.
Вдруг малиной зальёт небосвод,
Или, может быть, вишней спелой.

А внизу – полоска лазури,
Словно морем плеснуло ввысь.
И опять потом мрачно и хмуро,
Это краскам крикнули: «Брысь!»

И на небе, как и повсюду,
Только серое, скучное, грязное.
Ну, а я подожду всё же утра,
Чтоб увидеть опять краски разные.

Я ненавижу холода...
Наверно, есть в роду южане.
Проблема – сохранять энергию,
Когда находишься в блуждании,

Блужданы среди звёзд,
блужданы среди людей,
Когда не знаешь,
с кем «пойти в разведку»,
А также в поиске приемлемых идей,
Когда все прежние
дискредитированы предками.

Что ждёт нас впереди –
порядок или хаос?
И в чём найдут опору наши внуки?
То будут развлечения и наркотики,
А может быть, искусство и науки?

И что нам делать, как нам им помочь –
Не отвратить от собственного опыта?
С кого им брать пример, что станет эталоном –
Крепчающий Восток иль нежная Европа?

ПРОЗА

Михаил ЛАПШИН

О деликатности

Всё-таки что ни говорите, а в современной жизни мало деликатности. Ну, сказать, что её нет совсем, было бы неправильно. Но её мало. Взять хотя бы недавний, совершенно свежий случай. Решили вы раненько поутру проехаться на работу на трамвае, в Энском городе от улицы 26-ти бакинских комиссаров до 6-ой улицы Восьмого марта, которая является её естественным продолжением и плавно переходит в 11-ую Парковую улицу.

Собственно, это расстояние можно пройти и пешком в качестве утреннего променада, но тогда придётся выходить из дома очень рано. В этом случае вы станете свидетелем ещё спящего города, с тёмными окнами, как во время войны, не к ночи, как говорится, будь она помянута. Вот почему, цenia своё время утреннего сна, когда к вам приходят самые сладкие сновиденья, вы и решили ехать на службу на трамвае. Вам кажется, что вы точно рассчитали время своего маршрута. Увы! Оказывается, что вы такой расчётчик не один.

На остановке в это раннее утро собирается приличная толпа, ну не в смысле деликатности, а в смысле размера. Образовывается слабо контролируемая очередь, готовая в любую минуту броситься на штурм трамвая, как на штурм Измаила во времена «Очакова и покоренья Крыма». Кстати, все недруги, пытавшиеся захватить и победить нашу Родину, жестоко ошибались, не учитывая эту нашу национальную особенность, тем более что мы и с жертвами никогда не считаемся.

Но тут надо сказать, что у вагоновожатых своё представление о том, когда им выходить на маршрут, а когда можно сгонять несколько партеек в домино в трамвайном парке. Это очень хорошо видно по графику движения: то их нет целых полчаса, а то приезжают вчетвером, как на привязи. И тогда начинается знаменитый штурм первого вагона.

Напрасны увещевания и объявления водителя о том, что на подходе ещё три состава; каждый уважающий себя участник очереди считает, что

Михаил Иванович Лапшин – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России и Академии российской литературы, «Почётный поэт Подмосковья». Родился в г. Уссурийске в семье военнослужащего. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Кандидат эк. наук, академик МАИ, награждён Почётным знаком «Ветеран войны и военной службы». Активно печатается в прессе, в альманахах: «Московский Парнас», «Невский альманах», «Писатель XXI век», сборниках «Антология современной лирики», «Альманах «Мужи и Музы», участник нескольких ЛИТО. Автор 4-х сборников стихов. Книга «Мир вокруг нас» была признана Союзом писателей России «Лучшей книгой года» за 2014-2016 гг. Регулярно печатает острые публицистические работы в газете «Диалог. Слово-Дело».

Живёт в Одинцове.

если он не попадёт в первый вагон этого трамвая, то он самый несчастный человек на свете, от которого даже всех любящий Всевышний отвергает свой лик, и нечего надеяться в оставшейся жизни ни на что хорошее. А иначе чем объяснить, что штурмующие трамвай готовы даже висеть на подножках мчащегося вагона с риском, как в русской рулетке, сорваться на полном ходу и ехать уже совсем в другую сторону, но уже в карете скорой помощи...

Ничто не останавливает эту человеческую лавину, стремящуюся попасть внутрь тёплого вагона, даже тех, кто собирается выйти на следующей остановке: ни постоянные тычки локтями в ваши ещё не до конца проснувшиеся очи, отчего вы рискуете приехать на работу с фингалом под глазом, закрывающим почти половину лица, ни отдавленные ноги, особенно если вам повезёт на дамские шпильки, отчего после того, как вы наконец покинете внутренность вагона и сойдёте-таки на нужной остановке, ваша походка будет напоминать перемещение углового судёнышка во время девятибалльного шторма.

Как тут не вспомнить героиню замечательного анекдота, похожего на реальной случай, приключившийся в том же славном Энске? Помните, заботливую старушенцию, с боем протиснувшуюся в вагон и предупредившую мужскую часть пассажиров: «Милки, берегите яйца!». На резонный, хотя почти риторический вопрос мужчин, в своём ли она уме едет в тесном вагоне с яйцами, бабка быстро ответила, что она едет к дочери и везёт вязальные спицы.

Ничто так не пугает мужчину, как угроза лишиться своего достоинства, особенно мужского. С угрозой для жизни бабка была выдворена из трамвая. То есть бабка ещё легко отделалась. А ведь могло дело кончиться русским самосудом или американским судом Линча.

Но как бы то ни было, вы всё-таки едете, и в предвидении вашей скорой остановки, вы так деликатно спрашиваете стоящих перед вами, не пропустят ли они вас к выходу? Кончается ваше продвижение всего лишь одной оторванной пуговицей и надорванной полой плаща или недавно сшитого по фигуре знакомым портным пальто.

Дорогу от остановки трамвая до места службы в офисе или в конторе вы идёте, одной рукой прикрывая утраченную пуговицу, а другой придерживаете висящую на честном слове полу плаща. Горькое сожаление о пуговице и надорванной полой займёт добрую половину вашего рабочего дня, так что вам будет, чем занять тонко чувствующую голову о скоротечности и переменчивости жизни, в которой рядом ходит счастье и беда.

ПОЭЗИЯ

Алина СЕРЁГИНА

Алина Серёгина – родилась в подмосковном посёлке Томилино. Автор поэтических сборников «Право на тебя» (2010), «Рифмы до востребования» (2013), «Нечайные строчки» (2017) и др. Работает актрисой в театре кукол «Радуга». Ведёт активную концертную деятельность (творческий дуэт «Остров» с Сергеем Леонтьевым).

Живёт в Томилине.

«Крепость моя, я тебя храню...»

Маленький наш февраль

Вот это – я, а вот это – ты.
Я не прописываю черты,
Поскольку ясно и без того,
Кого я нарисовала нынче.
И, нянча маленький наш февраль,
Я не прописываю мораль,
И страшно радуюсь за него,
Что он не нуден и не волынчат,

Что он не праведен, как монах,
Но свят, как мальчик в живых стенах
Большого женского живота,
Который женщине непривычен.
Она тихонько его несёт,
Плывёт сомом, а не карасём,
Она наполнена, обжита,
Сторожка к крабикам и чавычам.

Под свет дрожащего фитиля
Пою над люлькой февраля,
Но колыбельную для него
Я не прописываю по нотам.
Заполнив все из возможных ниш,
Восьмою нотой ты звенишь,
Оберегающий веково
Меня, склонённую над блокнотом.

Крепость моя

Господи, падает с неба снег –
Крупный и северный ледовитый...
Как уберечь тебя, человек,
Цепким плющом моих рук обвитый?

Укоренюсь (не угомонюсь!) –
Видишь ли это в моём лице сам?
Крепость моя, я в тебе хранюсь,
Как заколдованная принцесса,

Крепость моя, я тебя храню,
Хоть мелковата и желторота...
Не допускай никого к огню,
Не выпускай меня за ворота,

И расставания не пророчь!
Если, с побойных придя ледовиц,
Рыцари станут стучаться – прочь!, –
Я не желаю таких чудовищ!

Помню: за стенами ветер злющ,
Там ни синички, ни соловейки...
Я прорастаю в тебя, как плющ,
Чтобы остаться с тобой навеки.

Классики

Летим, летим двумя былинками,
Не чая оставлять следы –
Мы рождены не для великого,
Мы рождены для ерунды:

Пить медовуху во Владимире
Да вина сладкие в Крыму,
И делаться необходимее
Друг другу – больше никому.

Когда ты с той, не мыслишь: «С тою ли?»
Тебе беспечно и пестро...
Чего бы мы с тобою стоили,
Не целовавшись по метро,

Рисую сказочки лубочные
Непережитой шелухи?
Стихи – явление побочное,
Первопричина не стихи,

А все перипетии сердцыны
Да брошенный под ноги путь –
Пусть новоявленные герцены
Найдут подтекст какой-нибудь,

Но стих – он выдохнут, не высечен,
Он – то, что в голову взбрело,
И я вам заявляю в тысячный:
Поэзия не ремесло,

Она ромашково-осокова,
Растёт, где попадя, опять,
Мы рождены не для высокого,
А так, для метр-семест-пять,

Вся жизнь расчерчена, как классики,
Любовь подписана в печать,
И если мы пробьёмся в классики –
Поедем в Питер отмечать.

Иуда

Он злится: «Я не подобен крысе!»
И жалко жмётся в своей щели.
С его души доскребают рыси
Всё то, что кошки не доскребли.
И, чтоб не вылось болотной выпью,
Да не тянуло в петлю залезть,
Он очень крепко сегодня выпьет,
Поскольку деньги на это есть –
Не то, чтоб много, но всё же – тридцать,
И всё же – чистого серебра...
По влажной стенке скользнёт мокрица,
И сердце стукнет из-под ребра...

Ты не злорадствуй, и я не буду –
Давай смеяться, давай шутить!
Наш личный выбор – простить Иуду,
Но так ли просто его простить?
Он дышит часто, он смотрит щеньи,
(Уж лучше б – косо, уж лучше б – зло!)
Он искушает нас не-проценьем,
И нам от этого тяжело.
Чего же стоят мои сонеты,
И где же сила моей строки,
Раз он читал их – и взял монеты
Из предложившей ему руки?

Я и любима, и отогрета,
А он – изгнанник для всех светил,
Но грешны равно – и тот, кто предал,
И тот, кто этого не простил.
И, вновь вбивая в гордыню сваю, –
Нет, не сочти это слабиной! –
Я через силу ему киваю
И поворачиваюсь спиной.

Тьмака¹

Всё знают трое: я сама,
Да ты, да сплетница-бумага:
Как на двоих ночная тьма
И на двоих ночная Тьмака,
На небесах переучёт,
Луна сбежала в самоволку,
А Тьмака всё течёт, течёт,
И где-то там впадает в Волгу;
Я не гадаю: нечет? чёт?
Ведь наша лодочка не утла!
А тьма течёт, течёт, течёт,
И где-то там впадает в утро;
И есть смешное волшебство
В созвучьи света, тьмы и Тьмаки,
И всё... И больше ничего
Не скажем сплетнице-бумаге.

Этот дождь

Этот дождь совсем с головой не дружен –
Все дворы избегал, веретено!
Ты сперва стараешься не по лужам,
А потом становится всё равно.

Глянь, не горизонт уже – горизонтик! –
Вон как низко пал! Ты фырчишь, как ёж.
В рюкзаке, конечно, пригрелся зонтик –
Ты его, конечно, не достаёшь.

Ходят леди, кислые, как лимоны,
Тычут в лужи острые каблукы...
И, признаться, крайне бесцеремонно
Дождь залез погреться в твои носки.

¹ Тьмака – река в Твери

Из-за сумасшедшего баламута
Хоть ботинки новые покупай!
Но тебе он нравится почему-то,
Этот мелкий пляшущий шалопаи...

Пусть тебе приснится лакей в ливрее,
И карета-тыква, и стук подков...
Ночью дождь, согретый на батарее,
Убежит на улицу без носков –

Ну чего поделаешь с ним, ершистым?
Пусть идёт по улицам и лугам...
Скоро белым быть ему и пушистым,
И светло ложиться к твоим ногам.

Рязань

Мне, которой век безбоговый
Диктовал, что Бог суров,
Белоручке лежебоковой,
В жизни не коловшей дров, –
Не тебе, мол, ткать да в горнице!
Парижань да пармезань! –
Мне, бунтовке-непокорнице
Открывается Рязань –
Голубая, голубиная,
Тихая не городски,
И откуда-то любимая,
И родная до тоски.
Хоть не выходила в сени я
И не видела жнивья,
Чую, Русь моя есенняя,
Что исконно я твоя,
Что твоей пишу я силою,
Что во мне ты корнево –
Оттого, наверно, милая,
Мне знакомо ведовство,
Оттого не инородна я
Там, где светится душа,
Там, где облако дородное
Проплывает не спеша,
Ходят люди невеликие
От рабочих до кутил...
Там, где вера – не религия.
Там, где Боженька простил.

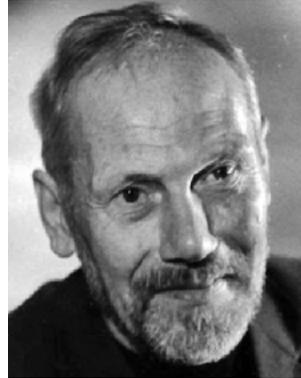

ПОЭЗИЯ

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2012-2014» за поэтический сборник «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Виктор КАШКИН

«С послеперестроечной “весны”...»

В довоенной женщина панаме,
В пыльнике, пожалуй, тех же лет,
С фронтовыми явно орденами
Милостыню просит на обед.

На Кузнецком. Банк Москвы тут рядом,
Но банкирам как-то недосуг
Удивляться бабкиным наградам.
Бог подаст. Он попрошайкам друг.

У церковной стала бы ограды.
Там среди прихожан есть они,
Те, кому советские награды
Горьким биографиям сродни.

Здесь в Москве Москва слезам не верит,
Здесь лакей в ливрее мечет банк,
Отворяя при отеле двери
Для валютных с дамами собак.

Ныне русский русским же оболган.
Не найти другой такой страны,
Где мелеет без присмотра Волга
С послеперестроечной «весны».

Где бы воры по закону были,
В козырных, кого ни расспроси...
Мало что ли бабы в голос были
На святой родной моей Руси?

ВИКТОР КАШКИН

Дам отступного голове,
Заброшу книжки об Афоне
И буду шляться по Москве,
Пока меня не «просифонит».

На угол Пушкинской пойду,
Здесь на Охотном ветер туже,
Как будто мерить лужи
Улиц себе поближе не найду.

В толпе московских прихожан
Меня смутят «крутые» лица.
Как мало добрых горожан
На улицах твоих, столица.

С Лубянской площади в метро
На Хуторскую в церковь еду,
Чтоб, вывернув своё нутро,
С духовником вести беседу.

А после снова прокручу
Мои московские маршруты,
Пока себя не «простучу»
До самой подленькой минуты.

Пока ещё надежда мне
По Божьей милости даётся,
Что и душа моя спасётся,
Прильнув к иконе на стене.

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался Тебе
Не жалеть о рублях, что на площади
Возле церкви дарил голытьбе.

Научи покаянию, Господи.
Разве это у храма не я
Бил поклонь украдкой на площади,
Чтоб меня не чурались друзья?

Научи покаянию, Господи.
Не стеснялся ль родного двора?
Не дружил ли с манерами площади,
Благородству поверив вора?

Научи покаянию, Господи.
Страх, с которым не ведал, как быть,
Когда видел, как женщину с площади
Жадно били, смогу ли забыть?

Научи покаянию, Господи.
Претерпел ли не Ты на Кресте,
Чтобы нищенку ту, что на площади,
Полюбил как сестру во Христе?

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался зайти
На всенощницу, в церковь на площади,
Что была у меня на пути.

На вахте задремав, луна
С утра смущает пешехода,
На синей деке небосвода
Вибрирует, как бас-струна,
След самолёта, что посмел
Скитаться светлячком по свету.
Не сам Всевышний ли, взяв мел,
Добавил штрих к автопортрету?
На всём Всевышнего рука:
В траве вот серьги земляники,
Вот брачный танец паучка,
Вот Крест плывёт на облака...
И в храме Мати Божьей лики
Скорбят о нас через века.

Нас первородный грех отметил.
Так Бог судил. Суди нас, Бог,
Днём, на закате, на рассвете,
За каждый жест, за каждый слог.
За шаг, что нынче не случился,
А завтра для расплаты час
За грех, который просочился,
Пусть помыслом, уже сейчас.
Так Бог судил, чтоб блудным детям,
Нам, некто думать не помог,
Что мы одни на белом свете.
Чтоб не забыли: с нами Бог.

ПРОЗА

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Горький вкус мечты

А о Нового года оставалось каких-то три недели. Одни уже вовсю готовились к празднику, а другие пахали как сивые савраски: бухгалтеры составляли годовые отчёты, преподаватели подбирали экзаменационные материалы к зимнему семестру, врачи боролись с очередным вирусом гриппа, а фитнес-тренеры помогали своим клиентам скинуть лишние килограммы перед обильными застольями в новогодние каникулы...

Виктория была в числе трудолюбивых. Ей предстояла командировка в Штаты с лекциями о советской живописи 20-30-х годов XX века. Эта тема была необыкновенно популярна у американских слушателей. И это неудивительно. Ведь чем дальше человечество удалялось от года распада СССР, тем больший интерес вызывало культурное наследие Советского Союза. Московский университет, членом Учёного Совета которого она являлась, заключил договор с Лондонским Институтом Искусств Сотбис на целую серию лекций в их Нью-Йоркском филиале. Принимающая сторона оплачивала проживание лекторов в кампусе в самом сердце Манхэттена, а Викин родной

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Юлия Александрова. Мечта о счастье
(по мотивам современных художников). 2018

университет – дорогу, так что поездка вышла бюджетной, но долгой. Ещё бы – до Нью-Йорка лететь целых 14 часов!

Перекусив в самолёте, Вика поудобнее устроилась в кресле и предалась воспоминаниям. С раннего детства ей хотелось рисовать, лепить, создавать композиции из разных материалов. Хотя её безупречный вкус не подкреплялся художественными способностями, тяга к прекрасному была настолько велика, что девочка попросила маму записать её в художественную школу, где Вика и познакомилась с Гошкой. Юноша был чрезвычайно талантлив. Любая написанная им картина – будь то простая бутылка или ненавистный куб с шаром – становилась шедевром. И это неудивительно, ведь гены – вещь упрямая, а Гошка был из семьи художников. Вика же пыжилась изо всех сил, но, как говорится, выше головы не прыгнешь.

По окончании школы она решила, что раз ей не дано создавать произведения искусства, то нужно хотя бы изучать их и рассказывать о них людям, и потому поступила на искусствоведческое отделение истфака МГУ. А Гошка благодаря своему таланту стал студентом Строгановки. Военной кафедры в вузе не было, поэтому после второго курса юношу призвали в армию. В течение двух лет он регулярно писал ей письма, рассказывая и об армейской дружбе и о заданиях, которые получал от командира части – оформить Красный уголок или нарисовать агитационный плакат. В письма он всегда вкладывал рисунки: то карикатуры на своих сослуживцев, то просто карандашные зарисовки. Вика бережно складывала эти письма в коробочку, которую хранила в верхнем ящике письменного стола.

Все эти долгие месяцы Виктория ждала Гошкиного возвращения из армии, а он приехал с юной красавицей Настей и сразу привёл её в гости к Вике, чтобы познакомить девушек. Хозяйка дома улыбалась, но как-то грустно: она-то ведь давно видела себя рядом с Мастером – его верным другом, соратником, помощником, готовым служить Таланту. А он этого никогда не понимал, ведь ему, как человеку творческому, была нужна Муза: как Камила Донсье Клоду Моне или Гала Сальвадору Дали.

Последний студенческий год тянулся для Вики целую вечность. После появления Насти в жизни Гошки ей всё было не в радость. Видимо, поэтому она так увлеклась советской живописью 20-30-х годов прошлого века. Жизнеутверждающие полотна, написанные в эти годы Казимиром Малевичем, Ильёй Машковым и другими художниками лечили её от депрессии своими яркими красками. А любимая картина «Новая Москва», на которой белокурая девушка сидит за рулём кабриолета, вселяла надежду на безоблачное будущее. Эта необыкновенно светлая картина Юрия Пименова действительно стала для Вики талисманом. Тема её дипломной работы заинтересовала директора Оренбургского областного музея изобразительных искусств, и он пригласил выпускницу на работу. Предложение было настолько привлекательным и своевременным, что Вика после защиты диплома полетела в Оренбург в прямом и переносном смысле. Девушка надеялась, что впереди её ждёт абсолютная новая жизнь.

Предчувствия Викторию не обманули. Она сделала блестящую карьеру от экскурсовода по залам советского искусства до директора музея, закончила заочную аспирантуру родного университета, став кандидатом искусствоведческих наук и членом Учёного Совета своей alma mater. За эти годы она много ездила с лекциями по стране и выступала в Европе. И вот сейчас она летит в Америку.

В полдень самолёт приземлился в аэропорту Нью-Йорка точно по расписанию. Пройдя паспортный контроль и досмотр багажа, Виктория вышла в город, и её закрутило в рождественском вихре. Из окон такси она видела нарядные витрины «моллов» и маленьких магазинчиков. «Большое яблоко» (так давно люди прозвали Нью-Йорк) переливалось всеми красками, а его жителям и гостям так и хотелось откусить его кусочек.

Дорога до университетского кампуса заняла около часа. Разместившись и переговорив с руководством факультета, Вика отправилась в город. Первая лекция была назначена на следующий день, так что сегодня можно было спокойно побродить по окрестностям.

Через пару часов Вика оказалась в районе, сильно отличающемся от сверкающих улиц: дома здесь были тусклыми, а улицы грязными. Вдруг её внимание привлёк мужчина, который просил милостыню. На улице было морозно, а он стоял в засаленной тонкой куртке (явно не по сезону) и вязаной шапочке со спущенными петлями. Подойдя поближе, она не поверила своим глазам: это был Гошка, её Гошка. Она ойкнула и тихо спросила: «Гоша, это ты?» Услышав русскую речь, мужчина вздрогнул, посмотрел на Вику, и на его глазах выступили слёзы.

В бистро, куда отправились старинные друзья, Гошка поведал ей свою историю. Фирма, в которой он проработал 10 лет, развалилась, и все оказались на улице. В конце 90-х найти работу по специальности было почти невозможно. Два года он промыкался, зарабатывая извозом на своей старенькой семёрке Жигулей. Однако, как только он перестал приносить деньги в дом, любимая жена Настя бросила его, отсудив квартиру, доставшуюся ему после смерти родителей, в пользу сына-подростка. Так Гошка остался почти не с чем. Он продал машину и уехал в Нью-Йорк в поисках лучшей жизни. Но американская мечта оказалась мыльным пузырьком: деньги быстро кончились, а устроиться на работу он не смог – в Америке своих художников и дизайнеров пруд пруди. И вот уже полтора года он бомжует. Случайных заработков хватает только на еду, да и то не каждый день...

Через два часа они вышли из бистро. На улице сильно похолодало. По ощущениям, температура была явно ниже нуля.. В кампус Вика Гошку привести не могла, а её наличных денег хватило только на скромный ужин на двоих. Она пообещала, что завтра после лекции сразу придёт на ту улицу, где они встретились, и постарается помочь ему. Гошка кивнул и, опустив плечи, побрёл прочь.

С тяжёлым сердцем Вика вернулась в кампус. За окном завывал сильный ветер. Мороз усиливался. Она долго не могла уснуть, думая о прошлом. Однако усталость после многочасового перелёта всё же взяла своё, и Вика погрузилась в сон.

На следующий день после лекции, сняв с карточки деньги, Виктория отправилась к месту их вчерашней встречи с Гошей, как и обещала. Она прошла всю улицу, но его нигде не было. И тогда она обратилась к такому же бездомному горемыке, как и её друг. То, что она услышала, повергло её в шок: «Замёрз он сегодня ночью. Умер от переохлаждения. Вот так-то, мэм».

Вика бесцельно двигалась по ярко украшенным улицам Нью-Йорка, глотая слёзы. Кусочек «большого яблока» оказался для неё слишком горьким.

ПОЭЗИЯ

Сергей ЛЕОНТЬЕВ

Сергей Леонтьев – поэт, автор-исполнитель. Член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Родился и вырос в Иванове. Автор поэтических сборников «Первая скрипка», «Две Луны», «Полуостров», музыкальных альбомов «Листопад», «Корабли», «Я живу в Подмосковье». Обладатель Гран-при, лауреат фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом. Лауреат литературной премии «Славянские традиции» (2016 г.) Обладатель второго места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья, автор официального гимна города Воскресенска. Песни на его стихи исполняют Витас, Рада Рай и другие артисты. Ведёт активную концертную деятельность (творческий дуэт «Остров» с Алиной Серёгиной). Творческий сайт – sergeyleontyev.ru

Живёт в подмосковном посёлке Белоозёрский.

«Я служу литературе...»

Поэту

Совсем немного слов в твоём стихе,
Всё остальное – там, за многоточьем...
Давай, поэт, присядем в уголке
И подведём итог бессонной ночи.

Скажи мне, из десятков тысяч слов
Как выбрать ты сумел одни лишь эти!
Каким чутьём перо твоё вело,
На том ли ты бродил, на этом свете?

Ты не открыл законов красоты
И не придумал гениальных формул,
Но только ты в ответе, только ты
За сладкий ком, вдруг подступивший к горлу...

Я служу литературе

До бессоницы, до дури,
Вот уж скоро восемь лет
Я служу литературе,
Доморощенный поэт!

Не под чьей-нибудь пятою,
Не за Хенесси с Дор-Блю –
Нет, над каждой запятою
Добровольно я корплю!
Я котлетку разогрею,
Покромсаю помидор –
И скорее, и скорее –
К милым ямбу и хорею
За любимый монитор!

Что за мания такая –
Быть заложником пера,
Жить, бумаге потакая?
Ведь пора уже, пора
Научиться жить, как люди,
Млеть под пухом одеял!
Жизнь-то – вот она, на блюде –
Заработал, погулял,
Отдохнул, сходил в кинишку,
Посидел себе в пивной...
Ну, а тут ведь даже книжки
Не купили ни одной!
Вас спрошу, но ударенье
Можно сделаю на «б..»?
Почему за выступленья
Нам не платят ни рубля!
На бензин хотя бы было,
Уж не то что «наварить»!
А бумага? А чернила?
Эх, да что там говорить!

Бог с ним, с этим капиталом –
Не графья, попьём чаёк!
Лишь бы души напитал он,
Стихотворный ручеёк!
Лишь бы каждому досталось –
Где словечко, где строка,
Ну, а там, глядишь, под старость
И получится река!
И останется надолго –
Полноводна, глубока!
Ну, не как, конечно, Волга,
Но, хотя бы, как Ока!

До бессонницы, до дури,
Вот уж скоро восемь лет
Я служу литературе,
Доморощенный поэт.

В небо рвусь, срываюсь в бездны,
И слагаю, и пою!
И всё это безвозмездно
Просто людям отдаю.

Слова гранились, как алмазы

Слова гранились, как алмазы,
И камнем падали в строку.
Не сразу понял я, не сразу,
Какое чудо я смогу
Создать сейчас, сие мгновенье,
Вот здесь, за письменным столом,
Когда явилось вдохновенье,
И я сказал ему: «Шалом!»
Слова лились, слова сверкали
Как водопад, как фейерверк!
Они – то небо опускали,
То поднимали землю вверх.
И гимном этого союза –
Небесной тверди и земной –
В моё окно влетела Муза!..
Она стояла предо мной
Простоволосая, нагая,
В расцвете женской красоты.
Не ты, какая-то другая,
Похожа очень. Но не ты.
А я спешил, ломая перья,
Я слову сердце отворил
И, словно жалкий подмастерье,
Её творил, творил, творил!..

Уже б пора поставить точку,
И начала неметь рука,
Но вдохновенная река
Из глубины, издалека,
Ещё текла, рождая строчки!
Она текла, как Божья милость,
Текла, как Божья благодать!
И вдруг река остановилась...
И потекла обратно, вспять.
И, истончённая, исчахла.
И всё ушло. Закрылись чакры...

О, Ты, Всесильный и Могучий!
Чем мне тебя благодарить
За этот миг, за этот случай,
За эту тоненькую нить,
За эту связь с непостижимым,
За эти бездны и вершины?
О, Ты, Всесильный и Могучий,
Я не устану говорить:
Прошу: ещё меня помучай
Великим счастьем творить...

Вначале было Слово

1

Вначале было Слово. До того
Лишь Божий дух носился над водою,
И крошечное солнце молодое
Ваял Господь из сердца своего.
И пала мгла! И пал на землю свет!
И это было первым чудом света.
И потекли до звёзд и до планет
Сквозь бесконечность световые лета...
И начались обычные дела:
Текли века, моря солили суши,
Земля ютила мёртвые тела,
А небо щедро принимало души...

Выходит, свет из Слова был рождён?
А, коли так, то всё подвластно Слову!
Тому, что было истиной, основой,
Поводырём, владыкою, вождём,
Из-за него Христос светлоголовый
К распятому столбу был пригвождён!
Его несли любимой на устах,
С ним шли на плаху, поднимались в битву,
И, славя светлоликого Христа,
Летели к небу чистые молитвы...

2

И где оно теперь? Скажите, где?
В развалах одноразовых книжонок,
Проказой иноземной заражённых
И пресных, словно каша на воде?

Увы, увы! Оно уже давно,
 Не убоясь ни Бога и ни чёрта,
 Эфирною размыто болтовнёй
 И жёлтыми газетами истёрто,
 Зализано казённым языком.
 Истерзанное уличною бранью,
 Оно давно томится под замком,
 А не сверкает яркою огранью...

3

Но вот оно, послушное перу,
 В твою строку легонечко ложится,
 Как маленькое зёрнышко пшеницы –
 Чтоб зацвести, взрасти, заколоситься,
 И, наконец, страница за страницей
 Разлиться в бесконечность-точка-ру!

О, ты, Поэт, немногий из людей,
 Тебе дана, дана такая сила,
 Чтоб эта нива вновь заколосила!
 Вспаши её! И царствуй! И владей!
 Чтоб слово проливалось, как елей,
 Как солнышко, идущее с Востока!
 Храни его и пестуй, и лелей!
 И говори! От сердца. От истока.

Давай, Поэт, давай, Поэт, давай!
 И, словно в вену тяжелобольного,
 Ты кровь свою в строку переливай,
 Чтоб навсегда вначале было Слово!

Посвящение Коктебелю

Воздух крымский, берег моря,
 От шашлычных сладкий дым.
 Путь сюда давно проторен
 Поколением моим.

Сколько ж в огненной купели
 Переплавлено руды!..
 В каждой бухте Коктебеля
 Мы оставили следы.

Пили солнечные вина,
 Ели вкусных окуней,
 И врезалась галька в спину
 Юной спутнице моей...

Рисую по памяти

Рисую по памяти, набело,
 Как волны в солёном ветру
 Резвились и прыгали на берег,
 Как будто играли в игру.

Рисую и в облаке прячу я,
 Пастелями холст голубя,
 Как солнце вскипало горячее,
 Едва я касался тебя.

По памяти, кистью промасленной
 Скалистое небо граня,
 Рисую, как были мы счастливы
 Среди камня, воды и огня.

Рисую по памяти, осенью,
 Последние вздохи любви –
 Холодный вокзал Феодосии
 И тёплые руки твои.

А дальше всегда одинаковый
 Рисую по памяти вид,
 Как небо без удержки плакало,
 И билась волна о гранит.

Любимым женщинам

В буквы превращаются чернила...
 Я пишу об истинном, благом –
 Как она, любя, меня кормила
 Материнским тёплым молоком.
 Сколько солнца в этом человеке,
 Тихого домашнего огня!
 Господи, храни её вовеки –
 Женщину, родившую меня!

Мысли зреют и ложатся в строки,
 В тоненькую синюю тетрадь.
 Я как будто снова на уроке,
 Жизнь учусь любовью измерять.
 И она – мудра, добра, красива,
 Из того сентябрьского дня.
 Много тысяч раз тебе спасибо –
 Женщина, учившая меня!

Строфы слиты, как стальные звенья.
Точно так же спаяны во мне
Те неповторимые мгновенья,
Что прожиты с ней, наедине.
Мчит Земля по Солнечной орбите,
И живу я, в памяти храня,
Словно драгоценную обитель,
Женщину, любившую меня!

Лей, душа, и музыку, и слово!
Размешай их в песню без конца!
Я спешу, чтобы увидеть снова
Очертанья милого лица.
Пусть наш день – и светел, и восторжен,
Длится, златом солнечным звеня!
Я тебе ещё полжизни должен,
Женщина, простившая меня!

Скоро май осыплет снегом вишни.
Как же много хочется успеть!
Верю я, поможет мне Всевышний
Вас, мои любимые, воспеть!
И уж раз подумалось о Боге,
 Попрошу я, голову склоня:
Дай, Господь, безоблачной дороги
Девочке, похожей на меня!..

Поколение войны

Неровным, размыкающимся строем,
В мир неисповедимой тишины
Уходит поколение героев,
Уходит поколение войны.

Не сетуя, по выдоху, по вдоху,
Слабеющей лучиною горя,
От нас уходит целая эпоха,
Вместившая войну и лагеря.

Но если жизнь на небе всё же есть –
Там всё готово к званому обеду,
Там ждут последних, чтобы вместе сесть
И выпить за великую Победу.

И там, где всем навеки хватит места,
Где незачем и не с кем воевать,
Отцов увидят дети наконец-то,
А вдовы станут жёнами опять.

Обнимутся солдаты и матросы –
Медаль, звеня, ударит о медаль.
И будут петь Шульженко и Утёсов,
А Шостакович сядет за рояль.

И где-то там в рубахе деревенской,
Как на портрете – и плечист, и юн, –
Сидит мой дед, пропавший под Смоленском,
И обнимает бабушку мою.

Её – того родного человека,
Что, в смерть не веря, в стареньком дому
Ждала его, ждала его полвека,
Не отдавая сердце никому.

Идут солдаты в небо тропкой узкой
И будто входят в свой родимый дом:
– А ну-ка, где тут первый Белорусский,
Ну, где тут мой гвардейский батальон?

И тут же, сразу – всё порасспросили:
– Ну, что у нас? Какой теперь расклад?
А к ним прильнут: – Ну, как она, Россия?
А к ним прильнут: – Ну, как она, Москва?

Рассядутся за длинными столами,
И разольётся песня, как река,
Аж колыхнётся боевое знамя!
Но это будет после, а пока...

Задумавшись, в нетягостном молчанье,
На облако присев, как на топчан,
Дымят махрой и ждут однополчане
Оставшихся своих однополчан.

ПОЭЗИЯ

Татьяна СКОРИКОВА

Татьяна Петровна Скорицова – филолог, поэт, переводчик. Член Союза писателей России. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. Автор пяти книг стихотворений и поэм. Печатается в периодических изданиях Союза писателей России, отечественных и зарубежных альманахах и журналах, на литературном портале «Стихи.ру». Лауреат международных и российских литературных конкурсов. Награждена знаком отличия «Серебряный крест», орденом С.А. Есенина, медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова и др. В 2017 г. МГО СП России присвоено почётное звание и наградной знак «Заслуженный писатель». На стихи автора написаны песни и романсы.

Живёт в Москве.

«Слово – это исток...»

Поэзия

Слово – тень, слово – блеск, дар эфира,
тьмой и светом на гребне волны
гонит в бурю судёнышко Лиры
по просторам морской седины.
Шторм крепчает и мачту колышет,
злобно блещет на скулах ветров.
Так стихия Поэзию пишет
гулом яро-рокочущих строф.

А когда воцарится истома,
нанесённая кистью волны,
Лира-чайка, в пространство несомая,
оперит солнцем строчек холсты...
Слово – тень, слово – блеск, дар эфира,
как поэту его разгадать
в языке – этой клеточке мира –
и плеснуть шумом волн на тетрадь?
Как, в штормах иль в затишье промучась,
удержать рифм и ритма весло,
разделяя Поэзии участь –
чтобы Слово до сердца дошло?!

Явятся звуки в утро...

Но для меня стихи – самосожженье...

Дина Терещенко

В колкий звенящий сумрак от сотворенья света
данные миру Богом сквозь маету эпох
явятся звуки в утро – и на пере поэта
вздрыгнут и станут слогом – раннего мига вздох...
И первозданно, словно первых влюблённых поступь
в манговой чаще сада, где был утерян Эдем,
вдруг просияет Слово, будто живая россыпь,
нежно, кристально, сладко – дар, не подвластный всем...

Тенью былых бессонниц, жаркою глубиью ночи,
белой чадрой пустыни вспыхнет его родство
с чёрною буркой конниц, с горькою тьмой пророчеств,
с тем, что дарует, как имя – явленному – божество...
С тем, что, как меч дамоклов над воспалённой строчкой,
с тем, что несётся в бездну или взлетает ввысь...
Слово от стужи продрогло, Слово не знает отсрочки
и, словно оттиск в железо, в строфы вплавляет мысль...
И обжигает, и студит... а с поднебесья созвездия
сполохом алого света жадно стекают в строку...
и сотворением будет – Стих – как крупица Поэзии,
брошенная Поэтом – семенем – в слов борозду...

В янтарной выси поднебесья,
в осенней сини куполов
я обретаю мир без лести,
без суеты и громких слов,
без гама уличных потоков
и будничных дежурных фраз,
мир без тщеславья и пороков,
без лжи парадной, без прикрас.

Как редок дар – услышать Слово
божественной поры жнивья
в многоголосии иного,
негородского бытия...
мне ясен промысел осенний –
природы истина проста:
в прикосновении спасенье
к устам кленового листа.

В его сквозные очертанья
воскресный звон колоколов
вливает, как живое пламя,
своё вечернее тепло...

Русский язык

Сколько в русский язык Бог вложил глубины!
Слово может спасти от утрат и невзгод.
Слово – это исток, в нём разлив тишины,
птичий гомон, дорога, простор, небосвод...
Слово может зажечь в сердце искру добра,
пробудить ото сна неокрепшую мысль.
Сокровенно, молитву в душе сотворя,
наш язык проникает в духовную вись...

ПРОЗА

Мальвина

Как-то шёл на днях по парку. Гулял. Ни выпить, ни попить не хотелось. Отбили охоту напроць. Абсолютно. Надоел этот яд. Как в «элитных» коньяке и виски, так и в «минеральной» воде или пиве, разлитых в подмосковных подвалах, сараях или частных квартирах азиатскими или китайскими гастарбайтерами под руководством кавказцев. А они мастера добавлять различные отдушки в синтетический спирт. Хотите виски? Пожалуйста, плесните в эту бочку турецкого, осетинского, кабардино-балкарского спирта из этого флакончика. Хотите настоящий французский коньяк? Пожалуйста, плесните из вон того флакончика, вон в ту бочку. И так далее и тому подобное. Регулярно все эти технологии показывают в новостях по телевизору. Ни смотреть на это не могу, ни пить тем более.

Так вот, иду я по парку, наслаждаюсь свежим воздухом. Вдруг, ба, навстречу мне идёт коллега по работе. Задумчивый такой. Никого рядом не замечает. Я иду прямо на него. Думаю, свернёт или нет. Мы подходим друг к другу всё ближе и ближе и сталкиваемся почти лоб в лоб. Как два танка на Курской дуге. Он поднимает глаза, смотрит на меня подслеповатыми глазами сквозь очки, наконец узнаёт. Мы поздоровались. Я ему говорю: «Петрович, что ты такой задумчивый?» Он помолчал-помолчал, а потом отвечает: «Понимаешь, Василич, здесь такой странный случай со мной приключился. Даже не знаю с кем и поделиться впечатлениями». Я ему опять говорю: «Поделись со мной. Торопиться мне некуда. Я в отпуске. Никому ничего лишнего не скажу. И тебе на сердце будет легче, может быть». Опять помолчал-помолчал Петрович, а потом говорит: «Ну ладно, только ты никому не рассказывай того, что я тебе расскажу, а то не дай бог мои жёны, дети или внуки узнают». Надо сказать, что Петрович, хотя он об этом, как мне кажется, не догадывается, был женат или лучше сказать, был насилуем с особой дерзостью, порочной фантазией и цинизмом в

Александр ГАНИН

Александр Ганин (Александр Васильевич Гниненко) – кандидат экономических наук, доцент по кафедре «Иностранные языки» Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» / Университет машиностроения. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (англо-немецкое отделение факультета иностранных языков) и Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе (экономический факультет). Автор поэтических сборников «Не забывай и не прощайся...» (2005), «Нескончаемое прощанье, нескончаемая любовь...» (2007), «Ожидание» (2010), текстов и музыки, исполнитель авторских песен (компакт-диск «Песни для друзей»). Член Российского Авторского Общества и Союза писателей России. Имеет общественные награды.

Живёт в Москве.

течение нескольких десятков лет, поочередно разными жёнами четыре раза. Результат, в общем, достойный, хороший. Некоторые мастера высокой культуры имели и по восемь брачных ходок. Не считая незарегистрированных.

Петрович мямлил: «Стыдно бу-д-е-е-т...» и хватался обеими руками за облысевшую голову. Хотя, как мне кажется, стыдиться ему нечего. «Ну, ладно, слушай». После небольшой паузы Петрович начал своё незамысловатое повествование. Хочу сразу предупредить, что все имена, отчества и места событий мною изменены в целях соблюдения тайны частной жизни. Далее это повествование или, если хотите, эту исповедь я буду вести от третьего лица, чтобы не запутаться, о ком – обо мне или о нём – идёт речь. А речь идёт исключительно о Петровиче. Петрович – профессор университета; примерный разведённый семьянин; исправный алиментщик; бытовой пьяница; но публично в пьянстве и оргиях замечен никогда не был и, насколько я знаю, действительно вёл почти приличный образ жизни (за что его жёны, порядочные, как правило, стервы с нелёгким поведением, подавали на развод как на зануду и жмота); почти кристальной честности человек; правда, иногда немного перебирал, но в меру, спиртного; иногда брал деньги за зачёты и экзамены со студентов, хотя и всегда этого стеснялся...

Но когда он сравнивал число студентов, за которых никто не мог замолвить слово в администрации вуза; студентов с намозоленными руками от работы в автосервисах, грузчиками, менеджерами по продажам безымянных симкарт; по разным причинам прогуливавших и вынужденных закрывать сессию деньгами, с числом тех студентов, за которых просили в администрации университета, то совесть его немного успокаивалась. Последних было раза в три больше, и знали предмет они хуже и вообще могли не посещать занятия в течение семестров, переходя от преподавателя к преподавателю по цепочке все четыре года или пять лет в течение всего периода «обучения».

Так вот какой случай или, вернее, целый ряд непредвиденных, сложных и запутанных событий произошёл с Петровичем. Я его историю передаю так, как сам её понял. Вот, что он мне рассказал. Однажды он повстречался на улице со своей старинной знакомой Мальвиной Игоревной. Вообще она была знакомой его знакомых. Окончила только торговый техникум, хотя папа её был относительно большим начальником. Работала в парфюмерном магазине. При этом от самой от неё всегда немного пахивало рыбой. Мылась она или не мылась, или мылась не часто – неизвестно. Может быть, мылась один раз в неделю по субботам, что когда-то считалось нормальным и для женщин, и для мужчин. «Чтобы кожа не сохла». В одних и тех же костюмах, рубашках, блузках и платьях ходили подолгу. А зачем эта морока с ежедневными стирками и мытьём? Бессмысленная трата времени.

Но всё-таки причиной душка от Мальвины Игоревны, вполне вероятно, была «судьба», последствия букета не до конца залеченных, вялотекущих заболеваний. Она знала о своей особенности, и сама мило подшучивала над собой по этому поводу. Мальвина Игоревна настойчиво и доверительно утверждала, что женщина должна пахнуть женщиной, а не мылом, ссылаясь на эксклюзивные запросы корсиканца Наполеона Бонапарте. «И вообще, – говорила она с жаром, – надо, чтобы моё тело, как и душа, свободно дышали в унисон, дышали, вы это понимаете!?» Петрович невольно задумывался о том, что же она под этим подразумевает, и недоумевал... Он шёл рядом с ней, тихо страдал и не знал, как на всё это реагировать. Шёл по асфальтовому тротуару как по тонкому льду, молчал, стараясь не провалиться, сказав

неуместное слово и показав себя непросвещённым лохом. Лошарой. Лохнесским чудовищем.

Допускаю, что кому-то могла нравиться и Мальвина Игоревна. А что?.. Цивилизация. Прогресс. Либерализм. Толерантность. Допускал это и Петрович, начинавший фантазировать и предполагать, какой же мужчина должен был соответствовать Мальвине Игоревне, исходя из её представлений о «настоящей женщине». Вероятно, думал он, что для неё «настоящий мужчина» тоже должен пахнуть как-то особенно. И желательно, чтобы изо рта разносился запах алкогольного перегара, табака, чтобы была трёхдневная щетина на лице, а карман отвисал от увесистой пачки купюр на покупку норковых шубок и поездки к зарубежным тёплым морям и океанам...

У Мальвины с молодости был пышный бюст, которым она козыряла. Она и раньше часто встречалась Петровичу случайно, на улице – жили по соседству. Всегда разговаривали друг с другом на «Вы». Иногда, когда они неожиданно встречались летними вечерами, она приглашала его подняться в гости. При таком предложении Петрович внутренне съёживался, напрягался, справедливо полагая, что его собираются изнасиловать, даже может быть, с особым цинизмом и разнузданностью. Но одновременно какой-то чёртик ему нашёптывал: «А может быть, согласишься, может быть, не всё и плохо?..» Были причины так думать. Мальвина Игоревна любила косметику, была человеком словоохотливым и даже игривым. И хоть Петрович никогда её об этом не просил, и все её рассказы были ему не очень приятны, она доверительно рассказывала ему о своих любовных похождениях. Рассказывала о том, что до восемнадцати лет родители держали её в «ежовых рукавицах», но после восемнадцати она, по её словам, пустилась во «все тяжкие». Насчёт «всех тяжких» Петрович совершенно не интересовался, но Мальвина Игоревна показывала ему какие-то фотографии с неграми в обнимку, рассказывала о романе с неким шофёром, возившем милицейского генерала, о том, как этот генерал тоже пожелал познакомиться с ней поближе. В общем, какой-то эффект домино получался. «Понеслась коза по кочкам». На генерала Мальвина с радостью и интересом согласилась, надеясь на длительные отношения и материальную помощь. Однако мечтам её не суждено было сбыться. Генерал заночевал у неё разок и элегантно, как и подобает настоящему гусару, подарил ей на прощание коробку недорогих шоколадных конфет. Как говорится: «Румынский офицер денег не берёт».

Под эти рассказы Петрович и Мальвина Игоревна шли как-то летним вечерком к её дому. Но вдруг она неожиданно вспомнила, что к ней может прийти её «бабушка», мать странно и безвременно ушедшего мужа. Кстати, впоследствии, эта бабушка перед своей кончиной, будучи в «здоровой уме и твёрдой памяти», на девяносто восьмом году жизни отписала трёхкомнатную квартиру своего покойного любимого сыночка Мальвине Игоревне.

Но тогда, рассказав Петровичу о своих похождениях, Мальвина сменила курс и потащила Петровича в чащу парка. И Петрович подчинился. Кому нужны лишние знакомые и лишние слова?.. Конечно, Петрович знал, что Мальвина Игоревна лет пять или семь как овдовела, что детей у неё нет и что около года тому назад умер её любовник, причём, по странному совпадению, умер в тот же день, что и муж несколько лет назад. Какое жестокое и странное совпадение... «Явно кто-то постарался...» – невольно иронически и со страхом от своего чёрного юмора и чувства невольного вторжения в какую-то чужую тайну, думал Петрович. Об этом совпадении рассказывала Петровичу сама

Мальвина, при этом загадочно улыбалась и задумчиво смотрела в ночные небеса, как будто намекая на ответ, находившийся где-то там, в тёмной бесконечности, похожей на кладбище. Петрович говорил Мальвине Игоревне, что она, наверное, чёрная вдова. В глазах у Мальвины мелькал какой-то зелёный огонёк, она улыбалась и говорила: «Может быть, может быть...»

После прогулки по тенистым, налитым дурманящим запахом цветов уголкам парка, Петрович как-то отшутился, неловко распрощался и пошёл вприпрыжку домой, прочь от этой замечательной особы. Шёл Петрович и думал: зачем ему эти ненужные похождения и шалости? Эх, не по возрасту всё это. Глупо. Глупо...

Прошло полтора или два года. Никаких случайных или подготовленных встреч не происходило. Были два-три телефонных звонка по каким-то отстранённым поводам, то ли поздравления с Новым годом или майскими праздниками, то ли какие-то сплетни об общих знакомых, не более того. Но однажды Мальвина Игоревна позвонила Петровичу и томным, грустным голосом произнесла: «Помните, что у вас всегда есть друг, и этот друг – я, и вы всегда можете ко мне прийти на правах доброго гостя и старого знакомого, и вас это ни к чему не обязывает». Петрович задумался, к чему бы это. Потом решил, что это был сигнал о том, что она свободна и ждёт. И готова принять в любое время.

Была зима. После звонка прошло две недели. Отшумели хмельные новогодние праздники. В один из ранних зимних вечеров Петрович прогуливался в парке по заснеженным дорожкам. Вдруг видит, навстречу ему идёт Мальвина. Довольная, румяная или, может быть, с капитальным макияжем (ведь ей уже было около пятидесяти). Петрович не стал вглядываться, да и к тому же у него была возрастная дальновзоркость, нужны были очки, так не разберёшь. Петрович обрадовался: вот идёт друг, на которого всегда можно положиться, поговорить о том, о сём, и, в общем, ни о чём. Но неожиданно Мальвина Игоревна отвела взгляд в сторону и вниз, и прошла мимо, как бы не замечая Петровича. Петрович из деликатности сделал вид, что тоже её не заметил. Он предположил, что, может быть, у друга-Мальвиночки накопились какие-то трудности, и решил позвонить ей спустя час или два. Так и сделал. Петрович сказал в трубку, что давно её не видел и, как друг, поинтересовался, всё ли у неё в порядке, и есть ли у неё возможность увидеться с ним. Ответ звучал осторожно и сухо и на «Вы»: «Вы знаете, у нас был новогодний корпоратив, я там познакомилась с одним человеком... ну, в общем...». Затем была пауза, которую Петрович прервал сам, стараясь перевести разговор на другую тему, подразумевая интонацией, что он забыл тот её разговор с предложениями вечной и ничем не стеснённой дружбы. Потом Петрович медленно и с крайней осторожностью положил трубку домашнего, ещё советского, телефона на рычажок, как жирную гадюку в стеклянную банку. «Слава богу, не ужалила, змея, через трубку», – прошептал он с облегчением. И всё же спустя месяц или два Мальвина зачем-то прислала Петровичу краткое и лаконичное сообщение на мобильный телефон о том, что она не то вышла, не то скоро выходит замуж. Петрович не понял эту нечёткую формулировку, но вполне искренне её поздравил и, не чувствуя к ней какой-либо привязанности, опять с облегчением вздохнул.

Прошло ещё полтора года. Жизнь шла своим чередом. Их дорожки не пересекались. Но однажды летним тёплым вечерком, часов около девяти, на мобильный телефон Петровича поступило сообщение, в котором Мальвина

Игоревна писала о том, что она с теплом вспоминает их встречи, их «добрые отношения», одновременно она хотела узнать его ближайшие планы на эти тёплые часы летнего, испепеляющего страстью томного вечера. Петрович внутренне напрягся, предполагая, что его снова «хотят изнасиловать с особым цинизмом». Однако решил уклониться, помня о её «замужестве» или «псевдо-замужестве», так как он был уверен, что она откровенно врала, набивая себе цену. «Может быть, она уже развелась, когда очередной дурак-ухажёр, узнав о её похождениях, принял решение о разводе, даже не прожив с ней и полгода», – подумал грешным делом Петрович. Ведь у самого Петровича дело обстояло именно так.

Он вспоминал, как его горячо возлюбленная мечтала выйти замуж хоть за кого-нибудь, хоть за козла, чтобы выглядеть приличной женщиной со статусом жены хотя бы на короткий срок. И она нашла такого козла в лице тогда ещё наивного студента, юноши, учившегося только на пятёрки, которому в итоге не дали красный диплом только потому, что досталась эта корочка блатным студенткам, рыдавшим на экзаменах, ничего не соображавшим в предметах, но имевшим поддержку знакомых родителей в ректорате.

Ну так вот. В ответ на эту трогательную эсэмэску Петрович выразил благодарность за добрую память, но не стал ничего обещать, сославшись на занятость. В действительности ему просто хотелось спать. Не хотелось никаких встреч. Петрович лёг спать рано и проснулся тоже рано. По привычке стал просматривать пропущенные телефонные звонки или сообщения. Просмотрел сообщения об автоплатежах за различные услуги (коммунальные, электроэнергию, интернет и так далее, и тому подобное) и вдруг наткнулся на сообщение от Мальвины Игоревны, которое она написала вчера, но уже поздним вечером, около десяти, когда Петрович уже спал сном младенца. Там было написано: «Дурак, он и в Африке – дурак».

Тут Петрович замолчал, закончив свой рассказ. Потом медленно и грустно сказал мне: «Что ж, конечно, я мог в ответ обозвать её старой морщинистой б...ю, которая уже лет сорок не имеет никакого морального права кого-то и как-то упрекать, но, может быть, она выпила лишнего или что-то у неё случилось...»

Мы оба замолчали. Я поделился с ним своим предположением, сказав, что, вероятнее всего, она написала эту глупость от отчаяния, от несбывшихся желаний стать женой, а не женщиной на сладкое время. И что я бы не удивился, узнав, что Мальвина Игоревна регулярно рассылает такие сообщения веерным способом одинокими вечерами, когда ей хочется броситься на стенки от одиночества. Она шлёт свои эсэмэски бывшим знакомым, которых она сама когда-то отвергала, в поисках лучшей партии. Всех этих многочисленных «дураков», которых она готова была бы принять в качестве супруга, если бы кто-то согласился на эту роль, в действительности играя роль болвана. Роль шута горохового, бредущего с ней под ручку как с женой под скрытые или явные усмешки всех её «бывших». Зачем строить такие нереальные планы? Зачем тешить себя ненужной мечтой? Наверное, семейную жизнь и звание «жена» надо заслужить, что, впрочем, касается и звания «муж».

Медленно шли мы с профессором по дорожке парка и, вероятно, думали об одном и том же. Почему такая перемена? Ведь между первым сообщением, в котором Мальвина Игоревна опять, как и несколько лет назад, откровенно врала о тёплых чувствах и дружбе, и вторым, в котором содержалась откровенная грубость, прошло не более получаса. Наверное, были какие-то планы,

запах цветов и листьев сводил её с ума, и она готова была сесть даже на метлу и полететь в лунном свете над реками, лесами, залетая иногда в укромные, тёмные уголки любимого ею парка, где прошли самые сладкие моменты её жизни... «Нет, Петрович, не справился ты с этим большим доверием и предназначением, не справился. А как бы жарко она тебя... нет, не любила, а доила бы», – горько, но не без ехидства подумал я.

А что же Мальвина Игоревна? Примерно через месяц Петрович мне позвонил и со слезами в голосе сообщил, что Мальвина Игоревна, купаясь обнажённой в прохладных водах ночной реки, неожиданно и тихо утонула... На берегу от неё остались только пляжное полотенце и пляжные тапочки. Её тело, сине-чёрное, неузнаваемо и страшно распухшее, через неделю на заре случайно прибило лёгкой и весёлой волной к пристани, к яхте директора речного ресторана... Несчастный случай на водах... Судьба...

Я сказал Петровичу, что не думаю, что она совсем ушла... Она будет теперь невидимкой летать по ночам над пляжем и рекой, а днём, в параллельном измерении, будет исправно ходить на работу, исполнять свои обязанности, строить глупые планы, выискивая себе очередного «дурака», тоже из параллельного измерения, которого она попытается захомутать... В этом мы с профессором единогласно согласились и пошли попить пивка и так далее в ближайшую забегаловку. У нас ещё было много тем для жаркого, беспристрастного, бескомпромиссного и бессмысленного спора о нашем назначении в жизни в глазах женщин...

ПРОЗА

Анатолий УВАРОВ

**Редакция журнала ВЕЛИКОРОССЪ
поздравляет Анатолия Уварова с Юбилеем!
Желаем Вам, дорогой Анатолий Васильевич,
здоровья и бодрости, вдохновения и творческой
радости!**

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью, Большой серебряной медалью Гумилёва, медалями Ивана Бунина, «А.П. Чехов 1860-1904» и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы: «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011), «Село Кезьмино. Книга памяти» (2011), «Шифровальщик» (2013, 2014).

Живёт в Москве.

«Лишь одного у Бога просим...»

(размышления к моему 90-летию со дня рождения)

О моей болезни

1.

Сто пять шагов, в больничном коридоре,
Я шаркаю ногами пятый день...
Я очень зол и сам с собою в споре,
За то, что стал трухляв, как старый пенёк.

А ведь недавно небо голубое
Светило радостно и улыбалось мне,
И бодро увлекало за собою,
И жизнь казалась сносною вполне.

Увы, болезнь вдруг всё переменяла:
Настрой души и замыслы мои...
Спасибо и за то, что память сохранила
Стихи о Родине, о людях, о любви.

2.

Мне бы правнуков увидеть,
От души поговорить,
Показать им мульти-видик
И шоколадки подарить...
Мне б с Антошей в вертолёте
К потолку вдвоём взлететь,
В понарошковом полёте
Всю квартиру обзреть,

Мне б с Анютой в чуры-прятки
И в лошадки поиграть,
А потом – в её тетрадке
Что-нибудь нарисовать,

Мне бы Юлечку на фото
В новом платьице заснять:
Папе с мамой на работу
Фотокарточку послать,

Мне бы Владочку-малышку,
На ладонях покачать,
В поэтическую книжку
Её игры записать.

Мне б ещё четыре года
С ними в здравии пожить...
А потом, при всём народе,
Всех их в школу проводить!

На смерть Е.К. Уваровой

1.

Прощай, прощай, моя родная –
Порвалась твоей жизни нить.
Теперь, я твёрдо это знаю,
Её ничем не заменить,

Не проявить любовь во взгляде
И слов сердечных не сказать,
И в гости, в праздничном наряде,
Детей и внуков не позвать.

Мне ж суждено питать надежду,
Но в это верится с трудом,
Что Бог простит меня, невежду,
И призовет в свой Райский Дом,

*А.В. Уваров у памятника Е.К. Уваровой
21 мая 2015 года*

Где б мы, без скорби и заботы,
И повседневной суеты,
Занялись праведной работой –
Молились вместе – я и ты.

2.

Ты сейчас далеко от меня –
На погосте лежишь ты в земле,
Где нет света, тепла и огня,
Все здесь скованы сном в вечной мгле.
Но и мне без тебя нет тепла –
Ни взаимной любви, ни привета.
Жизнь моя, как твоя, утекла,
Только в саван пока не одета.

У меня есть один только шанс
Задержать наступление гризны –
Попросить у Природы аванс
На продление мне этой жизни.

3.

Твой милый и красивый взор
На старом фото – мне в укор,
Что я тебя не уберёг,
Не сделал всё, что сделать мог:
Не спас от смертного огня –
Прости, прости, пожалуйста, меня.

Живой тебя я больше не увижу,
 За что корю себя и ненавижу,
 И полон лишь одною я мечтой –
 На небесах мне б встретиться с тобой.

На смерть Г.В. Черноголовиной

Прощай, мой поэтический Кумир,
 Литературный Критик и Корректор:
 Сегодня сузился мой личный мир
 И изменился жизненный мой вектор.
 Я больше не услышу хрупкий звон
 Ни Ваших тёплых слов, ни Ваших песен:
 Прошёл наш поэтический «марафон»,
 Который был обоим интересен...
 Но Ваша исповедь, «Вечерний Ваш романс»
 В моей душе навечно сохранится,
 А конь крылатый – Греческий Пегас –
 Из небытия от Вас ко мне примчится,
 И передаст мне вековую тайну,
 Что Там узнать смогли Вы, как Поэт,
 Чтобы потом – правдиво, досконально,
 Я рассказал стихами про «ТОТ СВЕТ»...

Е.К. Уварова (слева) и Г.В. Черноголовина

О старости

1.

Оттремели весенние грозы,
 Отшумели грибные дожди,
 Отцвели хризантемы и розы,
 И тепла уже больше не жди.

Пролетела пора золотая,
 Затуманилась светлая даль:
 Мрачной тенью над нею витают
 Обречённость, тоска и печаль.

Не изменишь законы природы,
 Не пройдёшь по песку без следа.
 Молодые, счастливые годы
 Не вернуться уже никогда.

И вот так, до скончания века,
 Наяву, и в бреду, и во сне,
 Будет мучить тоска человека
 О своей пролетевшей весне.

2.

Всё наглее становится осень:
 То дождями, то ветрами бьёт,
 Разрешенья на это не просит –
 Нежеланною гостьей идёт.

Загрустила родная сторонка –
 Ей июньское времечко жаль.
 После песен весёлых и звонких
 Незаметно подкралась печаль.

Стали серыми тусклые нивы,
 Почернел, облысевший, весь лес,
 И на землю потоком бурливым
 Льются слёзы с набухших небес.

Ну а завтра, как мы б ни хотели,
 Нивы крепко морозы скуют,
 И над ними шальные метели
 Злые песни свои запоют.

Роковые судьбы повороты
 Не проходят от нас стороной,
 Все большие и малые взлёты
 Завершаются твердью земной.

Давит грудь непомерная тяжесть,
На душе облегчения нет,
Никому не пойдёшь и не скажешь,
Чтоб вернули нам юности свет,

Чтоб вернули беспечное детство –
Его светлую чудо-мечту,
Не губили б всё это наследство –
Первозданную их красоту.

Но нельзя ничего переделать,
Изменить уже пройденный путь:
Не сойти нам с него и не съехать –
От судьбы никуда не свернуть.

3.

Постарела моя половина,
Отцвела, словно в мае сирень,
На лице появились морщины,
Донимают болезни и лень...

Где же прежней улыбки сиянье,
Алость губ и отточенность ног?
Эти женские все чарованья
Я сберечь, оказалось, не смог.

Где роскошной косы заплетенье
И бровей чёрнокрылых разлёт?
Нынче новое в них проявление –
Хладной зимушки белый налёт.

И когда же всё это случилось,
Куда молодость нашу снесло?
Ведь вчера ярко солнце светило,
А сегодня за тучи зашло...

В этом мире всё изменимо:
Даже горечью может быть мёд,
Жизнь стрелой пролетела мимо,
Наступает последний черёд...

4.

Как холодный поток водопада
Я с вершины в пучину лечу,
Ничего, никого мне не надо,
Ничего, никого не хочу.

Прежде рьяные, гордые мысли –
Жаждут тихий и скромный покой.
Всё осталось в заоблачной выси,
Там, где солнце и цвет голубой.

Отзвучали победные песни –
И весенней, и летней поры,
Жизнь пожухлой листвой легковесной
Быстро катится в тартарары.

5.

Завален парк пожухлою листвою,
Скамейки отдыха пусты,
И только мы бредём с тобою
Средь потускневшей красоты.

Мы, как и осень, молчаливы
И так же, как она, грустны:
В глазах – ни искорки счастливой,
Ни света радужной весны.

Смертельный холод наступает
И нам надежды не даёт,
Он нас смириться заставляет
И к послушанию зовёт...

Сегодня мы, как эта осень –
И перспективы никакой,
Лишь одного у Бога просим,
Чтоб душам нашим дал покой.

6.

Наступила пора старения –
В жизни новая ипостась,
Нет уж прежнего вдохновения,
Да и спесь моя улеглась.

Угасает сердечное пламя,
Безучастным становится ум,
Как в безветрие сникшее знамя
Я задумчив, печален, угрюм...

Остаётся одно лишь стремление –
Моих правнуков жизнь наблюдать,
Как рождается их вдохновение
Новой жизни азы постигать.

7.

Вот она – старость,
Пришла не спросясь,
Пришла и осталась,
На клюку оперлась...

И пристально смотрит
Мне прямо в лицо,
И двери торопит
Открыть на крыльцо,

Настойчиво хочет
В дом мой войти
И что-то лопочет
О бренном пути.

А вслед за косматой
Идёт на постой
Подруга с лопатой
И с острой косой...

Не буду я с первой
Строить вражду,
Вторую же, стерву,
Впускать подожду!

О рождении правнуков

1.

Антону

Держу в руках комочек счастья,
Комочек – светлый, тёплый и родной,
ОН стал моим любимцем в одночасье,
И в корне изменил весь имидж мой.

Вот он, в руках моих – мой первый правнук
С прекрасным звонким именем Антон!
Сегодня у меня великий праздник,
И праздник этот подарил мне ОН.

И ОН – моё грядущее бессмертье,
Во всяком случае, на много лет вперёд,
Ведь жизнь свою, как минимум столетье,
С фамилией УВАРОВ проживёт.

2.

Анне

Связующая нить времён
В семье моей не прервалась,
Из женских множества имён
Вновь Анна родилась!

Такое имечко в миру
Носили бабушка и мать,
В их память правнучку свою
Анюткой буду звать!

Расти красивой и большой,
Правнученька моя,
Тебе, всем сердцем и душой,
Желаю счастья я!

3.

Юлии

Нет, жизнь остановить нельзя,
Она в грядущее прорвётся,
Тысячелетняя стезя,
Она вовеки не прервётся!

Весь срок развития людей
Тому живое подтвержденье.
Нет ничего для нас родней,
Чем наших отпрысков рожденье.

Сегодня вновь ликую я –
Правнучка Юлечка родилась!
И утвердилась мысль моя,
Что наша жизнь – не изменилось!

4.

Владиславе

Слава Людмиле, Андрею слава –
Родили мне правнучку – Владиславу!

И радует душу такая новость,
И в сердце опять возникает гордость:

За безграничную силу Природы
И все прожитые, счастливые годы,

За то, что умножилась наша семья,
И что всё это увидел и я.

Проливной дождь

Повесть

1

Игорь Валерьевич Челноков не был на работе пять дней. Три дня отсутствия были связаны с командировкой по санавиации, а следующие два дня были выходными, обычными субботой и воскресеньем, в которых не было дежурств ни по институту, ни по клинике. Пятидневное отсутствие на работе отразилось несколько возвышенным и даже праздничным восприятием привычного труда. Однако такое настроение достаточно быстро сменилось ощущением тревоги и ожиданием неприятностей.

Пятиминутка в отделении прошла довольно быстро и скомкано. Профессор Лукерья Елисеевна Папонова на ней не присутствовала. Не было на ней и Елены Алексеевны Фонарёвой, которая по всем вопросам считалась негласным заместителем заведующей. Из той половины отделения пятиминутку посетили только две молодые женщины – врачи-ординаторы. Конференцию всего института опять-таки не посетили ни Папонова, ни Фонарёва. И, хотя, проходя по длинному коридору, Челноков с удовольствием улыбался, здоровался и перебрасывался отдельными репликами с коллегами из других отделений, ощущение тревоги не только не проходило, но нарастало.

Войдя в отделение, Челноков увидел, что дверь кабинета Фонарёвой раскрыта настежь, и Елена какая-то уставшая, постаревшая стоит в незастёгнутом медицинском халате, тяжело опираясь спиной о косяк. При этом находящаяся рядом дверь кабинета заведующей закрыта наглухо.

– Здравствуй, Лена, – обратился к Фонарёвой Челноков. – Как дела?

– Да, не здорово, как часто у нас бывает. А как твой вылет по санавиации?

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

– Было, над чем подумать, но разобрался. Пациент не нашего профиля. Ему на месте необходимую помощь окажут. А что ты такая грустная, подавленная?

Елена оторвалась от косяка, приблизилась к Челнокову почти вплотную и, прикрыв рот сбоку ладонью, на ухо шепнула:

– На нашей половине, Игорь, за два года вторая девочка из одной семьи умерла. Помнишь, два года назад мы потеряли такую красивую Соню, которая хорошо рисовала, стихи писала, очень любила музыку слушать... А вчера ночью, через два года после Сони, умерла её сестрёнка Вера. Диагноз тот же. Представляешь, каково родителям?

2

...Прошло несколько лет. И в один из дней в отделение пришли улыбающийся счастливый отец с мальчиком лет четырёх на руках и его изящная, милая жена с мягкой полуулыбкой на лице и смущённым взглядом, обращённым в пол.

Конечно, все сотрудники отделения – медсёстры, врачи, ординаторы, младшие и старшие научные сотрудники, проходя мимо описанной тройцы, радостно узнавали родителей и приветствовали мальчика в костюмчике моряка и бескозырке на голове. А малыш от смущения крепко обнимал отца за шею, прижимался щекой к его щеке и стеснялся обернуть голову к незнакомым тётям и дядям в белых халатах.

Наконец кабинет профессора Папоновой открылся. Из него вышли после важного служебного совещания серьёзные и немолодые дяди и тётки в белых халатах. Каждый нёс в руках служебную папочку. Вероятно, закончилось обсуждение какой-то новой важной программы лечения детей с архисложными диагнозами. За ними на пороге своего кабинета появилась Лукерья Елисеевна, увидела семью с ребёнком, тотчас узнала их, приветливо, радостно заулыбалась, поздоровалась и широким жестом пригласила в свой небольшой кабинет.

Конечно, с самого начала всё внимание было уделено ребёнку. Доброту и искренность дети ощущают моментально. Для этого не требуется конфет, печенья, соков, шоколадок. Ребёнок быстро раскрепостился в кабинете профессора, сказал, что его зовут Саша и что он, когда вырастет, будет строить дома, как папа, или, может быть, водить большую грузовую машину. Но можно и космонавтом стать, что тоже очень интересно, правда, трудно, как говорит папа. Но пока не разрешает мама.

Потом мальчик не воспротивился снять матроску и майку, дал себя послушать, полежал на кушетке, пока тётя-профессор его внимательно осматривала и мяла ему животик. Рот он открыл охотно сам, высунул язык и произнёс долгое «А-а-а» – да так здорово, что применять шпатель или чайную ложечку не потребовалось. Когда осмотр был окончен, Саша быстро самостоятельно оделся и подбежал к маме, шепнув ей что-то на ушко. Мама поблагодарила Папонову и спросила, можно ли ей с сыном выйти. Профессор, конечно, сообщила, что мальчику срочно требуется, и согласие маме дала.

Когда отец ребёнка остался с Папоновой с глазу на глаз, он, счастливо улыбаясь, сказал:

– Да, доктор, всё-таки медицина очень неточная наука. Помните, как при расставании после ухода из жизни Сонечки и Верочки, вы нам категорически

не советовали заводить больше детей? Конечно, после потери дочерей жена долго не могла прийти в себя. И с желудком у неё было нехорошо, и сердце покалывало, а потом и по-женски у неё что-то обнаружили. Но прошло время. Как-то всё отболело, улеглось. Потом в санаторий съездила, полечилась. И знаете, очень это ей на пользу пошло. После санатория она приехала совсем другим человеком. И довольно быстро, месяца через три, она мне вечером, перед сном сказала, что была у врача, и тот сообщил ей, что она в положении. Вот это была радость! И, как видите, выносила мальчишку, родила без осложнений, все ваши медицинские показатели оказались у сына нормальными. Потом жена кормила его грудью месяцев восемь. В детской поликлинике её похвалили, сказали, что современным женщинам это удаётся нечасто. Вот так, доктор.

И, счастливо улыбаясь, отец мальчика покинул кабинет профессора.

...Минут через сорок в кабинете профессора Папоновой зазвонил телефон. Она сняла трубку и услышала знакомый голос.

– Доктор, ещё раз здравствуйте. Вас беспокоит мама Саши. Мы с мужем и с мальчиком почти час назад посетили вашу клинику. Вы любезно приняли нас в своём кабинете. Спасибо вам. Но можно мне ещё раз зайти к вам сегодня? Мне очень нужно поговорить с вами с глазу на глаз. По телефону это займёт слишком много времени, да я и не могу всё рассказать, не видя вашей реакции. Если у вас найдётся свободное время для меня, я вам буду так благодарна!

– Найдётся, найдётся, не волнуйтесь. Заходите.

3

Через много-много лет драма этой семьи открылась Челнокову в деталях.

...В ранней юности отдохнуть в деревню в доме бабушки и матери приехал их 19-летний внук и сын, учившийся в городе в строительном техникуме на электромеханика. Бабушка была уже старенькая, на пенсии, прибаловала. А мать этого юноши работала медицинской сестрой в центральной районной больнице, да ещё и подрабатывала дополнительными дежурствами. Парень был рослый, видный, улыбчивый, да к тому же рукастый. В прошлое лето без чьей-либо помощи летнюю кухню соорудил и беседку, дров наколот на всю зиму, помог убирать картошку.

Медсестре было трудно. На её руках была старая нездоровая мать и учившийся в городе сын. В молодости она влюбилась в появившегося в их больнице молодого врача-хирурга. Влюбилась безоглядно. Через несколько месяцев она узнала, что беременна, сказала об этом дорогому человеку, а тот незаметно и тихо просто сбежал из больницы. Переживала такое предательство медсестра страшно, и всякие ей мысли в голову приходили, зачастую и совсем нехорошие, но поддержала родная мать, овдовевшая скоро после войны. Так и вырастила мать-одиночка своего Алексея, а потом нацелила его на средне-специальное образование и профессию, с которой не пропадёшь ни в городе, ни в деревне.

Летом, на каникулы, Алексей приезжал в деревню очень охотно. Ему нравилось ощущать себя помощником матери. А физическая работа, благодаря отпущенной ему природой незаурядной силушки, только тренировала мышцы и приносила ощущение радости бытия здорового, сильного человека.

У медсестры был родной брат старше её по возрасту на целых семь лет. Жизнь его сложилась так, что он избрал военную карьеру, стал моряком-подводником и служил на севере. Упорный и дисциплинированный, брат учился и служил, а потом служил и учился. Так он дорос до звания старшего офицера. В отпуске (тогда ещё в Ленинграде) познакомился он со студенткой университета, будущей журналисткой. Милый образ девушки, скромность, умение достойно чувствовать себя в любом обществе, начитанность и общая культура приворожили подводника. Когда настало время расставаться и уезжать в военную часть, моряк только спросил: «А ты меня будешь ждать?» «Буду», – очень убеждённо и с большим смыслом ответила девушка.

Они поженились, когда будущая журналистка училась на последнем курсе. Родители девушки не возражали, чтобы молодые начали семейную жизнь в большой квартире вместе с ними. Подводник стал ленинградцем. Молодые были очень счастливы. В первую брачную ночь моряк с восторгом понял, что женился на девушке. Гордостью журналистки перед самой собой стало осознание, что первым и, как она была убеждена, единственным её мужчиной на всю жизнь, стал муж. Через год, в пору белых ночей, родилась у них девочка. Волшебство этого времени года и таинственная радость, растворённая в эту пору в городе, ощущались почти физически. Родители, не сговариваясь, решили назвать новорождённую Светланой.

С той поры прошло уже восемнадцать лет. Моряк с женой и дочкой приезжал в деревню к матери за это время только дважды. В первый приезд Светлане было всего несколько месяцев, во второй – два с половиной годика. Что делать? Так жизнь сложилась. А когда Светлане стукнуло восемнадцать и она только-только окончила первый курс института, отец снова был в дальнем многомесячном походе, а матери предстояла двухмесячная командировка по делам журнала, к которому она имела отношение и как редактор, и как специальный корреспондент.

По телефону, через центральную районную больницу, журналистка разыскала медсестру. Женщины быстро сговорились об отдыхе Светланы летом в деревне. От железнодорожной станции до больницы ходил автобус, а до деревни медсестру и девушку подбросили санитарным транспортом.

Светлане было интересно. Для неё, настоящей горожанки, многие неведомые особенности сельской жизни раскрывались в тесном общении с Алексеем. Он и ягодные места знал, и за грибами водил нацеленно, разбирался в голосах лесных птиц и поведении зверей. А как поэтично он организовывал рыбалку – с несколькими удочками, консервной банкой с червячками, с костром и приготовлением ухи в ведёрке, подвешенном на толстой ветке, лежащей на двух рогульках, вбитых в землю.

Когда они катались на деревенской лодке-плоскодонке, Алексей много рассказывал об особенностях речки и предупреждал не ходить из деревни под гору купаться в одиночку. В одном месте в реку открывалось сразу несколько ключей, там вода была очень холодной, с непривычки и от неожиданности могло мышцы ног свести – да так, что и местные опытные пловцы не раз тонули. В других местах в речке были обрывы и большая глубина, в третьих – воронки с круговертью воды.

В один из дней Алексей и Светлана пошли за грибами в дальний лес, перед которым нужно было преодолеть широкое пространство открытого полевого безлесья, усыпанного цветами белого и красного клевера. На обратном пути с полными лукошками грибов Алексей и Светлана попали под

кратковременный, но обильный дождь. В полном смысле вымокли до нитки. Мокрая одежда прилипла к телу, влага с неё стекала струйками, а малейшие порывы ветра вызывали неприятные ощущения холода, сырости и дрожи. Алексей ещё как-то крепился, а у Светланы зуб на зуб не попадал.

На отшибе деревни стояло несколько сараев, где деревенские хранили сено. Их никто не закрывал. В один из таких сараев и спрятались от дождя Алексей и Светлана. Но, даже закопавшись в сено, согреться в нём в мокрой одежде было невозможно. Светлана настолько промокла, что её колотила мелкая дрожь. И тогда Алексей сказал, что нужно снять с себя всю одежду, хорошенько её выкрутить и отжать от влаги, разложить поверх сена, а самим закопаться глубоко в сено и переждать непогоду. Светлана сначала вспыхнула, застеснялась, но Алексей повернулся к ней спиной и стал снимать с себя мокрую рубашку. Светлана, теперь уже не раздумывая, быстро скинула с себя мокрое платье, трусики и освободилась от лифчика. Отжать от влаги снятое бельё потребовало считанные секунды. После этого Светлана нырнула в сено поглубже, стараясь остаться к Алексею спиной и прикрывая самые прелестные места девичьего тела. Но согреться не получалось. Светлану трясло, у неё буквально зуб на зуб не попадал.

Поскольку сухих вещей у Алексея под руками не было, он придвинулся грудью и животом к Светланиной спине, обнял её и положил свои руки девушке на живот. Светлана не отодвинулась, ощутив разгорячённое тепло мужского тела. Тесно прижавшись и постепенно согревая друг друга, молодые люди провалились в сон.

Проснулись они часа через полтора, уже высохшие и согревшиеся в тесных объятиях друг друга. Молодые люди не смогли противостоять внезапно обуявшему их желанию ласкать и целовать друг друга. Там, на сеновале, Алексей и Светлана стали мужчиной и женщиной...

Домой они вернулись в сумерках. Мать Алексея в этот день была на суточном дежурстве в больнице. Старая больная бабушка после ужина быстро заснула. Молодые любовники провели в одной постели первую сказочную ночь...

Но лето кончалось. Светлана уехала к началу учебного года к родителям в Ленинград, а Алексею предстояло ещё учиться в строительном техникуме.

4

Через три месяца Светлана узнала, что ждёт ребёнка. Более того, при обращении к врачам оказалось, что сомнений в этом нет, а сроки такие, что нужно отнестись к ситуации серьёзно, трезво, выносить и родить.

Светлана долго мучительно раздумывала, не зная, как открыться матери, – тем более, что месяц назад у журналистки на работе случился острый приступ резких болей в животе, ей вызвали скорую помощь, которая без промедления домчала её в больницу, где её срочно прооперировали по поводу разрыва кисты яичника.

И всё-таки Светлана решилась.

В один из вечеров она сказала матери, что нужно поговорить по очень важному делу. По решительному твёрдому тону, с которым это было сказано, мать насторожилась, что у дочери большие неприятности. Сначала она подумала, что у неё возникла большая задолженность по учёбе, потом пришла мысль о конфликте с кем-то из студентов, или (ещё хуже!) из преподавателей,

наконец, мать решила, что дочь разочаровалась в своей специальности и хочет бросить учёбу.

– Что случилось, доченька? Что-то серьёзное? – одними губами прошептала мать.

– Да, мама. Очень серьёзное, – глядя прямо в глаза матери, сдержанно, но твёрдо произнесла дочь.

– Что-то в институте?

– Нет, мама.

– Ты кому-то надерзила, нагрубилась?

– Нет, совсем не то.

– Ты влюбилась?

Светлана выдержала паузу и ответила как на духу: «Мама, я беременная».

В глазах матери отразился ужас. Лицо в одно мгновение преобразила бесцветная усталость. Даже губы стали белыми, без единой кровинки.

– Когда? От кого?

– Это случилось в деревне.

– Тебя подпоили?

– Нет.

– Тебе угрожали? Принудили?

– Нет.

– Это деревенские? Оравой?

– Нет, мама. Это случилось по большой любви.

– Так кто же он?

– Мама, я полюбила Алексея.

– Алексея? – почти простонала мать. – Но как же? Ведь он...

Тут мать осеклась и прикрыла рот ладонью.

5

В эту ночь не спали обе женщины: и мать, и дочь. Дочь переживала, что вынуждена была открыться матери, когда та ещё не полностью восстановилась после операции. Мать не спала, во всём кляня себя.

Это ей в голову пришла мысль отправить дочь на каникулы в деревню, поскольку муж был в дальнем плавании, а самой нужно было ехать от журнала в командировку в Сибирь. Мысль взять с собой дочь приходила ей в голову, но она тогда отогнала её, боясь, что дочь может и не выдержать всех трудных походных испытаний, которые частенько выпадают на долю журналиста. И потом матери хотелось, чтобы дочь просто хорошо отдохнула в свои первые студенческие каникулы.

То, что дочь стала женщиной, журналистка-мать воспринимала нормально. Что ж, дочери пошёл девятнадцатый год. Уже совсем взрослая. Но как же она выбрала Алексея? Ведь он ей близкий родственник, двоюродный брат! В царские времена в России двоюродных братьев и сестёр было запрещено венчать. Единичные случаи, конечно, происходили, но где-нибудь в глубинке и под большую денежную благодарность сельскому священнослужителю.

А самое главное, самое заветное, что мучило журналистку и не давало ей сомкнуть за ночь глаз ни на минуту, было раскаяние за грех перед мужем и дочерью. Она была верной женой своему моряку-подводнику и привыкла

долгие месяцы обходиться без мужской ласки и близости с женщиной. А в последней командировке бес попутал.

Она приехала в сибирский совхоз на известную молочную ферму, где работал знаменитый на всю страну дояр Подольских. Задание журнала сводилось к тому, чтобы написать полноценный очерк о сельском специалисте-мужчине одной из самых трудных профессий. Приближался юбилей дояра, и хорошо осведомлённый редактор дал задание одной из самых опытных журналисток написать о нём полноценный очерк. В больших инстанциях намекнули, что дояру вроде бы готовятся вручить награду Героя труда. Одновременно журналистку нацелили при возможности собрать и написать материалы о других сельских тружениках и интересных людях, которые общаются с ними, посещают эти места, оказывают помощь своими знаниями, своей работой, своими идеями.

С главной задачей журналистка справлялась неторопливо, основательно, и дней через десять хорошо задуманный и легко читаемый очерк с главными и ударными материалами и сведениями уже выстроился в её голове. А через день она узнала, что в соседнее село, расположенное в нескольких километрах от того, в котором остановилась она, приехала научная бригада биологов и экологов из учреждений Академии наук и университета из Москвы. По её просьбе её отвезли в это село в моторной лодке по таёжной реке. Вот там-то она впервые познакомилась с обаятельными учёными мужского пола. Но с первой же встречи её поразил один огромный, весёлый, добродушный бородач – прекрасный охотник, с красивым баритоном бард-гитарист, виртуозно владевший инструментом, рассказчик смешных историй и анекдотов, отличный тамада и очень внимательный и неназойливый сосед за столом. Он покорила её красиво и сразу, и ей впервые за всю её семейную жизнь с мужем стало приятно и тревожно ощущать себя слабой женщиной рядом с таким обаятельным богатырём. Заглядываясь на так неожиданно сразу же понравившегося ей мужчину, она ни разу не вспомнила о муже, а потому ей и в голову не пришло как-то сопоставить их рядом и сравнить в душе покоряющего её богатыря-биолога и уже давно покорившего её моряка-подводника. Таёжный роман был стремительным, страстным и бурным.

«Вот она, расплата. Вот оно, возмездие», – трепетала ночью потерявшая последние силы после исповеди дочери журналистка. А ведь месяц назад её срочно оперировали не по поводу разрыва кисты яичника, а по поводу внематочной беременности. В прежние времена, когда диагноз обязательно вписывали в больничный лист, многие врачи-хирурги и врачи-гинекологи не раз спасали честь своих пациенток перед мужьями и сослуживцами, называя проделанную операцию несколько по-иному, что позволяло не порочить женщину, скрыть грех её страстной натуры.

6

Через несколько дней после разговора с дочерью журналистка пришла в себя, мобилизовала всю свою волю и начала срочно действовать. Ещё в отсутствие мужа она вызвала Алексея в Ленинград на серьёзный разговор. Алексей, по молодости, и представить не мог, что ему скоро предстоит стать отцом. Но, узнав и от Светланы, и от Алексея, что они очень любят друг друга и счастливы, что у них будет ребёнок, журналистка согласилась на их брак. Сыграли скромную свадьбу. И стали Алексей и Светлана мужем и женой.

Когда моряк-подводник вернулся из далёкого плавания, его поставили в известность о свершившемся факте. Что-то изменить или поправить он уже не мог, и во всём положился на жену, понимая, что её решение в сложившейся ситуации было единственно правильным. Обстановка в то время в мире была очень напряжённой, взрывоопасной. Через две недели моряк-подводник снова отправился в дальний поход, о цели и продолжительности которого и о тех местах, в которых предстоит побывать, не имели представления ни сами моряки, ни тем более члены их семей.

До ухода в плавание подводника уехал Алексей. Молодому мужу и будущему отцу требовалось продолжить образование, хотя покидать любимую жену ужасно не хотелось.

Светлана вынашивала ребёнка трудно. Разлука с мужем, напряжённое беспокойство об отце и о здоровье матери сказались. С симптомами угрозы прерывания беременности Светлану трижды помещали в больницу. Учёбу в институте пришлось оставить. Но всё-таки Светлана доносила ребёнка и в последнюю декаду апреля, изрядно помучившись, родила девочку. Поскольку после рождения девочка была спокойной и много спала, родители назвали её Сонечкой.

Новоиспечённую бабушку-журналистку пронзила ещё и такая мысль: имя Софья в переводе с греческого означает «мудрость». И это был как бы знак свыше, как мудро, хотя и через страдания, она преодолела последствия своего таёжного романа, не сказав о нём ни слова ни дочери, ни мужу, и как мудро она поступила, всё-таки согласившись соединить в семью свою беременную дочь и её двоюродного брата.

Девочка родилась хилой, слабенькой... Всю весну и лето Светлана провела в Ленинграде, выхаживая дочку с помощью врачей, медсестёр и мамы. У Алексея тоже не было каникул. После экзаменов в техникуме он уехал на практику, стараясь не только закрепить в деле полученные знания, но и хорошо заработать денег на семью.

Последний год учёбы Алексея в техникуме супруги виделись урывками, когда главе молодой семьи удавалось приехать в Ленинград на день, два, не более. В начале лета следующего года Алексей успешно завершил среднетехническое образование в числе лучших и самых авторитетных выпускников техникума. Его распределили в один из подмосковных городов, где развернулась большая стройка и где ему обещали совсем скоро предоставить квартиру. В конце сентября в одном из домов возводившегося квартала для строителей ордер на отдельную двухкомнатную квартиру получил и Алексей. Наконец у Светланы, Сонечки и Алексея началась нормальная семейная жизнь.

Алексей работал много, увлечённо, но и отдыхать он теперь приходил в свою семью, где его любили, ждали, заботились о нём и вкусно кормили. В середине декабря Светлана узнала, что она вновь в положении. А летом на следующий год жена подарила мужу ещё одну девочку, которую супруги назвали Верой в честь матери Алексея. Имя родителям понравилось ещё и тем, что оно символизировало веру друг другу, веру в хорошую совместную жизнь, веру Светланы в Алексея, в его успехи, в то, что ему суждено многого добиться.

Светлана, опекая девочек, долгое время была домашней хозяйкой. И только когда младшая дочь достигла трёхлетнего возраста, Светлана устроилась воспитателем в детском саду.

7

Гром грянул в семье на одиннадцатом году жизни Сони. Девочка заболела остро, у неё за несколько дней поднялась высокая температура, потом появились точечные кровоизлияния на коже, синяки. В одну из ночей у резко побледневшей и очень заметно похудевшей Сонечки случилось обильное кровотечение из носа. Девочку срочно госпитализировали в местную больницу, кровотечение остановили, но в анализе крови выявили очень большое количество белых клеток крови. Родителям посоветовали срочно везти девочку в Москву.

В московской клинике впервые и прозвучал страшный диагноз. У Сонечки оказался острый лейкоз. Как ни боролись врачи за жизнь ребёнка, итог оказался трагическим. Соня ушла из жизни. Сони не стало.

А через полтора года заболела Вера. Трагедия получила своё продолжение. Вере установили тот же диагноз. И младшая дочь Светланы и Алексея тоже ушла в мир иной.

Переживания Светланы были ужасны. Алексей замкнулся в себе, но держался мужественно.

8

Через год Светлана приехала в клинику. Ей очень хотелось поговорить с заведующей, что называется «выговориться», и получить совет, как жить дальше. Папонова уделила ей время, внимательно выслушала и ещё раз подтвердила, что им с Алёшей категорически нельзя заводить больше детей. И тогда Светлана призналась, что она чувствует в последнее время охлаждение и отчуждение Алексея. Если она не послушает мужа и не родит ему третьего ребёнка, она его потеряет.

– А если вы не послушаетесь меня, то потеряете и третьего ребёнка. И скорее всего от того же заболевания, от которого ушли из жизни и Соня, и Вера.

– Что же нам делать? – в полном отчаянии простонала Светлана.

– Пойдите на усыновление.

– Нет, доктор. Я обсуждала этот вопрос с мужем. Он категорически против. Если мы в своих наследственных факторах разобраться не можем, то чужое наследство может оказаться ещё страшнее.

– Знаете что, Светлана, – после некоторого раздумья произнесла Папонова. – Я прожила большую жизнь, долго работаю детским врачом и повидала семей немало. Давайте поговорим, как женщина с женщиной. Только для вашей же пользы дайте мне слово, что вы никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажете никому – ни мужу, ни родственникам, ни врачам то, что я сейчас скажу... Признайтесь мужу, что у вас не всё в порядке по-женски и что вам советуют поехать подлечиться в санаторий на лечебные грязи. Как правило, в тех местах, где активно применяют этот метод лечения, обычно бывает куст санаториев. Скажем, в женском санатории грязи применяют при гинекологических заболеваниях, а в соседнем мужском санатории грязелечение активно используют для долечивания травм. А травмы случаются и у совсем здоровых мужчин цветущего возраста, иногда – у военных. Подсмотрите там себе здорового спортивного мужчину, который вам и внешне понравится. И проявите смелость, не теряйте время даром. Лучше всего сказать обо всём мужчине сразу, прямо: ребёнка от вас хочу. Мне приходилось сталкиваться с такими поступками женщин. Семья у них не распадалась, а ещё

более спланировалась. Правда, в такой ситуации женщина всю жизнь обречена хранить обет молчания и не унижить мужа, признавшись ему ненароком по глупости, что ребёнок не от него. На это способны только очень сильные натуры.

9

... Через полчаса после звонка в кабинет профессора тихонько постучали, открыли дверь и спросили: «Можно?»

Это к Папоновой тихой мышью проскользнула Светлана.

– Лукерья Елисеевна, – взмолилась женщина. – Я не имею права обманывать вас.

Я долго мучилась, обдумывая дома ваш совет. Но разъединение наших душ с Алексеем после смерти дочерей становилось всё заметнее. Он ушёл в работу, в себя, а меня просто не замечал. И я решила поступить так, как посоветовали вы. И путёвку мне предоставили от профкома с Алёшиной работы с хорошей скидкой. В общем, собралась я и поехала.

И знаете, вы оказались правы. Попала я в южный санаторий – такой беленький, чистенький. Палату предоставили двухместную с приятной интеллигентной женщиной предпенсионного возраста с Дальнего Востока. Она всё на процедуры ходила, режим соблюдала и книжки читала, была неразговорчивой и в душу не лезла. А у меня почти всё время свободное.

Наш санаторий стоял в красивом парке с множеством дорожек, окружённых с обеих сторон высокими кустами почти в человеческий рост. И во многих местах от этих прогулочных дорожек расходились тропинки, заканчивавшиеся беседками или уютными местечками со скамейками, окружёнными с трёх сторон ещё более высокими кустами. Пройтись, прогуляться и посидеть в одиночестве, подумать было где.

На третий день, к вечеру, на одной из дорожек идёт мне навстречу пожилой мужчина, прихрамывает. Я поздоровалась. Он мне в ответ так галантно кланяется и отвечает: «Здравствуйте, сударыня. Отдыхаете?»

– Нет, – говорю, – лечусь.

Он остановился и спрашивает: «Вы давно приехали?»

– Нет, совсем недавно. Сегодня третий день.

Мы немножко поговорили о погоде, о природе. Оказалось, что у него путёвка через два дня заканчивается. И тогда на правах старшего и уже хорошо знающего наше место он мне рассказал, что, если пройти парк насквозь, можно выйти к военному санаторию травматологического профиля.

– В некоторых двухместных номерах поселяют семейные пары, приехавшие с Севера, с Дальнего Востока, из Сибири... Но их немного. Преобладают одинокие мужчины. Приходите к нам кино смотреть, побывать на самостоятельном концерте, на встрече с местными поэтами и писателями. Кстати, вы любите танцевать?

Я кивнула.

– Тогда приходите и на танцевальные вечера. У нас среди мужчин есть большие мастера по бальным танцам. Так ведут даму – глаз не оторвать!

Утром за завтраком две соседки по столу сообщили, что сегодня вечером в военном санатории, что на противоположном конце парка, вечер танцев. Надо обязательно пойти, а то всех хороших кавалеров и танцоров расхватывают.

Вечером я пошла к военным. Клуб у них располагался на первом этаже. Прошла я входные двери, а перед вторыми дверями останавливает меня мужчина с красной повязкой на рукаве.

– Вы, дамочка, куда?

– На вечер танцев, – отвечаю.

– Тогда в окошечке у кассира приобретайте билет. У нас на танцах играет оркестр, поэтому вечера платные.

...А я и не подумала взять с собой денег. Так мне неудобно стало, что я расстроилась, растерялась и как-то сникла. Вдруг меня сзади подхватывает под локоть высокий, стройный мужчина и так уверенно ведёт мимо дежурного. Тот только открыл рот, чтобы что-то сказать, как мой неожиданный кавалер небрежно бросает ему: «Это со мной». Дежурный в ответ не говорит ни слова и спокойно пропускает нас в вестибюль. Я поправила причёску перед зеркалом, оглядела платье, туфли, чулки и подошла к ожидавшему меня мужчине.

– Теперь давайте знакомиться, – приветливо улыбнувшись, произнёс он.

– Давайте. Меня зовут Светлана.

– Очень рад. Ваше имя вам очень к лицу.

– Спасибо за комплимент.

– А меня зовут Пётр Михайлович. Вам можно называть меня просто по имени – Пётр.

– Постараюсь, но с первого знакомства мне сложно.

– Разрешите пригласить вас в зал?

– С удовольствием. Только я давно не танцевала.

– А любите танцевать?

– Очень.

– Может быть, для хорошего настроения с первых минут знакомства сначала посетим буфет? Выпьём по бокалу шампанского под мороженое или шоколадные конфеты...

– А можно чуть позже?

– Вам всё можно. Только вы мне дайте сигнал, когда захочется сделать перерыв в танцах.

Из зала послышались такие волнующие звуки живой музыки. Это заиграл оркестр. Я со студенческих лет не танцевала, тем более под оркестр.

Пётр Михайлович приоткрыл дверь зала, что-то внимательно высмотрел и предложил чуть подождать. Несколько минут мы постояли перед дверью молча. Потом он снова приоткрыл дверь зала, улыбнулся и сказал: «Светлана, разрешите пригласить вас? У меня к вам единственная просьба. Не танцуйте больше ни с кем, не разговаривайте и не знакомьтесь. Вас такая моя просьба не смущает?»

– Нет, нет, – ответила я. – Спасибо вам. Мне без вашей помощи пришлось бы уйти, а не танцевать.

Мы вошли в зал, когда всё ещё играл оркестр и всё пространство празднично освещённого зала было занято танцующими парами. Пётр Михайлович протянул левую руку и как-то мягко, но властно заключил мою ладонь в свою. Правую руку он деликатно положил мне на спину на уровне последних рёбер грудной клетки. Чётко в такт он повёл меня в круг танцующих, постепенно смещаясь от самых крайних пар к центру, но не в самый центр.

Он оказался мягким, тактичным и одновременно властным партнёром. Вёл уверенно, чётко, пластично, ощущал каждый такт играющего оркестра и настроение льющейся музыки. Танцевать с таким партнёром хотелось вновь

и вновь. Наверное, он почувствовал моё состояние и не отпускал меня в перерывах между отдельными танцами ни на шаг. Мы оба молчали, когда танцевали, лишь обменивались добрыми улыбками, когда нам удавалось особенно удачно совместно выполнить какое-нибудь трудное или красивое па. Так мы танцевали, как потом выяснилось, часа полтора. В какое-то мгновение он уловил, что я устала.

– Светлана, я чувствую, что вам хочется сделать небольшой перерыв.

– Ой, правда. Как вы здорово угадали. Немного в горле пересохло. Я бы с удовольствием попила водички. Мы можем пойти в буфет?

– Понял вас. Следуйте за мной. Я вам предложу более интересный вариант.

Он взял меня за руку, подвёл к лифту, и мы поднялись на последний этаж. В коридоре, очень тускло освещённом единственным светильником-бра, он долго вёл, вёл меня, пока мы не оказались перед дверью номера.

Усадив меня за стол, покрытый скатертью, Пётр Михайлович достал из холодильника запотевший кувшин с клюквенным морсом. Я с удовольствием утолила жажду почти полным удлинённым бокалом очень приятного напитка с характерной кислинкой.

– Ужинать будем?

– Спасибо, не хочется.

– Тогда, может быть, фруктовый десерт с мороженым?

– Нет, не беспокойтесь, не хочу.

– Может быть, хотите что-то выпить? Скажите. Я выполню любое ваше желание.

– Любое, любое?

– Да.

– Вы не шутите, вы серьёзно?

– Я не шучу. Не смущайтесь, Светлана. Я слушаю вас.

После довольно долгой паузы я пролепетала: «Я хочу... Я хочу, Пётр Михайлович... Пётр... Я хочу от вас ребёнка», – наконец, выпалила я... и разрыдалась.

Пётр оказался человеком очень деликатным. Он мягко и тактично успокоил меня... и открыл дверь спальни...

Наш курортный роман длился всего две недели. Точнее – ровно шестнадцать дней.

С курорта я уехала на два дня раньше, не предупредив Петра и не прощавшись с ним. Когда машинист дал прощальный гудок и поезд тронулся, мне стало так плохо! Сначала было ощущение, что что-то оборвалось во мне, что я сама отрезала большой кусок сердца, но он летит рядом со мной, параллельно, летит в никуда. А когда поезд набрал полный ход, я чуть не вскочила со своего места, чтобы выпрыгнуть из поезда на полном ходу...

Домой я приехала в будний день. У меня было время прийти в себя и заморозить все свои курортные переживания. Женщины знают, что лучший способ для этого – заняться привычными домашними делами: уборкой, стиркой, мытьём окон и всеми многочисленными «мелочами», которые большинство мужчин к работе не относит, но которые приходится делать в семье каждой женщине.

То, что я вновь беременна, я узнала в декабре, ровно за шестнадцать дней до нового года.

Так что Саша не от Алексея. Теперь вы знаете всё. Простите меня, Лукерья Елисеевна, но вам я не имела право говорить неправду. Вы ведь наукой занимаетесь.

10

Прошло ещё несколько лет, и Игорь Валерьевич Челноков узнал продолжение этой истории.

В один из моментов их жизни юридические, семейные и финансовые дела Алексея, Светланы и Саши переплелись так благоприятно, что они сумели купить трёхкомнатную кооперативную квартиру в Москве. И стали они москвичами, хотя поселились в одном из отдалённых спальных районов. Алексей руководил уже большой строительной бригадой, Светлана не работала, Саша только-только пошёл в школу.

В одно зимнее морозное утро Светлана, отведя в школу Сашу, решила побывать в крупном магазине, который неделю назад открыли всего в двух остановках езды на метро. Поднимаясь на довольно коротком эскалаторе к выходу и рассматривая настенную рекламу, Светлана случайно бросила взгляд налево. Навстречу ей, в сторону платформы, на эскалаторе проплывал мужчина. Она не могла не узнать его.

– Пётр! – громко крикнула Светлана. В её крике неожиданно для неё самой отразилась пронзительная боль, страдание и надежда.

Мужчина стремительно обернулся, узнал её, заулыбался и, не отвечая ни слова, показал пальцем, что он сейчас развернётся и поднимется по эскалатору к выходу.

С этого момента встречи Светланы и Петра возобновились. Сначала они позволяли себе посидеть час-полтора в кафе, располагавшемся рядом со станцией метро. А потом... А потом Пётр стал приглашать её в номер гостиницы, которая носила название «Дом охотника». Это было не чаще двух раз в неделю, но Светлана вдруг ощутила, что ждёт этих встреч, внутренне готовится к ним и по существу уже не представляет, как она могла обходиться без них.

И вдруг Пётр исчез. В течение двух месяцев Светлана не знала, что произошло, что случилось. Мобильный телефон Петра был заблокирован. И всё-таки какое-то внутреннее чувство подсказывало Светлане, что Пётр жив, что его молчание вынужденное, что он не мог оставить, бросить её без объяснений.

Пётр позвонил через два месяца. Извинившись, что вынужденно пропал так надолго, он сказал, что всё объяснит при встрече.

Поняв по голосу Петра, что случилось что-то особенное, из ряда вон выходящее, Светлана поняла, что не откажет Петру и не перенесёт встречу, как на её месте поступило бы большинство представительниц прекрасного пола. А как же иначе? А то в нашей стране современные мужчины совсем распустились, понимая, что их меньше и что они могут брать инициативу в свои руки и диктовать женщинам свою волю в любой ситуации.

Светлана была потрясена, когда узнала, что случилось в семье Петра. Его жена, племянница генерала, успешная бизнес-вумен, попала в автомобильную аварию. Машину сплющило всмятку. И водителя, и жену Петра извлекали из автомобиля, разрезая его корпус автогеном. Водитель покалечился так, что до сих пор лежит в больнице, и врачи оценивают его состояние, как очень тяжёлое. А жена Петра скончалась... Она умерла по дороге в больницу.

Как принято по русским обычаям, провели похороны с последующим траурным застольем, помянули на 9-й день и на 40-й. И вот теперь остался Пётр с двумя школьницами на руках – дочерьми Надеждой и Любовью.

11

Светлана пережила рассказанную Петром трагедию, как свою. Она очень изменилась, стала посещать церковь. Сначала она молча ставила зажжённые свечи в память об ушедших, потом поняла, что ей очень хочется зажечь и поставить свечи и за здоровье дорогих ей людей.

В одно из посещений церкви Светлана услышала, как совсем молодая девушка расспрашивала одну из послушниц, что необходимо сделать и в какой последовательности, чтобы пройти обряд крещения.

Додумывая то, что она услышала, дома, Светлана вдруг отчётливо поняла, что она тоже хочет пройти этот обряд. И теперь её уже не останавливало, что ей предстоит такой прямой, такой откровенный разговор с батюшкой, который называется исповедью.

Внешне спокойно, но с большим трепетом в душе шла Светлана на предстоящую исповедь.

Из церкви она вышла успокоенной и умиротворённой. Теперь она твёрдо знала, как ей следует жить дальше и что она для этого сделает.

ПРОЗА

Айна АЗИЕВА

Айна Муссаевна Азиева – родилась 19 февраля 1962 г. в г. Назрань ЧИАССР. В 1980-1985 г. училась на филологическом факультете ЧИГУ им. Л.Н.Толстого. В сфере образования работает более тридцати лет. В 2013-2014 гг. исполняла обязанности директора РЦОИ в Министерстве образования и науки Республики Ингушетия. В настоящее время работает в Центре образования г. Магас заместителем директора по научно-методической работе. Почётный работник общего образования, победитель Всероссийского конкурса лучших учителей 2008 г. Автор поэтического сборника «Время тишины». Член Союза писателей Ингушетии.

Живёт в Магасе.

Монограммы судьбы

Я тебе расскажу...

Я тебе расскажу про любимые синие горы,
В чьих морщинах извилистых спрятана мудрость веков,
Про старинные башни, познавшие радость и горе,
И таких же не сломленных духом седых стариков...

Я тебе расскажу про отвагу потомков Кавказа¹,
Про свободных орлов, что парят выше всех облаков...
А ещё расскажу про студёную горную Ассу,
Что искристою лентою вьётся среди валунов.

Я тебе расскажу о красавицах с нежным румянцем,
Их душевные песни сливаются с эхом в горах,
Расскажу о джигитах, танцующих лихо на пальцах,
Чьим упрямым сердцам не знакомы унынье и страх.

Я тебе расскажу о старинных ингушских преданьях,
И о том, как сражался абрек за свободу и честь,
Как умели дружить, соблюдая законы братанья,
Как умели прощать и обиды, и кровную месть...

Я тебе расскажу, как в горах просыпается солнце,
Как рождается радуга в брызгах стремительных вод,
Я тебе расскажу ... и раскатисто Терек смеётся...
Словно вечности голосу, вторит ему небосвод...

¹ В сводах исторических хроник «Картлис цховреба» («Жизнь (история) Грузии») сказано, что прямым предком современных ингушей является Кавказос, один из двенадцати сыновей общего праотца всех коренных народов Кавказа – Таргомса.

Поэту

Ты упрячешь свои серебристые мудрые мысли
 За узором изящным таинственной матрицы слов...
 Я иду покорять лабиринтами смелые выси,
 Через боль и тоску познавая глубины основ.
 Обретаю значение не в том, что имело значение,
 Воспарив в небеса, где Икара живая душа,
 Понимаю, свобода в Эдеме сродни заточенью,
 И вбираю в себя тот неистовый мир, чуть дыша...
 Здесь в просторах безбрежных под рокот отчаянной бури,
 Сняв оковы с небес, зарождается Истины свет...
 Ведь познавший поймёт, а понявший вовек не забудет,
 Как под неба вокал пропечатался Вечности след.

Мотыльковые сны

Мы с тобою сегодня как рыбы немые,
 Ведь словесные рамки для мыслей тесны.
 И над нами кружат мотыльковые сны...
 Да осенний янтарь золотой тишины.
 Легкокрылые звёзды ныряют в ночи.
 Утомлённо прильну к дорожному плечу –
 Я без слов понимаю, о чём ты молчишь,
 Ты без слов понимаешь, о чём я молчу...

Не услышь...

Забегу на цыпочках в тишину,
 окажусь у бездны в немом плену,
 лишь мятежный ветер завоет с крыш,
 только ты, пожалуйста, не услышь...

Все слова застрянут в потоке звёзд,
 и прольются струи небесных слёз...
 зашуршит, застонет слепая тишь,
 только ты, пожалуйста, не услышь...

Захочу позвать тебя, но смолчу,
 лишь молитву тихую прошепчу...
 и сгребу в охапку твои лучи,
 только ты, пожалуйста, не взыщи...

Я растаю небылью, как снежком,
 прорасту в пустыне твоей цветком...
 многоточат строчки моей души...
 в них следы,
 пожалуйста,
 не ищи...

Мне бы в горы уйти...

Мне бы в горы уйти, сероглазой и дикой,
 от земной суеты и людской пустоты,
 к первозданной траве на холме я приникла бы,
 чтоб послушать, как шепчутся с ветром цветы.
 Я бы синего неба покорною пленницей
 беспокойный свой век до конца б дожидала.
 Не старуха ещё и не красная девица,
 Мать сынам, а умнейшему мужу – жена...
 – Но ведь ты для себя эту участь в молитве
 так просила у Бога, зачем же роптать? –
 ...только с новой силой в отчаянной битве
 рвётся к небу душа помечтать, полетать...
 Я по горным тропинкам, как зверь, осторожно
 с синим ветром могла бы подолгу бродить...
 Но Творец прошептал: «Не проси невозможного,
 Средь людей ты должна свою чашу испить».

И снова дождь...

И снова дождь, и время тишины...
 И август захворал осенней грустью...
 А лето пересматривает сны,
 В которые меня уже не пустит...

У прошлого нет будущих седин,
 А завтра... завтра может не случиться,
 Лишь память, мой дотошный господин,
 Листает пережитого страницы...

О, как неумолимы и легки
 Шаги рассвета за оконной рамой...
 А по стеклу струятся ручейки,
 Моей судьбы рисуя монограммы...

И снова дождь, и время тишины...
 Пора снимать покров с осенних истин...
 И нет уже прелюдии вины
 В предсмертном вздохе одиноких листьев...

Непокорная синева

Серпантин дороги вьётся в горы,
 Словно виноградная лоза...
 Небо в ослепительных узорах
 Синевой впивается в глаза...

Тишиной кричат седые выси,
Величавой манят красотой.
Суету покинувшие мысли
Обретают неземной покой.

Мирозданья крохотной песчинкой
Я стою у Вечности в плену
И мечтаю синей невидимкой
В синеве небесной утонуть...

Синий ветер трогаю руками
И орлом люблюсь в синеве,
И душа летит над облаками,
Что пасутся в синей вышине.

Здесь земное чувствуешь иначе
И отсчёт у времени иной...
И сердца становятся богаче
С этой непокорной синевой.

Молитва матери

В молитве священной колени склонив,
Взывает к Всевышнему Нана,
И лик её светел, лучист и красив,
Как жемчуг со дна океана.

И ангелы нежно несут на крылах,
Как дар Всемогущему Богу,
Молитву, омытую в чистых слезах,
В которой любовь и тревога.

– Молю тебя, о, Милосердный Творец!
Даруй моим детям здоровья!
Пусть искренность чистых и ясных сердец,
Направит по верной дороге!

– Молю тебя, о наш Хранитель Аллах!
Наполни их души любовью!
Не дай им погрязнуть в пороках, грехах,
Наполни их только Собою!

В молитве священной колени склонив,
Взывает к Всевышнему Нана...
И слушает Слышащий вечный мотив –
В ней сила звучит неземная.

Русь и иезуиты. Царь Иоанн IV Васильевич Грозный и иезуит Антонио Поссевино

*Если наше прошлое умерло окончательно,
тогда нет у нас и будущего.*

архим. Константин (Зайцев)

Русь изначально, с самого первого момента своей государственной осмысленности – Крещения святым равноапостольным князем Владимиром, подвергалась постоянному давлению, как с Востока, так и с Запада. Но, если опустошительные набеги с Востока несли русским смерть, разорение и рабство, не затрагивая сердцевины Святой Руси – её Православной веры, то постоянный натиск с Запада изначально носил религиозный характер. Папский престол всевозможными способами стремился втянуть Русскую Церковь в сферу своего влияния. Огнём и мечём, посулами королевских регалий, заверениями в братской любви и обещаниями покровительства «сопрестольника» апостола Петра Рим пытался влиять на правителей Земли Святорусской и склонить их к принятию власти понтифика. Уже в Корсунь, с целью повлиять на выбор князя Владимира и отклонить его от церковного союза с Православной Византией, папой было прислано посольство. Но святой князь дал ясный и решительный ответ посланцам папы: «отцы наши сего учения не прияли суть». Давление на Русских князей продолжили последующие Римские папы Климент III, Иннокентий III, Гонорий III, Григорий VII, Григорий IX (всего более 25 пап), которые пытались использовать в своих целях и оружие наших соседей, и княжеские междоусобицы внутри Руси. Так послы папы Иннокентия III, убеждая князя Романа Мстиславовича в выгодах подчинения Римскому первосвященнику, заверяли его, что папа «мечём св. Петра готов покорить князю Роману соседей и сделать его королём». На что русский князь, обнажив свой меч, ответил папскому послу: «Таков ли меч Петров у папы? Если такой, то он может брать

Евгений Семёнов – диакон Русской Православной Церкви.

Живёт в Москве.

им города и дарить другим, но это противно Слову Божию: ибо иметь такой меч и сражаться им Господь наш Иисусъ Христосъ запретил Петру. А я имею меч от Бога мне данный, и, пока он при бедре моём, дотоле не имею нужды покупать себе города иначе как по примеру моих отцов и дедов, распространивших землю Рускую».

Первым «крестовым походом» на Русь можно считать неудачную попытку Польского князя Болеслава (связавшего «смертельным узлом» судьбу поляков с Римской церковью) совместно с немецкими рыцарями в 1013 году отторгнуть от Руси Волынское княжество. В 1018 году Болеслав, сговорившись с князем Святополком «Окаянным» (женившимся на дочери Болеслава) и получив «благословение» Ватикана, во главе большого войска, набранного из германцев, венгров и печенегов, захватил Киев и присоединил к своему королевству Червенские города западной Руси. Но князь Ярослав на следующий год отбил у Святополка Киев, а в 1030–1031 гг. вернул все Червенские города в состав Руси. Далее дело обращения «варваров-схизматиков» в «истинную веру» продолжили псы-рыцари в 1240 и в 1242 годах. Благоверный князь Александр Невский, разбив на Неве и на Чудском озере т.н. «крестоносцев-меченосцев», остановил занесённый над Русью «рыцарский» меч. Тогда Рим переключился на «ползучую» латинизацию западнорусских земель. Но желание быстро и силой завершить «великую схизму», приведя русских в подчинение Римской курии, только возрастало. Католический историк иезуит П. Пирлинг, комментируя взаимоотношения Запада и Руси в этот исторический период, беззащитно писал: *«Никто не оспаривал Великой Руси у потомков Рюрика и Владимира. Им предоставили спокойно владеть столицей, затерянной в глуши лесов. Но прекрасные и плодородные области Малой, Белой и Червонной Руси, бассейн Днепра с древним городом Киевом по праву должны были принадлежать полякам»*. Последствия такой «принадлежности по праву» для «прекрасных и плодородных» традиционно Православных «земель» Украины и Белоруссии предугадать несложно. Хорошо известно, какими зверскими методами насаждались на захваченных землях латинство и уния папистами. Здесь уместно было бы напомнить особо забывчивым сторонникам «диалога любви с Западом» и показать на примере трагической судьбы западных славян, что несли Руси такие «крестоносцы» и «просветители». Откроем «Путь к совершенству» И.А. Ильина: *«У германцев после военной победы было принято вызывать в свой стан всех знатных людей побеждённого народа. Эта аристократия вырезалась на месте. Затем, “обезглавленный” народ подвергался принудительному “крещению” в католицизм. Не согласные, при этом, убивались тысячами. Оставшиеся – принудительно и бесповоротно германизировались. “Обезглавливание” побеждённого народа есть старый общегерманский приём»*. И как показали дальнейшие исторические события, «аппетит» Ватикана разыгрался так, что, в конечном счёте, достиг и «затерянной в глуши лесов» Русской столицы.

Первый Русский Царь Иоанн Васильевич Грозный прекрасно представлял, с каким мощным противником предстоит в будущем столкнуться Руси, но также Государь понимал и неминуемость этого столкновения. Он знал: иначе нельзя! Иначе – уничтожат Православную Русь. Начав в 1558 году Ливонскую войну не только и не столько «за овладение побережьем Балтийского моря» (как считают большинство историков), Царь Иоанн Грозный намеревался прежде всего остановить многовековой натиск Ватикана. Необходимо было лишить его столь выгодного плацдарма, откуда, по меткому выражению современного

исследователя Н. Прониной *«Святейший престол протягивал свои жадные щупальца не только к Киеву и Минску, но и к самой Москве»*. Разгромив в ходе Ливонской войны Тевтонский орден, властвовавший в Прибалтике 350 лет, Царь Иоанн Грозный защитил и уберёт Русь от величайшего зла и опасности – не только от отторжения исконно Русских земель и распада государственного «тела» Руси, но и от более страшной опасности – распада, умаления прежде всего «тела» Церкви Христовой. *«Из века в век кощунственно прикрываясь знаком креста, рядясь в одежды проповедников “истины” для восточных “варваров-схизматиков”, – отмечает Н. Пронина, – Ватикан стремился, прежде всего, расколоть, сломить Православие, уничтожить духовный иммунитет России, и тем самым лишить её способности к сопротивлению военной агрессии. К XVI веку процесс этот зашёл слишком далеко. Помимо основных западных соседей Московского государства – Ливонии, Польши и Литвы, во власти католического влияния находилась уже почти вся Белоруссия и правобережная Украина. Коварный враг подступил непосредственно к русским землям, и необходимо было действовать как никогда решительно»*.

Если мы взглянем на положение западнорусской Православной Церкви того времени в пределах Польско-Литовского государства, то увидим, что, несмотря на героическую борьбу Церковного народа, объединившегося в Православные братства, происходило неуклонное таяние и умаление Православия в западной Руси. И к моменту воссоединения этого края с Россией в конце XVIII века, оно в основном уже было поглощено унией. Иерусалимский Патриарх Феофан IV, возвращаясь из Москвы после поставления Патриарха Филарета, прибыв в Киев, воочию убедился в жестоких гонениях на Православие со стороны польских католиков и «своих» же изменников-униатов. Православные храмы были опечатаны либо переданы униатам, монастыри опустели, дети умирали без крещения, а покойников вывозили за город и закапывали без отпевания. Ни браков, ни таинств Православных не совершалось. Дошло до того, что во всей Украине не осталось *ни одного Православного епископа*. Вот, что ожидало бы Русь и Церковь Русскую, не будь у неё – Грозного Царя!¹

Здесь необходимо остановиться на ещё одном событии, повлиявшем на все «глобальные» перемены, случившиеся за последние пять столетий в судьбах всего Христианского мира. В 1539 году Игнатием (Иньиго) Лойолой был основан новый монашеский орден, известный всем как орден иезуитов. Объявив своей целью вернуть в лоно католической церкви «заблудших», члены ордена к трём основным монашеским обетам давали четвёртый – верность папе и беспрекословное повиновение главе («генералу») ордена. О тайных, грязных и далеко не «монашеских» деяниях этого ордена (даже само упоминание имени – «иезуит», стало нарицательным) написано очень

¹ Весьма поучителен для нас в этой связи трагичный пример несчастной Чехии. Чехия, как и Польша, ещё в начале тысячелетия попавшая в орбиту папского влияния, с 1620 по 1648 год была разгромлена в ходе Тридцатилетней войны Габсбургскими австрийскими императорами (воспитанниками и ставленниками иезуитов). К 1648 году из 2 миллионов чехов осталось лишь 800 тысяч. Чешские земли оказались в руках немецкой, итальянской и испанской аристократии, церковь, религия, образование и школы – в руках иезуитов. Три столетия на чешском престоле находились чужеземные католические монархи, а Православие в Чехии практически сошло на нет.

много. Ю.Ф. Самарин, русский публицист и философ называл иезуитство «нравственной заразой, способной отравить всякую общественную среду». Приведём одно лишь его высказывание, раскрывающее суть сей организации: *«Иезуитский орден разрешил “великую задачу”, совершил “Мировую сделку” – водворил в душе человека “унию” между истиной и ложью, добром и злом, Божьей правдой и человеческой неправдой. Можно сказать, что все жизненные соки, вся душа латинства ушли в него и что, с первой минуты своего появления на свет иезуитство воплотило в себе всю сущность, весь смысл латинства и стало на его место»*. Монашеским орден иезуитов назвать можно лишь с огромной натяжкой: члены ордена могли жить в миру, иметь семьи, носить цивильную одежду, заниматься торговлей и банковским делом, состоять на государственной службе в любой части света. Члены ордена посвящали себя не столько Господу Богу и спасению своей души, духовно возрастая постом и молитвою, сколько упражнялись в «укреплении воли», в обучении разнообразным приёмам интеллектуального и духовного влияния на людей на основе «приспособленческой» морали. Отличительной чертой иезуитов является духовная «мимикрия» и «приспособленчество» под любые национально-культурные традиции. В иезуитстве всё допустимо и даже обязательны «двойные стандарты» и обман; лжесвидетельство и принесение ложной «присяги»; прелюбодеяние и убийство. Всё ради «благой» цели. «Цель освящает (оправдывает) средства» – истинно иезуитский девиз. По-военному дисциплинированная структура ордена и полное отрицание таких «условностей», как нравственный закон, совесть и порядочность, позволили иезуитам приобрести огромное влияние в мире для повсеместного распространения власти «непогрешимого» Римского престола. Иезуиты сосредоточили свои усилия в таких областях церковной деятельности как миссионерство, учёба и образование, исповедь и «духовничество», что позволило им влиять на всю систему церковного и светского образования, наводнив для этого все школы Европы своими бакалаврами и магистрами. Также иезуиты стали «духовниками» практически всех монархий особ Западной Европы (ясно, что тайна исповеди для таких «духовников» являлась пустой формальностью). Западно-Европейские государства и их монархи, которые и до этого находились под «прессом» папской авторитарности, теперь становились «пешками» на мировой шахматной доске «гроссмейстеров» в малиновых ермолках.

Государь Иоанн Васильевич как никто другой чувствовал ядовитое дыхание приближающейся «смуты» и боролся с ней всей мощью своей души. Великий русский историк И. Забелин, вступившийся за доброе имя Царя Иоанна, писал: *«Если б не было Иоанна Грозного, смутное время началось бы на 100 лет раньше и его счастливое окончание было бы более чем сомнительно»*.

В 1453 году окончательно пал под ударами «агарян» Второй Рим – Константинополь. Религиозное сознание Православного мира восприняло это как свершившийся Суд Божий за измену Православию. В 1439 г. Император, Патриарх и весь собор архиереев греческих, уступив «папешникам», пошли на сговор с еретиками, подписав Флорентийскую унию. После заключения Флорентийской унии (поскольку самым горячим её сторонником был навязанный греками Москве митрополит-предатель Исидор) Рим самым пристальным образом следил за Русской Православной Церковью, дабы не упустить любую возможность вовлечения Русской Церкви в сферу

влияния Ватикана. Папы на протяжении всего XV и начала XVI вв. воспринимали все посольства Великих князей Московских, направляемые в Рим для установления торговых и межгосударственных отношений, как желание Москвы склониться под власть римского первосвященника и признать его главенство над всей Церковью. Такие иллюзии римского престола подкреплялись различными (чаще всего преследующими свои личные или корыстные цели) осведомителями и шпионами римской курии, которые докладывали, что «Московские князья намерены восстановить объединение церквей». Более того, и сами Великие князья Московские не спешили развеивать эти «мечтания» пап и вернуть их к реальности, тонко используя это обстоятельство в своей внешнеполитической дипломатии. Все русские посланники, соблюдая «дипломатический политес», вежливо выслушивая доводы католиков о выгоде принятия власти папы, оставались при своём: «папы отступили от истинного Христианства» и «Православная вера лучше католической, потому что для католиков важнее деньги и власть, чем спасение души». Большие надежды на то, что наконец-то можно будет втянуть Москву в переговоры по установлению унии, в Риме связывали с женитьбой Великого князя Иоанна III на Византийской царевне Софье. Царевна Софья после смерти своего отца императора Фомы Палеолог пребывала в Сиене под покровительством римского папы Сикста IV. В 1472 году папа через свою тайную консисторию получил от своего посланца письмо, в котором его заверяли, что Великий князь Иоанн III «предан» папе и в знак своей «преданности» передаёт в подарок 60 шкурок горноста. Расценив это как готовность к переговорам, папа отправляет сопровождать царевну Софию в Москву целое посольство во главе с епископом Антонием Бонумбре, уполномоченным вести переговоры с Великим князем Московским. Целью переговоров было привлечение Иоанна III к участию в крестовом походе против турок и установление унии с Римом. Но «переговоры» (если можно так назвать несколько бесед князя Иоанна с епископом) показали, что планы Рима неосуществимы, не говоря уже о том, что папскому легату пришлось терпеть уничижительное отношение к себе, как к посланнику Римского престола. Сообщения же о намерениях Московских князей «принять католическую веру и главенство папы, подчинить Русскую Церковь Римскому понтифику и получить от папы титул короля» продолжали поступать и от папских осведомителей, и от т.н. «Московских послов» (иностранных торговых агентов) всем последующим папам. И папы (Александр VI, Лев X и Климент VII) с надеждой на осуществление своих планов посылали в «Московию» одного за другим своих легатов и нунциев. Но все они (если и добивались до Русской столицы) по своему возвращению констатировали: «Московское Царство и Русская Церковь отрицают папство и утверждают, что в католичестве отсутствует истинное Христианство». Это не заставило Рим отказаться от своих планов касательно унии. Очередной нунций папского двора епископ Кастеламарский должен был побудить Польского короля начать переговоры с Великим князем Московским Василием III и уговорить его подчиниться Риму. Далее, пребывая в Москву, нунций должен был выяснить, «придерживается ли Московский князь ещё тех обещаний, которые были даны некогда греками и русскими во Флоренции». Стимулом для положительного ответа на этот вопрос должно было послужить обещание получения князем Василием III королевского титула от папы, а Русской державе стать королевством. Но война польской короны с «московитами» попросту сорвала переговоры. Надежды

Рима оживились в связи с настойчивыми сообщениями посланника магистра ордена немецких рыцарей Дитриха фон Шёнберга, который заверял, что «в Москве нет отрицательного отношения к унии».

Так продолжалось вплоть до 1548 года, когда Ганс Шлитте из Гослора, представ перед германским императором в качестве «доверенного лица» Царя Иоанна IV Васильевича (не предоставив при этом никаких грамот), попросил прислать в Москву учёных, ремесленников и архитекторов, которых он готов был сопровождать в Московию. В Рим вновь полетели заверения от императора Карла V и от его стольника, и от папского нунция, что «Московская церковь готова на соединение с Римской и на создание союза христианских королей против турок». Но в Риме, несмотря на все «заверения» подобного рода, как ни старались, не видели хотя бы каких-либо заметных признаков того, что «Московиты собираются покончить со схизмой». На самом деле, Царь Иоанн и не думал вступать в какие-либо союзы с Западными «христианскими» королями для завоевания Святой земли римским папам. Вскоре «доверенное лицо» Ганс Шлитте оказался в тюрьме за долги. Вместо него в «игру» вступают Иоганн Штейнберг, австрийский дворянин и императорский стольник граф Эберштейн – шпионы германского императора. Под видом заботы об «обеспечении Москвы квалифицированными кадрами» они решили «привязать» молодого Царя Иоанна к «Западным ценностям» и как «союзника против турок» преподнести от лица германского императора римскому папе, который в свою очередь, должен будет уговорить Польского короля заключить мир между Польшей, Немецким орденом, Лифляндией и Москвой, столь необходимый Германии. После чего император возглавит новый крестовый поход и освободит Гроб Господень. «Какую пользу это принесло бы церкви, – доказывал на личной аудиенции у папы Штейнберг, – какую это принесло бы славу лично папе и всему христианству! Исполнилась бы давнее желание пап о завоевании Святой земли». При этом Штейнберг высказал полную уверенность, что с помощью графа Эберштейна и благословения папы, он добьётся успеха в Москве. Но Польский король и иезуиты, влиявшие на короля через его секретаря Альберта Кжицкого, были категорически против данного «проекта» германского императора. В случае его реализации Московский великий князь, получив титул короля, вернёт себе все западные Русские земли, завоеванные Польшей, а иезуиты утратят своё влияние на местное население в этих областях, которое снова перейдёт к Русской Церкви. Начались бесконечные проволочки и задержки. Но Штейнберг находит поддержку у кардиналов специальной конгрегации Рутео и Пичино, которые снабжают его посольство папскими грамотами и условиями, на которых Штейнберг должен вести переговоры. Условия Ватикана были следующими:

– Великий князь будет титулован папой королём, о чём папа объявит всему миру;

– Иоанн Васильевич должен будет принести клятву в верности и послушании папе;

– Московский примас (митрополит) будет утверждаться папой в качестве примас-легатуса натуса, после чего он должен будет принести клятву в верности и послушании папе;

– Новый король и новый примас должны предпринять все необходимые усилия для скорейшего осуществления унии;

– Должен быть заключён мир между Москвой и Польшей, с Немецким орденом и с Лифляндией, в интересах борьбы с турками.

Но Польша обратилась к услугам канцлера и верховного маршала Литвы князя Радзивилла, который уговорил брата императора Карла V короля Фердинанда, выступить перед папой противником данного проекта, что и заставило Рим пойти на попятную. Штейнберг и Эберштейн так и не отправились в Москву. Началась Ливонская война.

Спустя семь лет Римский папа вновь попытался заключить в свои «объятия» Московского Государя. Рим, видя успехи войск Русского Царя Иоанна IV в Лифляндии (части Германской империи), стал провозглашать Царя Иоанна борцом с еретиками и победителем над лютеранами. Германский император Максимилиан II, увидев в этом опасность своей политике, обратился к папе, убеждая его, что Иоанн Грозный и католиков, и лютеран считает еретиками, и если папа присвоит ему титул короля, то он (папа) нанесёт оскорбление лифляндскому сословию и Польскому королю. В Риме притихли, но папская курия продолжала посылать своих посланцев «зондировать почву», надеясь всё же заключить унию с Московитами.

Папский посол Иоганн Кобенцель, побывав в Москве (1575–1576 гг.), по своему возвращению докладывал папе Григорию XIII: *«Я убежден, что можно бы без особенных усилий возвратить сей народ на лоно Римской церкви, потому именно, что он, по-видимому, от нея не отступал, но принял то же учение о вере, которому последует Греческая церковь, и нельзя не удивляться усердию и ревности, с которыми он сохраняет это учение до сего времени. Посему есть причина думать, что уразумеет своё заблуждение, которое впрочем не существенно, он немедленно приступил бы к духовному союзу с нами; а присоединение его, увеличит наше число, втрое вознаградило бы потерю, понесённую нашей церковью, в минувшие годы в Немецкой земле и во Франции. Посему не следует щадить усилий для привлечения его на нашу сторону: такое дело прославит наш век»*. Он же рекомендовал папе иезуита Варшевицкого, ректора Виленской коллегии, как наиболее подходящего для этой «миссии». Папа Григорий XIII так «возбуждался» этим докладом, что решил поручить «сие дело» любимым ему иезуитам.

И вот здесь-то прозвучала, ещё не отточенная, но уже достаточно оформившаяся идея решения Римской курией «восточного вопроса». Предлагалось: после «объединения двух церквей», Русский Царь может претендовать на престол Византийских императоров, а в случае если Царь Иоанн откажется от объединения церквей – добиться, чтобы он отказался от верховенства Константинополя и признал верховенство в Русской Церкви *назначенного папой Московского Патриарха*. Тесная связь между Церковью и государством в Московском Царстве теперь виделась отцам нового «проекта» не как препятствие, но как благоприятный фактор. Для Царя и Великого князя Московского московский патриархат имел бы важное политическое значение. В Риме полагали, что этот Московский патриархат со временем станет *во главе* всей Восточной Церкви, и тогда наконец-то можно будет приступить к всеобщей унии. Реализация этого «проекта» решала вопрос о признании «Святейшего престола» Вселенским патриархом и переносе его (патриархата) в Москву. Местопребывание Вселенского патриарха в Москве (при условии заключения мира между Москвой и Польшей) имело бы то преимущество, что православные, живущие в княжестве Литовском, во Львове и среди других народов Восточной Европы, легче перейдут под верховенство такого патриарха, чем под верховенство патриарха, живущего под властью султана. Осуществление этого «проекта», в представлении его авторов, было бы следующим шагом на

том пути, на который толкали (и продолжают толкать и заманивать) Православную Церковь творцы Ферраро-Флорентийского (1439 г.) безумия.

В Польше же по прежнему делали ставку на силу, надеясь, мечом шляхты прервать могучий рост Московского Царства, видя в нём не просто конкурента и сильного соседа, а именно врага всем своим чаяниям и намерениям – «Великой Польши от моря и до моря». Здесь хотелось бы вкратце остановиться на общеевропейской политической ситуации и деятельности иезуитов, накануне новой интервенции католического Запада против России. Не нужно забывать и то, что XVI в. был веком ожесточённой религиозной борьбы в Западной Европе. *«Борьба эта отразилась и в Восточной Европе, католицизм свои потери на Западе старался вознаградить на Востоке»* – писал русский историк XIX века Е. Белов. После Люблинской унии и возникновения Польско-Литовского государства иезуиты стали подготавливать церковную унию в Западной Руси, обращая свои «вожделенные» взгляды и на Московскую Русь. *«Историк не должен забывать то обстоятельство, – продолжает Е. Белов, – что время войны Грозного с Западом, было временем усиленной деятельности иезуитов для создания церковной унии»*, добавляя при этом, что *«поэтому-то католики и писали о Грозном как о злодее, ибо видели в нём препятствие к задуманной унии»*.

Уже более десяти лет Россия ведёт тяжелейшую Ливонскую войну за возвращение исконно русских земель «отчины» и «дедины» с выходом к Балтике. Войны, потребовавшей огромного напряжения всех сил Русского государства против мощного, коварного противника, угрожавшего не только территориальным владениям Русского Царя, но и намеревавшегося расколоть, сломить Православие – главную духовную опору страны, лишив её тем самым способности к сопротивлению как военной, так и духовной агрессии со стороны католического Запада. Уже разгромлен Тевтонский орден – форпост Ватикана против «восточных варваров-схизматиков». Десятки Ливонских крепостей заняты войсками Грозного Царя. Несмотря на ряд неудач и поражений, произошедших по причинам или прямого саботажа, или же когда княжеско-боярская элита «оплошася небрежно», русский боевой дух и воля к победе пребывают на подъёме. Наши – Нарва, Юрьев (Дерпт), всё устье Невы с выходами к морю и все Ливонские земли вплоть до Двины. Формируется и укрепляется регулярная армия и военное производство. При мощной государственной поддержке успешно развивается внешняя торговля России с Западной Европой. Зачинается русский флот. Но, начиная с 1567–68 годов, восторженные отзывы ганзейских купцов на рейхстагах о «небывалой выгоде от русской торговли», сменились на голоса: «о страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро Московит утвердится в Ливонии и на Балтийском море». Все дальнейшие события стали напоминать хорошо продуманную «шахматную партию» против Москвы.

1 июля 1569 года была утверждена Люблинская уния, провозгласившая рождение Речи Посполитой – «Великой Польши от моря и до моря», унаследовавшей при этом от Великого княжества Литовского все ранее захваченные им украинские и белорусские земли. *«Речь Посполитая – отмечает Н. Пронина, – с самого начала поставила себе целью не только закрепить за Польской короной уже наличные земли, но и присоединить те русские области и города, которые были утрачены Литвой в ходе войн конца XV – начала XVI*

века в пользу Московского государства». На западной русской границе утвердился сильный и далеко не дружелюбный сосед.

Король Стефан Баторий пришёл к власти (1576 г.) с помощью протестантского мелкого дворянства. Но сам лично придерживался католической веры и прекрасно понимал, что удержаться у власти и осуществить все свои «имперские» планы возможно, только если он будет опираться на католическую церковь. В это время католики с помощью иезуитов начали наступление на Реформацию. Иезуиты превратили Польшу в центр католической пропаганды и контрреформации в Восточной Европе. При полной поддержке короля и папских нунциев, иезуиты твёрдо взяли в свои руки процесс обращения в католицизм, как протестантов, так и православных. По всей Европе основываются иезуитские коллегии и университеты. Польша стала – и это касалось, прежде всего, православных, проживавших на захваченных Польшей белорусских и украинских землях – исходным пунктом папской политики в отношении унии с православными.

Швеция, которая до этого вела самостоятельную и независимую от папской курии политику, становится объектом пристального внимания иезуитов. Король Швеции Эрик XIV сын Густава Вазы имел все основания не доверять посланцам папского престола. Ещё за год до Люблинской унии он просил находившихся в Стокгольме русских послов «проведывати про стекольских людей про посадских измену, что оне хотят королю изменить, а город хотят здати королевичам». Измена стокгольмского посада привела к государственному перевороту, и Эрик XIV был свергнут с престола, посажен в тюрьму и потом убит по приказу брата Иоганна (Юхана) III. Всё это тут же повлекло за собой изменение не только внешнеполитической линии самой Швеции, но и расстановки сил во всей Западной Европе. После переворота Швеция заключает невозможный до этого союз с Польшей, страстным сторонником которого был пришедший к власти Иоганн III, злейший враг Москвы. *«В Швеции свержение Эрика XIV – пишет историк, академик Р.Ю. Виппер, – и вступление на престол его брата Юхана III, женатого на Ягелонке, сестре Сигизмунда II, объясняет нам союз скандинавского государства с Польшей»*. Дальше – больше: шведское правительство расторгает заключённое ранее двадцатилетнее перемирие с Россией, но при этом заключает мир с Данией, сдерживаемой до этого Эриком XIV в течение семи лет, не давая ей возможности активно включиться в Ливонскую войну. Теперь и на севере неожиданно появился противник, оценку которому дал академик Р.Ю. Виппер: *«Противник странный, запирающий Москве морские выходы, но который не мог взять от этого сам промышленной и торговой выгоды, ибо не имел индустрии и не занимался транзитом, но который с успехом исполнял роль тормоза в отношении Москвы, задерживая столь опасный в глазах Польши и Германии, культурный рост многочисленного и способного народа русского»*.

Смерть Эрика XIV, убитого по приказу Иоганна III, была воспринята в Риме как готовность Швеции к рекатолизации. Швеция становится объектом повышенного интереса иезуитов. К королю Иоганну III направляется папский посол-иезуит, чтобы лично обсудить «религиозные вопросы». Согласно ватиканским актам король заявил, что он будет придерживаться католической веры и приложит все усилия, чтобы эта вера «почиталась» по всей стране. Для этого он просит у Святого престола «достойных людей себе в помощь». Здесь мы и встречаемся с иезуитом Антонио Поссевино. Прибыв в Стокгольм в 1577 г. с ещё несколькими иезуитами в мирской одежде, Поссевино

убеждается, что работа, проведённая его «собратьями» дала свои результаты, королевский двор и дворянство в целом придерживаются «католического настроения». Поэтому Поссевино первой задачей считает миссионерскую деятельность среди населения. Для этого он отправляет своих «соработников» в Данциг, а сам остаётся при дворе. Вскоре сей «искусный дипломат» завоевал полное доверие не только у короля, но и огромное влияние при его дворе. Докладывая о своих успехах в Рим, Поссевино «скромно» упоминает, что «после моей проповеди, король со слезами бросился ко мне в объятия, воскликнув: “Я навечно заключаю в объятия тебя и римскую церковь”. После чего король выразил готовность принять Тридентский Символ веры и исповедовался». Поссевино отпустил ему грех братоубийства и причастил его по римскому обряду. Но вскоре выяснилось, что Иоганн страдает приступами истерии и не отличается постоянством. Тем не менее, Поссевино мог считать, что Рим приобрёл политического союзника, благосклонно относящегося к католицизму. В Стокгольме неуклонно растёт число посланников католической церкви, и в стране начинает укрепляться католическая вера. Антонио Поссевино с чувством выполненного долга покидал Швецию в сопровождении группы молодых людей, пожелавших поступить в иезуитские коллегии (проверенный годами «ход конём» иезуитов). В своём отчете папе Поссевино настоятельно предлагал принять в иезуитскую коллегию в Браунсберге юных скандинавов – будущих священнослужителей и профессоров для скандинавских семинарий. В 1579 году Антонио Поссевино, «апостольский легат и викарий всех северных стран», вновь посещает Швецию, на этот раз уже в одежде иезуита. Он убеждается, что Иоганн III, ненадёжный, нерешительный и истеричный король, который, к тому же, уже «охладел» к иезуитам, увидев всю их лживость. Поэтому целью миссии Поссевино становится укрепление в католической вере наследника престола, сына Екатерины Ягеллон, будущего польского «короля-иезуита» Сигизмунда III. Оставшись довольным своими результатами, Антонио Поссевино покидает Швецию, оставив целую группу иезуитов блюсти интересы римской церкви.

После всех перечисленных событий политическая ситуация в Западной Европе резко изменилась. Римский престол вынужден был пересмотреть свои планы относительно церковной унии. Папа, увидев в новой войне против Москвы «благоприятное средство» для реализации своих планов, решил поддержать воинственный дух Польского короля Стефана Батория, прислал ему со своим благословением освящённый меч и обещал помощь других христианских государей. А папский нунций в Польше убеждал короля, что если «побеждаемый» Московский Царь будет просить мира, то одним из условий мира должно стать требование перехода Царя со всем его царством в латинскую веру. Король обещал, и за дело принялись «рыцари войска Польска» Стефана Батория и «рыцари плаща и кинжала» – иезуиты. Начался новый этап в никогда не прекращавшейся войне Запада со Святой Русью. Но получив достойный отпор в прямом военном столкновении с Московским Царством, Запад так и не добился главной своей цели – сломить Русский дух, разрушить Церковную ограду – Державу Русского Царя и, поставив на колени Православный народ, принудить «Московитов» к признанию «главенства» Римского престола.

Данный исторический период был ознаменован победами дипломатии Царя Иоанна Васильевича. Переговоры с Баторием закончились заключением перемирия. Одновременно шли (и весьма удачно) переговоры с германским

императором. Царь Иоанн Грозный начинает переговоры с крымскими татарами, желая замирить их и обезопасить свои южные границы. В переговорах между Москвой и Данией дело дошло до того, что Дания признавала за Царём Иоанном Ливонию и Курляндию. Но Баторий (читай иезуиты), сговорившись со Швецией, выступили «единым фронтом» против России. Добившись первых успехов (Польско-Литовские войска захватили Великие Луки, а шведы подступили к Нарве), «военная машина» Батория забуксовала и завязла под Псковом. Современный историк Скрынников И.Г. отмечает, что, невзирая на поддержку всей католической Европы, Польша в своей агрессии против России, с каждым годом слабела, тогда как сопротивление русских только усиливалось. *«Так, в итоге первой кампании на Восток, сорокатысячная королевская армия добилась успеха, завоевав Полоцк. В ходе второй кампании почти пятидесятысячная рать затратила все свои усилия на покорение небольшой крепости Великие Луки. В последней кампании польское войско так и не смогло овладеть Псковом».* Катастрофа поляков достигла апогея под неприступными стенами Пскова. Вот, что писал канцлер Ян Замоиский, руководивший осадой города: *«Положение войск тяжелейшее. Я не продержусь более восьми дней. Надо или скорее заключать мир, или с посрамлением отступить от Пскова».* Ему вторит иезуит Пиотровский – составитель дневника последнего похода Стефана Батория: *«не имеем ни порохи, ни ядер, ни людей, а русские всё более и более укрепляются. Не знаю, что далее будем делать. ...Провиант добываем за 12 миль от лагеря, да и то с большой опасностью. Русские захватывают лошадей, провиант и всё прочее... солдаты дезертируют от холода, босые, без шапок и платья, страшно дерутся с жолнерами из-за дров, которые привозят в лагерь, отнимают друг у друга еду, платье и обувь, жалобы и ропот на всё... воровство в лагере страшнейшее».* Нужно было садиться за стол переговоров. Русский Царь нуждался в мире так же, как и поляки, поэтому Государь Иоанн Васильевич решил для переговоров прибегнуть к посредничеству императора Рудольфа II и Римского папы. Но император, ещё загоя получив от папы наставления не принимать участия в переговорах, от посредничества устранился. Именно в это время, воспользовавшись сложной для Москвы военной и внешнеполитической ситуацией, Рим выступил в роли «посредника», попытавшись включить в переговорный процесс и Швецию. Папа отправляет в Москву своего посланника иезуита Антонио Поссевино. Прикрываясь благим делом установления мира с Польской короной и освобождения христиан от ига мусульман, иезуит должен был склонить Благоверного Царя Иоанна Васильевича к участию в новом крестовом походе и к признанию власти Римского понтифика, обещая «дружбу» и покровительство Ватикана, постараться навязать Русской Церкви унию с римо-католиками.

Перед своим отъездом из Рима Поссевино вместе с письмами папы Григория XIII к Московскому, шведскому и польскому дворам, получил тайные инструкции кардинала ди Комо, руководившего в курии отправкой Поссевино в Москву. Согласно этим инструкциям папский легат Антонио Поссевино должен был при личной аудиенции у Московского Царя заверить Иоанна Васильевича, что «папа желает, чтобы между ними (папой и Царём Иоанном) царили единство и любовь». Поссевино должен был убедить Царя Иоанна, что папа искренне заинтересован в установлении мира между Москвой и Польшей, для этого он посылает своего полномочного представителя Антонио Поссевино. После того как мир (дело уже решённое) будет установлен, Поссевино

необходимо будет убедить Царя Иоанна, что «мирный договор» был заключён исключительно заботой папы и «единственно благодаря его авторитету и влиянию». Папа добивался мира для утверждения давно желаемого им союза Московского Царя с прочими христианскими правителями для борьбы против общего врага Христианства – Турции. Для достижения именно этой цели папа и взял на себя долг «миротворца». Только после этого Поссевино надлежало перейти к «важнейшему моменту своей миссии – к вопросу о вере». При этом иезуит должен был, используя все свои «таланты» убеждения (проверенные не раз в Европе), изложить логику учения католической церкви о «главенстве папы» и склонить Царя Иоанна к подчинению Риму, приведя следующие «аргументы»:

– Поскольку Царь Иоанн «дал согласие на антитурецкий союз», то этот «союз» должен быть закреплён «духовным единением с римской церковью».

– Чтобы понять католическую веру, Царю Иоанну «необходимо признать папу в качестве главы и пастыря церкви, поскольку папа с самого начала был признан христианскими князьями главой церкви».

– Рим – местопребывания папы – «город, занимающий первенствующее место среди всех других городов. Некогда Рим был главным городом мировой державы, теперь же он ещё более известен, как город заместителя Христа, город, где покоятся тела апостолов Петра и Павла, и множества других святых».

– Для Царя Иоанна нет и не будет «более разумного и благочестивого дела», чем «подчиниться авторитету святых апостолов и отцов, святому учению церкви и решениям четырёх Вселенских соборов, которые подобно четырём Евангелиям, заповедуют и учат, что римского папу следует чтить как единственного истинного пастыря, заместителя Христа и как главу воинствующей католической церкви».

– «Такая церковь может быть только одна, и она ведёт Христово стадо, единое в вере, в послушании и любви».

– Все эти «истины» поддержаны «авторитетом Флорентийского собора, решение которого одобрено греческим императором. На нём присутствовали виднейшие отцы и теологи восточной и западной церквей, на его решениях покоится Святой Дух и они приняты с Его помощью».

Далее А. Поссевино должен был внушить Царю Иоанну, что «Апостольский Престол – мать и учитель всех христиан, он ведёт весь мир к постижению спасения в Царстве Небесном. Апостольский Престол чтит христианских князей и присваивает им великие титулы. Иоанн может надеяться получить у этой благочестивой и любящей матери вечное спасение, а также ожидать достойного возрастания своей мощи и уважения к себе – при условии, что он присоединится к католическому единству». В конце своих наставлений А. Поссевино должен был «посоветовать» о том, что «в какой недостойной и неподобающей ситуации находится московская церковь, находясь под духовным верховенством Константинополя, города, находящегося во власти турок. Насколько почётнее было бы для Иоанна вместе с другими христианскими князьями признать Римского папу пастырем церкви».

Надо отметить, что и в Москве готовились к приезду папского легата. Необходимо было урегулировать вопросы, связанные с оказанием почестей А. Поссевино и решить, пускать ли его в храмы и монастыри. Царь Иоанн Васильевич обратился к митрополиту Московскому и всея Руси Дионисию, который, собрав ближних архиереев, возвестил, что согласно Лаодикийскому

собору, еретикам запрещается посещение православных храмов, и совместная молитва с ними грозит извержением из Церкви. После общего рассуждения было решено:

– Антонио Поссевино не должны сопровождать никакие знаки папской власти, чтобы почести, оказываемые ему как послу, не были приняты за почести, оказываемые папской властью;

– не требовать от него принятия благословения (целовать руку) в случае встречи с русским архиереем;

– поскольку Поссевино принимают (несмотря на его сан) как посла и посредника на переговорах, было решено допустить его в храмы, если он сам изъявит к тому желание, но никаких совместных молитв не совершать.

Отметим наперёд и то, что когда иезуит перейдёт к вопросам о вере, Царь Иоанн Васильевич никогда не отвечал ему «от себя» (и не потому, что был «слаб» в подобных вопросах), а выносил рассмотрение догматических и литургических различий в вере на Церковный Собор, которых, за время пребывания А. Поссевино, было три. Но об этом умалчивает и сам посланец папы в своих «мемуарах», и практически все историки, повествовавшие о посольстве Поссевино.

По пути в «Московию», А. Поссевино посещает Стефана Батория, обсуждает с ним условия мира, а заодно, добивается у него разрешения на конфискацию в пользу иезуитской коллегии (реорганизованной в университет Ордена Иисуса) в Вильно части имущества Русской церкви. В августе папское посольство (через Оршу и Смоленск) прибывает в Старицу, где в это время находился Царь Иоанн Грозный. Первая встреча Антонио Поссевино с Государем Иоанном Васильевичем Грозным состоялась 18 августа. Папский нунций, преподносит Царю Иоанну Грозному подарки от Римского престола: распятие из горного хрусталя с частью Святого Древа Креста Господня, дорогие чётки и богато украшенную книгу о Флорентийской унии на греческом языке. Всего в Старице А. Поссевино шесть раз беседовал с Царём Иоанном Васильевичем, но все беседы были непродолжительными. Было решено «вопросы веры» отложить до заключения мира между Москвой и Польшей. Папский легат начал с того, что «доверительно» предупредил Царя Иоанна о намерениях «кряля Стефана отъять Псковскую, Новгородскую и Смоленскую земли». Но Московский Царь может предотвратить это, если согласится на унию с Римом. Поссевино заверял Царя Иоанна Васильевича, что он как посланец папы «призвал Батория к миру, чтобы тот перестал проливать христианскую кровь, тогда можно было бы направить оружие против общего врага – турок». Для этого он (Поссевино) и добивается мира и согласия не только между Москвой и Польшей, но также и между Москвой и Швецией, чтобы заключить союз против турок. Только в конце последней встречи Поссевино коснулся вопросов веры. Заверив Царя, что папа вовсе и не требует, чтобы Москва пожертвовала Православной Литургией, он обратился с прошением к Царю Иоанну о постоянном сопровождении торговых делегаций из Венеции двумя католическими священниками и о строительстве католического храма в Москве. В ходе переговоров о мире с Польшей, А. Поссевино убедился, что Царь Иоанн Васильевич и его советники нисколько не уступают ему в дипломатическом искусстве. С удивлением Поссевино отметил, что Государь обладает острым умом, разнообразными знаниями и располагает огромным, находящимся в прекрасном состоянии архивом, из которого в любой момент он может извлечь нужный документ. Государь Иоанн Васильевич Грозный

твёрдо отклонил предложение привлечь к переговорам Швецию, после чего дал своё разрешение венецианским купцам привезти с собой в Москву священнослужителей, если такое же позволение будет дано русским купцам в Италии, а в строительстве католического храма отказал.

Антонио Поссевино отправляется в лагерь Батория, где его ждали с большим нетерпением. Канцлер Ян Замоиский, до этого откровенно брезговавший общением с Поссевино, теперь всячески обхаживал его, соглашаясь со всеми доводами иезуита. Баторий продолжал настаивать на своих притязаниях на всю Ливонию, Псков, Новгород и Смоленск, и требовать от Царя Иоанна огромную контрибуцию. Торг продолжался до начала следующего 1582 года. 15 января 1582 г. в местечке Ям-Запольский между Московским Царством и Польско-Литовским государством было подписано *перемирие* (особо подчёркиваем, не мирный договор, как пишут различные «историки», а перемирие, что является весьма существенной разницей в дипломатической лексике). Согласно Ям-Запольскому перемирию Речь Посполитая обязывалась оставить оккупированные ею русские города: Великие Луки, Холм, Невиль и Велиж. А Русское государство, со своей стороны, обязывалось передать территории, находившиеся прежде под Ливонским орденом и занятые войсками Грозного Царя, за исключением Новгородка Ливонского и ещё нескольких Ливонских городов и замков. Русским отходила и крепость Себеж. Кроме того, Польский король полностью отказывался и от требуемой им ранее громадной контрибуции. Причём, строго подчеркивалось, что Москва уступает только те территории в Ливонии, которые были захвачены поляками, но никак не шведами. Это важное политическое решение, столь настойчиво и твёрдо продиктованное Царём Иоанном Васильевичем Грозным, свидетельствовало о том, как пишет историк Б. Флоря, что *«Грозный намерен был заключить мир с Польшей исключительно с целью высвободить силы и сосредоточить их на борьбе со Швецией»*. Итогом подписания этого документа стало то, что «Россия, в условиях крайне неблагоприятной обстановки, проявив высочайшее мужество русских войск и лучшие качества русской дипломатии, вынудила Речь Посполитую отказаться от широких планов агрессии и от своих претензий на Псков, Новгород и Смоленск» (История Дипломатии Т. I, с. 202). Документ был подписан на 10 лет и рассматривался Государем Иоанном Васильевичем как вынужденная и временная передышка. И только смерть (без всякого сомнения, преждевременная и насильственная) Царя Иоанна, этого исполина Русской Истории, не дала ему возможность полностью осуществить задуманное и продолжить борьбу.

14 февраля 1582 г. Антонио Поссевино прибыл в Москву, считая, что полдела сделано. Он, как главный «миротворец», явно «угодил» Царю Иоанну, который теперь-то обязательно пойдёт на уступки в «вопросах веры» или хотя бы на компромисс с Ватиканом. Перед А. Поссевино стояли две задачи. Во-первых, договориться о заключении «союза» христианских правителей против турок. Во-вторых, «восстановить» единство Москвы с папством. Поссевино был оповещён и убедился сам, что Царь Иоанн Васильевич блестящий оратор, всесторонне образованный и, самое главное, глубоко верующий христианин, обладающий глубокими знаниями Священного Писания, догматов, правил и истории Церкви. В Европе были наслышаны о том, как в 1570 г. Царь Иоанн Васильевич в богословском диспуте полностью посрамил протестант-евангелиста проповедника из числа богемских братьев Яна Рокиту. Поэтому, Поссевино решил действовать «осторожно». Необходимо было «нащупать»

возможные подходы к Царю Иоанну и «пробить брешь» в той стене «непонимания и незнания», которая (как он считал) стояла между Москвой и Римом.

А. Поссевино начал с разъяснения, что «папа отнюдь не намеревается убедить Царя Иоанна оставить глубокоуважаемую греческую веру, как её исповедовали отцы церкви. Греческая церковь Афанасия, Иоанна Златоуста, Василия Великого связана нерушимыми узами с римской церковью. Следовательно, никакого разрыва с высокоуважаемой византийской церковью и не произошло. Следует всего лишь отказаться от новаций и произвола, привнесённых Фотием (Константинопольский патриарх 877–886 гг.) и Михаилом Керуларием (Константинопольский патриарх 1043–1058 гг.). Важно то, что мы все едины во Христе. Поэтому предложения папы продиктованы интересами христианства, ибо папе поручено пасти церковь Христову. И да совершится единение в истине». Особо иезуит настаивал на том, что «Флорентийский собор (1439 г.) восстановил согласие обеих церквей и греки признали папу главой всей Церкви». На что получил чёткий ответ от Царя Иоанна: *«греки нам не Евангелие»*.

Далее Поссевино недвусмысленно намекает, что приняв власть Рима, Русский Царь получит от папы и Киев, и Царьградский престол, и венец Византийского Императора. Царь Иоанн Васильевич, не прельстившись на это, отвечал: «Мы в Христианской вере родились и Божьей благодатью дошли до совершенного возраста; нам уже пятьдесят лет с годом, нам уже не для чего переменяться и на большое Государство хотеть. ...Я не желаю никаких новых Государств в сем земном свете; Господня земля, и Он кому хочет даёт её; я желаю только милости Божией в будущем веке. Ты говоришь, что ваша вера римская с греческою одна: но мы держим веру истинную Христианскую, а не греческую, и с нашей верой Христианской, римская вера во многом не сойдётся».

Но иезуит, однако, не унимался, продолжая настаивать, что на Флорентийском «соборе» к единству вер стремился Византийский император вместе со всем Востоком и на нём присутствовал, как знает Царь Иоанн, Московский митрополит Исидор. Так если «византийский император и остальные представители Востока вместе с московским патриархом сочли необходимым признать, что римская церковь является единственной истинной верой, которая с древнейших пор сохранилась в Греции и Азии в своём первоизданном виде, то Царю Иоанну остаётся только так действовать. ...И возникает вопрос, вера Царя Иоанна та же, если она не та же, то насколько противоречит вере остальных?». Не желая говорить о догматических расхождениях в вероучении Православной Церкви и римо-католиков, Государь Иоанн Васильевич отвечал: «Я – Царь. И нам без рукоположения митрополита и всего священного совету Собора, не дозвоительно говорить об этом», говоря тем самым, что Истину в вопросах веры и учении Церкви, возвещает не Царь и не старший из епископов, а святая Соборная Церковь.

Антонио Поссевино всё же настаивал. Тогда Царь Иоанн Васильевич, со свойственным ему остроумием, обратившись к «малым» делам веры, произнёс: «Ваш папа велит носить себя на престоле и целовать в туфель, где избражено Распятие: какое высокомерие для смиренного пастыря христианского! В нашей вере Крест Христов на врагов победа, чтим Его, у нас не водится Крест ниже пояса носить». Поссевино отвечал на это: «Папу достойно величать: он глава христиан и учитель всех Государей, сопредстольник апостола Петра, Христова сопредстольника. Вот и вас, Государей, как нам не величать

и не славить и в ноги не припадать». На что Государь с укоризною отвечал: «Говоришь про Григория папу слова хвастливые, что он сопредстольник Христу и Петру апостолу, говоришь это, мудрствуя о себе, а не по заповедям Господним... Нас пригоже почитать по Царскому величию, а святителям всем, апостольским ученикам, должно смирение показывать, а не возноситься превыше Царей своей гордостью. Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако; те, кто носят, не ангелы. Папе Григорию не следует Христу уподобляться и сопредстольником Ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не следует же. Который папа по Христову учению, по преданию апостолов и прежних пап – от Сильвестра до Адриана – ходит, тот папа сопредстольник этим великим папам и апостолам, а который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию жить станет, тот папа – волк, а не пастырь». О Флорентийском «соборе» и о митрополите Исидоре, Царь Иоанн, говорить от себя отказался. В конце первой беседы Государь подтвердил, что католические священники, приезжающие в Москву с торговыми делегациями, могут свободно передвигаться и совершать службу, если то же самое будет позволено русским священникам. А вот строительство католических храмов и совершение публичных служб Царь опять не разрешил.

Состоявшаяся через 13 дней вторая встреча Царя Иоанна с папским послом была совсем непродолжительная. После недолгой «аудиенции» Поссевино удалился с советниками и боярами Государя Иоанна Васильевича Грозного обсуждать вопросы «союза христианских князей», мирных переговоров со шведами, персидские и татарские дела.

Третья беседа Царя Иоанна с А. Поссевино была целиком посвящена вопросам различия вер. Государь Иоанн Васильевич, не желая, чтобы папский посланец всё сказанное на ней воспринял бы за личное «мудрование» (или как писал в своих воспоминаниях А. Поссевино – «заблуждения») Царя, «повеле отцу своему и богомольцу, Преосвященному Дионисию митрополиту всея Руси, собрати Архиепископы, епископы, архимандриты и игумены, Собор». Это был уже третий Церковный собор «на предложения и слова папского посла Антония Поссевино». Первый Собор собрался сразу после вручения Царю Иоанну «подарка» от папы Григория XIII – книги о Флорентийской унии. Вручая сей «дар», Поссевино, пересказав историю «Флорентийского собора», стал объяснять расхождения в Православной и католической вере и упомянул об «истечении Святого Духа», сказав дословно: «как де, ото Отца, так де, и от Сына Святой Дух исходит; а мы, де, Римляне и Латыня веруем во Отца и Сына, и в Первую Силу». Тогда и был собран Собор, чтобы определить, «что убо есть Первая Сила?». На этом Соборе в защиту «латынского» учения о «Первой Силе» выступил Ростовский архиепископ Давид. Митрополит всея Руси Дионисий «речи архиепископа Давыда, Государю Царю и Великому Князю Иоанну Васильевичу сказа». Государь же, «слыша о Архиепископе Давиде неправу мудрующую и хулу на Владыку нашего Христа, и того рождшую, Пречистую Богородицу, глаголюща», по совету Дионисия Митрополита всея Руси, и всего Священного Собора «повеле собрати вторый Собор, особен; бысть же и сам Государь на Соборе». На этом соборе архиепископ Давид повторил все свои еретические измышления и не пожелал отказаться от них.

4 марта собрался третий Собор, на котором и состоялась «беседа» Государя Иоанна Васильевича с посланником Римского престола Антонио Поссевино. «Бывшу же Собору, вопросы Митрополит посланника о пришествии его от

Папы». Поссевино начал свой ответ с того аргумента, на его взгляд неоспоримого, что якобы в древней Церкви примат Римской церкви был признан греческой церковью. Во Флоренции была сделана попытка вернуть греков под «законное» верховенство римской церкви. И далее А. Поссевино сказал: «Вы нарицаетесь Христиане, веруете во Отца, и Сына, и Святого Духа, то вотще вера ваша; мы же, истинные Христиане, поскольку письменный язык в Пилатове титуле на Кресте Христове пишет: Елински, Римски, Еврейски; и мы, Римляне и Латыня, веруем во Отца и Сына, и в Первую Силу; Первая бо Сила то есть: как, де, Адам создан и до преступления был одян нетленною плотию, сиял, де, с солнцем и звездами, то и Первая Сила; а как Адам преступил, и Христос, де, ему дал брнную плоть, которую, де, мы ныне носим; а Христос, де от Пречистыя родися, кровь токмо от нея приял; тою кровию мы ныне причащаемся, а плотию тленною от Богородицы родися; а как, де, Христа распяли и во гроб положили тленною плотию, а из гроба встал Христос с нетленною плотию, а брнную свою плоть, ту, де, во гробе разсыпал; а что, де, по воскресении Христос явился учеником своим, то, де, явился привидением; а что, де, не сущее ял, пища, де, гинула».

Потом Поссевино обращается, каждый раз упрекая Русскую Церковь в «невежестве» и «заблуждениях», к отдельным расхождениям между учениями Православной Церкви и католиками: учению «об истечении Святого Духа»; о «пресном хлебе» и о «чистилице». Говоря об «исхождении» Св. Духа, Поссевино стал утверждать, что учение о «Первой Силе» и о filioque («исхождении» Святого Духа и от Сына) основано на Священном писании и учении греческих отцов церкви. Употребление пресного хлеба завещано апостолами Петром и Павлом, а «чистилице», которого не знают греки, означает «очищение грехов перед Страшным судом». В заключение А. Поссевино, упомянув об некоторых различиях в церковных обрядах, вновь стал укорять русских в невежестве (иезуит привёл в пример сущую нелепицу, когда упомянул, что московиты пьют и кропятся водой, считая её святой, после того как ей «умоется митрополит»). Настойчиво твердил о «верховенстве папы», о необходимости для русских митрополитов «утверждения их тем, кто владеет Святым престолом», и завершил свою речь словами: «Если бы греки не заблуждались бы ни в чём другом кроме этого, то они всё равно одним только этим поставили бы себя вне истинной церкви. Их митрополиты и епископы, поскольку они не получили папского утверждения, не являются перед Богом истинными епископами». Ответное слово Благоверного Государя Иоанна по своей глубине, мудрости и ревности об Истине и Православной вере достойно быть включено во все пособия по «Догматическому» и «Сравнительному» богословию (к сожалению, мы не можем здесь привести Ответное слово из-за его величины). Но «ответь» папский легат получил полную, не смея возражать, в дальнейшем на Соборе Поссевино пребывал в молчании.

Видя полную неудачу в своём главном деле, Антонио Поссевино предложил Царю учредить в Риме семинарию для русских и стал просить отпустить несколько молодых людей в Рим – изучать латинский язык, уверяя Царя, что воспитывать их там будут «верно, в вере греческой». На что Государь Иоанн Васильевич ответил: «Теперь вскорости таких людей собрать нельзя, которые бы к этому делу были пригодны». Так, «не солоно хлебавши» иезуиту пришлось убраться из Москвы. Провал «миссии» был полный. А. Поссевино, который так гордился своими «необыкновенными» успехами в прежних посольствах, которому сами иезуиты приписывали почти магическую

способность насаждать и утверждать папскую власть и веру всюду, где бы он ни появлялся, на этот раз должен был признать, что он «так и не нашёл ничего в русской жизни, к чему можно было бы привить латинскую веру».

По возвращению в Европу Антонио Поссевино были составлены отчёты для Римской курии и написаны несколько «сочинений» о Московии, в которых он «описывает» Русскую Державу, её Царя, быт и веру русских людей, не забыв упомянуть о своих «трудах» в деле установления мира между Москвой и Польшей. Свой «отчёт» о Московском посольстве он завершает такими словами: «Что же касается религии (а это было то главное, что требовалось от посольства), то при всём моём самом настойчивом старании, ничего не удалось добиться. Но, думаю, у москвитов появилось беспокойство и сомнение, является ли их вера истинной, и многие из них уже движимые усердием (узнать истину), и лишь только откроется доступ католическим священникам, его можно будет поддержать и увеличить».

С провалом папского проекта всякая «дружба» Ватикана к Русскому Царю сразу же испарилась. Более того, по возвращению Антонио Поссевино из Москвы, происходит одно весьма примечательное событие. В августе 1582 года (за 1,5 года до кончины Царя Иоанна Васильевича Грозного) иезуит Поссевино выступая перед правительством Венеции, объявил: «Московскому государю жить недолго». «Имеющий уши, да слышит» (Откр. 2:29).

В том же, 1582 г. Мелетий Пигас, будущий Патриарх Александрийский, написал обличительное сочинение против «главенства» пап и намерений Рима подчинить себе всю Церковь. Он послал свой труд Благоверному Государю Иоанн Васильевичу Грозному с дарственным напутствием и святительским благословением, как «борцу с латынями и защитнику Православия». В 1584 году «по просьбе Самодержца всея Руси Царя Иоанна Васильевича, Мелетий Пигас прибывает в Москву» для перевода и разбора той самой книги о Флорентийской унии, присланной от папы, но смерть Государя Иоанна Васильевича не даст осуществиться сему благому намерению.

А иезуит Антонио Поссевино ещё не раз проявит себя в Русской Истории. В правление Блаженного Царя Феодора Иоанновича сей «тайный викарий Восточной Европы» вновь прибывает в Москву с письмами от папы. Рим снова приглашал Русского Царя примкнуть к «коалиции» против турок, настаивая «наконец-то решиться Москвитам на соединение церквей в форме унии». Но «посланец доброй воли» А. Поссевино, как и прежде, не добился желаемого.

В 1586 году А. Поссевино (помощник провинциала в Речи Посполитой) хлопотал у Римского папы Сикста V субсидию в 25 тыс. скуди ежегодно для завоевания Стефаном Баторием Москвы, который намеревался «устроить из Московии базу для своего продвижения на Восток и в Персию». Поссевино изобрёл даже предлог для нарушения перемирия: «истощённая длительной войной Россия постоянно находится под угрозой захвата её турками, поэтому поляки должны прийти на помощь своим славянским братьям для защиты их от ислама». При этом иезуит не оставляет своих намерений «идеологического воздействия» на Русь и проекта унии в юго-западных областях России. «Вдохновив» идеей унии князя Константина Острожского, он предложил ему созвать в Остроге собор, который бы выработал план объединения церквей. Для этого Антонио Поссевино активно использовал Острожскую типографию, где печатал латинские книги на славянских языках. Поссевино пишет и распространяет латинский катехизис и несколько полемических сочинений против Православной Церкви. Хлопочет перед папой об открытии иезуитских

коллегий для русских в Вильно и Полоцке и латинской академии наподобие греческой академии в Риме.

В следующем году «уважаемый ректор Падуанской академии, известный теолог и знаток Руси и Ливонии» А. Поссевино публикует свой главный писательский труд – двухтомник «Московия». В нём рассматривались перспективы и трудности введения латинской веры в Московском Царстве. Пытаясь выработать стратегию проникновения католической веры на Русь, Поссевино скрупулёзно сообщает сведения о Царе Иоанне, его сыновьях, о царских советниках, о русских крепостях и способах их обороны. Он также даёт рекомендации: когда и как, кого и в какой одежде, с какими книгами и подарками следует посылать на «миссию» в Русские земли. Рассуждая о нашей вере, Антонио Поссевино признаётся, что «дело введения в Московию католической веры будет очень трудным». И далее сей «теолог» описывает «невежество и дремучесть» всех Русских епископов и монахов. «Все заблуждения москвитов происходят от того, что они приняли христианскую веру от схизматиков-еретиков и охотно верят всему, что бы ни наговорили греки, завистники к римской славе и благочестию». Простой народ, по Поссевино, находится в «страшных заблуждениях» – «веры в чудо и чудодейство особенно любимого ими святого Николая епископа Мириликийского». Москвиты верят в чудеса русских святых, в то, что «мощи некоторых схизматиков прославлены тем, что остаются нетленными и с их помощью совершаются чудеса и исцеления». Русский народ, по словам Поссевино, «тёмен и забит, ведёт грубый образ жизни и неприятен», и только католицизм «сделает москвитов способными к интеллектуальному развитию». «Большая нация» – так заканчивает свой «опус» Антонио Поссевино. Но это был не последний труд писателя-иезуита.

В 1605 г. во Флоренции появляется книжка, наделавшая много шума в Европе, переведённая на многие европейские языки и тиражируемая в Венеции, Праге, Граце, Мадриде и Париже, о «чудесном юноше Димитрии», который якобы чудесным образом спасся от наёмных убийц в Угличе. Авторство этой книжечки многими исследователями приписывается всё тому же иезуиту Антонио Поссевино (да ему и не впервой «отлить такую пулю», потому как история об «убиении» Царём Иоанном Грозным своего сына Царевича Иоанна тоже вышла из-под пера этого «знатока Руси»). Понятно, что не сама книжонка вызвала из небытия в Русскую историю Лжедмитрия. Но её появление приоткрывает нам те тайные пелены с пресловутого «восточного вопроса», стоявшего перед Римской курией с самого момента создания папистами своей антицеркви Запада. В начале XVII в. Польша (читай Рим и иезуиты) бросилась в решающий поединок с Русью, претендуя на «гегемонию» над всеми славянскими народами европейской равнины, сделав ставку на фальшивого царя и на фальшивую веру (унию). И вот здесь-то вновь на горизонте Русской истории появляется иезуит Антонио Поссевино со своим «чудесно спасшимся царевичем».

Иезуит Антонио Поссевино личность тёмная и мерзкая, полностью соответствующая своему, ставшим нарицательным, званию – иезуит. Несмотря на восторженно-уважительные отзывы его биографов о том, как «сын золотых дел мастера из города Мантуи, отличаясь выдающимися способностями, сделал блестящую карьеру в орденах, став секретарём генерала ордена иезуитов, являясь неоспоримым авторитетом в богословских спорах и выдающимся теологом, возглавил академию», мы знаем А. Поссевино совсем с другой стороны. За ним тянется кровавый след по всей Европе. В 1559 г. Поссевино

вступает в орден иезуитов, а в 1560 г. его (прошедшего новициат, двухлетний срок испытания, за 6 месяцев), настаивающего на применении самых жёстких мер против еретиков, генерал ордена Лайнес посылает в Савойю с двухтысячным войском, чтобы пресечь успехи реформации. Поссевино один из организаторов Варфоломеевской ночи, резни протестантов в Тулузе и государственного переворота в пользу унии в Валахии. Командующий польскими войсками при осаде Пскова Ян Замоиский, по воспоминаниям ксендза Пиотровского, так отзывался о нём: «никогда не встречал человека более отвратительного, чем Поссевино». Ю.Ф. Самарин, в своей оценке был ещё более категоричен, утверждая, что за все его «советы и планы» по отношению к России: «заставляют отнести Поссевино к числу самых заклятых врагов России, нанесших ей наиболее вреда».

Во времена Смуты А. Поссевино был «главным куратором» двух Лжедмитриев. Находясь в Венеции, он «поддерживал постоянные сношения» с главой («провинциалом») польских иезуитов Стривери, папским нунцием Ронгони и с «духовниками» самозванцев. Первый Лжедмитрий оказался достоин своих учителей. День своей коронации он выбрал сам (чем и хвастался) в день памяти Игнатия Лойолы – основателя ордена иезуитов. Сразу же после своего воцарения он прямо докладывал в Римскую курию: «А мы сами Божией милостью соединили церквей сами приняли, и станем теперь накрепко промышлять, чтобы всё государство Московское в одну веру римскую всех привести и костёлы римские устроить». Чем и заслужил похвалы от ликующего А. Поссевино: «Димитрий может явиться новым Соломоном. Он воздвигнет храм лучше Иерусалимского святилища». «*Был ли самозванец креатурой ордена, или они, случайно столкнулись с ним, подготовили его для своих целей – вопрос об этом ещё не разрешён окончательно*», – пишет историк И. Вишенский, – *но несомненно то, что иезуиты знали, что Лжедмитрий не сын Иоанна, и служили ему из своих соображений*». Антонио Поссевино, после воцарения Лжедмитрия, несмотря на свой преклонный возраст, активно принимается за «просвещение» Русской державы. Он отправляет инструкции своим «братьям» иезуитам, как и что надлежит им предпринять для того, чтобы привести русских под омофор римского первосвященника. Пишет послание Самозванцу, в котором призывает его немедленно начать распространение латинской веры через основание во всех «значимых» городах иезуитских коллегий и постройку костёлов. В то же время Поссевино обращается к герцогу Тосканскому, умоляя его представить на рассмотрение папы забытый проект по устройению в Риме русской типографии. «Одержимость» Поссевино унией была столь велика, что после гибели первого Самозванца он свои «наставления и рекомендации» переносит на второго. «Инструкцию» о том, как подобает уже следующему, второму Лжедмитрию ввести унию между Москвой и Римом, передаёт всё тот же Антонио Поссевино:

– самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтоб не от него началось дело;

– пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, и тем проложат путь к унии;

– *издать закон, чтобы в церкви русской всё подведено было под правила соборов отцов греческих*, и поручить исполнение закона людям благонадёжным, приверженцам унии;

– *возникнут споры, дойдёт до государя, он назначит собор, а там можно будет приступить и к унии*;

– намекнуть чёрному духовенству о льготах, белому о достоинстве, народу о свободе, всем о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими;

– учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей учёных, хотя светских;

– хорошо бы, если б поляки набрали здесь молодых людей и отдали их в Польшу учиться отцам иезуитам...

Был ли А. Поссевино автором и этой инструкции или нет, это не столь важно. Поразительно то, что после провала «самозванщины», спустя полвека, данная «инструкция» отцов-иезуитов стала претворяться в жизнь Русского государства и Русской Церкви с точностью «до пункта». Но, это уже другое повествование.

Зле злодействуют злодеи и лукавой ложью лгут.

Столь подробное описание одного события (прибытия папского посла Антонио Поссевино ко двору Царя Иоанна Грозного) в череде нескончаемых попыток Запада подчинить себе Русскую Церковь, является, на наш взгляд, необходимым, поскольку в ходе переговоров с Государем Иоанном Грозным, посланец папского престола «обнажил» все замыслы и пути решения Римской курией «восточного вопроса». Ватикан решает сосредоточиться на трёх основных (в отношениях с Россией) задачах и вопросах:

1) «Вселенский вопрос» – соблазнить Русскую Церковь и Русского Царя приобретением (при покровительстве Римского папы) Вселенского Патриаршества и престола Константинопольских Императоров для дальнейшего подчинения их Риму;

2) «Униатский вопрос» – установление под любым видом и на любых условиях унии Русской Церкви с Римским престолом с одной только целью – признание «главенства» в Церкви Христовой Римского первосвященника;

3) «Вопрос Восточного обряда» – при сохранении внешнего вида и чина православного богослужения принятие Русской Церковью римо-католического вероучения, по которому без признания папы «главой» Церкви невозможно спасение.

Но все три «вопроса» подчинены одному, главному – «примату главенства епископа Рима, Викария Христа, приемника князя Апостолов, верховного первосвященника Вселенской Церкви, Патриарха Запада, Примаса Италии, архиепископа и митрополита провинции Романии, суверена государства-града Ватикана, раба рабов Божиих – папы Римского».

Святоотеческое учение Восточной Православной Церкви римо-католическую веру определяет не иначе, как *латинскую ересь*. Главным вопросом для католицизма был и остаётся вопрос о власти, который для Римского престола является основным и стоит превыше всего. Причём власти всеобъемлющей и тотальной. Своим стремлением присвоить себе главенство в Церкви Христовой и в Христианском Государстве, папизм стремится похитить властные prerogatives Христа, т.е. подменяя собой Христа Бога, папизм стремится заполучить абсолютную власть. Иступлённое стремление и «жажда» обладания такой абсолютной властью, столь желаемой Римским понтификом, отобразилось даже в папском гербе Ватикана, где два *ключа*, серебряный – как символ

светской власти, и золотой – как власть духовная, покрываются папской тирарой. И именно в этом своём стремлении папизм есть «предтеча» антихриста, призванный подготовить основу для власти «мирового правителя».

Долгое время орден иезуитов являлся «важнейшим инструментом» и главным орудием папского престола в непримиримой войне римо-католицизма с Православием. Но со временем орден добился такой «автономии», что стал контролировать все решения Римской курии. Приход к власти в 2013 г. папы-иезуита Франциска стал триумфом ордена в его властных притязаниях, переводя Ватикан под прямое управление иезуитов.

В современном мироустройстве Римский папа, сочетающий в себе два типа власти (как «наместник» Бога на земле и как глава теократического государства), выступает как высший тип власти. Его главная задача – создать «вертикаль духовно-окультной власти» для сверхчеловека, способного подменить собой в сознании людей Бога. Для достижения этой цели развёрнута бурная «экуменическая» деятельность папского престола и т.н. «диалоги любви» римо-католиков с православными, призванные подготовить «всеобщее объединение христиан» в единую мировую религию. Одновременно выстраиваются для этой новой псевдодуховной системы власти соответствующие мировые институты (в том числе и «мировая церковь»), для управления всем человечеством. Мировоззрение членов такой создаваемой «всеобщей церкви» должно иметь абсолютно искажённое представление об Истине и систему духовных ценностей с совершенно размытыми границами. В эту создаваемую папизмом систему власти должна быть «встроена» и Русская Православная Церковь.

Для успешной реализации этих планов современных стратегов «нового мирового порядка» Ватикан вновь прибегает к проверенным средствам решения «восточного вопроса». Но «уния», как прежняя форма подчинения Православных Поместных Церквей папскому престолу, на современном этапе апостасии уже не может содействовать реализации тех целей, что стоят перед понтификом-иезуитом. Сам папа заявил об этом в 2014 году: «Униатство – это слово из другой эпохи. Сегодня мы не можем так говорить. Мы должны найти *другой путь*. Помогите мне найти такую *форму примата*, на которой мы сойдёмся». Таким «путём» стал приспособленный к современным реалиям «Вселенский вопрос», решив который, Ватикан гарантировано сможет реализовать главную свою цель – создание всемирной вертикали духовно-политической власти для мирового правителя – антихриста.

Камнем преткновения, стоящим на пути «восстановления единства» православных с римо-католиками, является всё тот же «ключевой» вопрос – Вселенского первенства римского первосвященника. Поэтому творцам «новой унии» необходимо было найти такие способы решения его, которые смогли бы принять и католики, и православные. Решение было найдено в Кьети «Смешанной комиссией по богословскому диалогу» в сентябре 2016 года. «Богословы» решили обойти этот «камень преткновения» – примат полноты власти в церкви папы римского (ересь папизма), вернуться к взаимоотношениям первого тысячелетия, когда две «традиции» мирно *сосуществовали*, и тем самым открыть путь для восстановления «*полного общения*» и «*жизни в единомыслии*». О.Н. Четверикова, известный специалист по истории и деятельности Ватикана, делает совершенно справедливый вывод: «*Переведя Русскую Православную Церковь на “единомыслие” с папизмом, церковное руководство фактически переводит православный народ на “универсальное*

видение”». То есть, на «легитимных основаниях», но полностью игнорируя мнение Церковного Народа, происходит замена православного вероучения и мировоззрения на римо-католическое, с сохранением только внешней православной формы.

Для достижения своих целей Риму также необходимо добиться, чтобы и Православная Церковь обзавелась единым, главенствующим «религиозным лидером», которого можно будет римскому понтифику заключить в свои «отеческие объятия». Но в силу Соборной природы Церкви Христовой римский престол понимает всю иллюзорность таких намерений. Поэтому в настоящее время была выбрана тактика по созданию единого органа управления всей Православной Церковью, который папа римский смог бы встроить в свою вертикаль власти. «Православные экуменисты» стали утверждать, что «единство Православных Церквей возможно достичь только через *синодальность* (т.е. соборность)». В создание такого «наднационального» синодального органа, который будет устанавливать нормы, обязательные для всех Поместных Православных Церквей, и следить, чтобы они соблюдались неукоснительно, Константинопольский патриарх Варфаламей видит достижение полного «Всеpravославного» единства. Главный идеолог и «рупор» такого «единства» в Русской Церкви митрополит Иларион (Алфеев) заявляет, что «речь идёт о создании совершенно нового органа православной жизни, подобно которому не было в ранней истории». А церковные «богословы» растолковывают нам: «Это не Вселенский собор, а вообще ранее не существовавший соборный институт, его не нужно соотносить с уже известными соборными институтами». Сколько же такого «*совершенно нового*» и «*ранее не существовавшего*» в Церкви Православной, разрушая и стирая её границы, уже состоялось, не получив должной общецерковной оценки. Используя всё ту же риторику, что и в прежние века: о необходимости «*объединиться для защиты христиан на Востоке*», чтобы «*царили мир и любовь*», что «*все предложения папы продиктованы интересами христианства*» и «*да совершится единение в истине*», Ватикан и современные «ученики Лойолы» смогли навязать Православной церкви и её священноначалию:

- различные экуменические «мероприятия и собрания»;
- «диалоги любви» с совместными молитвами о мире во всём мире;
- заседания всевозможных «смешанных богословских комиссий»;
- «Экуменическую хартию 2001 г.» и «Всемирный саммит религиозных лидеров»;
- «теорию ветвей» с взаимным признанием таинств «церквей-сестёр»;
- «Баламандскую декларацию» и «Равеннский документ»;
- «мораторий на употребление термина ересь»;
- «эпохальную» встречу патриарха и папы;
- «Всеpravославный собор» и «Кьетский документ»;
- совместные заявления, объятия и лобзания «глав двух Церквей».

Так, шаг за шагом, творцы «новой унии» и «высшее церковное руководство», поправ соборность Церкви, её вероучение и полностью пренебрегая гласом Народа Божьего, подводят свою паству к краю губительной пропасти отступления от Истины и предательства Церкви Христовой. Сбывается пророчество преп. Серафима Саровского: «*Господь открыл мне, что будет время, когда архиереи земли русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей Его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня,*

убогого Серафима, Царствия Небесного, нежелали наказать их. Но Господь не приклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилюет их, ибо будут «учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня». Этих «учителей» и «духовных лиц», как мы видим, не смущают и не останавливают даже такие слова апостола Павла: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?.. Какая совместность храма Божия с идолами?» (2 Кор. 6:14-16). Ведь у них своё «универсальное виденье», какой должна быть «вселенская церковь» и в какую церковь мы с вами должны «ходить».

В Откровении св. апостола Иоанна Богослова, Святый, Истинный, Держащий в деснице Своей семь звёзд, так говорит Ангелу Филадельфийской Церкви – «вот, Я отворил пред тобою дверь, и никто не может затворить её; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Моё, и не отрёкся Имени Моего... И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придёт на всю Вселенную, чтобы испытать живущих на Земле. Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего» (Откр. 3:7-11).

Филадельфийская («братолюбная», греч.) Церковь и Церковь Лаодикийская («народоправческая», греч.) из Откровения апостола Иоанна Богослова, согласно учению святой Церкви, соответствуют последнему периоду земной жизни всей Христовой Церкви. В эту духовно-историческую эпоху, обе эти Церкви будут существовать одновременно. Из них первая, внешне умалённая, численно невеликая, будет сохранена Господом от «години искушений» и пребудет до конца мира, как чистая Невеста Христова. А вторая – многочисленная и помпезная, о которой Господь не изрёк ни одного одобрительного слова, будучи ни холодной, ни горячей, сочетается с «духом мира сего» и будет Господом «извергнута из уст». По толкованию святых отцов Церкви и Русских святых, обетование Филадельфийской Церкви относится к грядущей России и к судьбам Русской Православной Церкви, к Её «малому Филадельфийскому стаду», которому было заповедано Господом нашим Иисусом Христом – *сохрани слово Моё и держи, что имеешь.*

Поэтому так ценен ныне и востребован духовный и исторический опыт «общения» наших ОТЦОВ с еретиками, которые распознав всё лукавство «посланцев святейшего престола», своей верой, мудростью и твёрдым стоянием в Истине, смогли отразить все злодейские замыслы врагов Церкви Православной и Святой Руси.

